

ЖРОНИМКА

БЕЛОГО БОРОМА

**САМАНДРА
И ДРАКОН**

КНИГА 1

Ушли бы вы в новый мир, в котором возможна магия, но запрещены высокие технологии? Ушли бы, зная, что возврат невозможен?

Этот год станет переломным в истории. Сеть порталов покроеет Землю и свяжет её с новой планетой — Новой Землёй. Восемь богов-создателей откроют людям врата в новый мир. Мы ушли в числе первых. И вот что из этого вышло.

Говорят, что такое вот начало организованного попаданчества в магический мир можно назвать бытовым фэнтези. Но маленько боёвки тут тоже есть. И юмор, как же без него. И даже немножко про отношения.

Да, короче, что я препарирую — жизнь есть! Жизнь во всём своём разнообразии. Только в магическом мире. Диком, пропитанном магией мире. В котором вас периодически хотят сожрать всякие разумные и не очень твари...

**Хроники Белого Ворона-1: ЗАПИСКИ КЕЛЬДЫ,
часть 1**

01. НОВАЯ ЗЕМЛЯ: НАЧАЛО

Они появились внезапно.

Без грохота и фейерверков.

Без дрожи земли.

Случись это где-нибудь в пустынях, их, пожалуй, долго бы ещё не заметили.

Но тут располагали, как говорится, не самые последние силы — и часть оказалась вблизи больших городов, не оставляя шансов остаться безвестными.

Они навсегда изменили множество жизней... Однако, давайте по порядку.

В год сто тридцать восьмой по нашему нынешнему летосчислению я принимаю решение начать публикацию некоторых своих записей (наиболее, на мой взгляд, интересных).

Прежде всего, как это до сих пор принято на Старой Земле, я хотела бы сразу сказать, что все люди выдуманы и все совпадения случайны, бла-бла-бла... У многих же остались друзья, родственники, связи. Так что если кто-то себя узнает — считайте, что всё это моя богатая фантазия. Можете даже признать её больной. В конце концов, как в том анекдоте: «Та Боже ж мой! Когда меня нет, они могут меня даже бить!..»

Большая часть событий сохранилась в виде моих дневников.

Некоторые собраны из чужих рассказов и воспоминаний.

Тут уж не обессудьте — как есть. Лет прошло уже много, иногда начинаю перечитывать и сама удивляюсь...

БОЛЬШОЙ СВЕТЯЩИЙСЯ ПУЗЫРЬ

Земля, Россия, Иркутск, последняя суббота июля, год открытия порталов // Неизвестно где,???.???.????

Помнится, была ленивая летняя суббота, вечер, часов уже восемь. Мы с мужем пересматривали какой-то сериал (кажется, «Шерлока»), когда телефон начал активно гудеть, сигнализируя о потоке сообщений в соцсетях, а затем разразился жизнерадостным треком, свидетельствующем о том, что звонит старшенькая. Связь на дачах в Новогрудиново плохая, чтобы нормально поговорить, нужно выходить к берегу залива, чуть не на полкилометра от дома. Что там случилось у них?

В трубке, не дождавшись моего «алё» сразу закричали:

– Мать! — на заднем фоне что-то бурно обсуждали, – Вы видели этот пузырь?!

– Какой пузырь, доча?

– Да ты что?! Прямо рядом с вами появилась какая-то хреновина! Здоровенная! Типа светящегося пузыря. Соседи по телеку в новостях увидели. И, говорят, что-то в нём мелькает, ну... – дочь на мгновение задумалась, – ...судя по фоткам, природа какая-то... И он растёт! Сходите, гляньте, а? Расскажешь мне потом. Только совсем туда не лезьте, – голос у ребёнка переключился в «режим охраны»; да, Галя есть Галя, – Вдруг шарахнет, мало ли что! Короче, давай, посмотрите, но осторожно. И позвони сразу, хорошо?

– Хорошо, хорошо, давай... – я отключилась и длинно вздохнула, – Ой, блин... пузыри ещё какие-то...

Вова, краем уха слушавший наш разговор и просматривавший сообщения на телефоне, уже подорвался.

– Давай-ка собирайся быстренько, и правда, что-то интересное, смотри, – и показал мне несколько слегка размытых фоток, на которых виднелась непонятная сферическая светящаяся штука, дислоцирующаяся, судя по всему, метрах в трёхстах от нашего дома.

Ну, быстренько — так быстренько.

Пляж и прилегающий к улице Якоби парк (с одноимённым названием) встретили нас бурлением, тысьзыть, народных масс, которые продолжали интенсивно прибывать. Да-а-а, в последний раз на этом пляже я такую толпу видела зимой на Крещение лет восемь назад. Тогда под машинами ещё лёд просел, и вода попёрла из прорубей, заливая людям ноги, а МЧСники бросились судорожно сгонять обнаглевших автомобилистов на берег.

Со всех сторон доносились разной степени цензурности рассказы очевидцев (и тех, кто почти ж то успел увидеть) о появлении диковиной штуковины. В целом рассказы сводились к одному: «Ты прикинь?! Мы сидим (лежим, идём, едем...), такие, общаемся (загораем, купаемся, культурно отдыхаем, никого не трогаем...) — вот ТОЛЬКО ЧТО (делаются ГЛАЗА) ничего не было! И хоба (следите за руками!) — уже есть! И, главное, тихо так! Скажи?» «Ваще тихо! — включается второй очевидец, дирижируя себе шашлыком на шампурике (ну, или детским совочком для песка), – если бы не светился, мы бы и не заметили сразу!» «Но, сперва маленький такой был шарик, как футбольный мяч, а ща уже вон – метра три!»

Ну, в целом картина ясна.

В тёплый субботний вечер, прямо посреди многолюдного парка отдыха в воздухе возникла небольшая светящаяся сфера. Висела она метрах в двух над землёй, у края пляжной автостоянки. Воздух вокруг искрился, прямо как в диснеевских мультиках.

Народ поначалу решил, что это какой-то новый выпендрёс, придуманный хозяевами пляжа, чтобы привлечь поток клиентов, и лениво потянулся поглазеть. Вскоре рядом появилась озабоченная охрана, и стало ясно, что явление это самопроизвольное. Матюгальники заорали над пляжем, прося владельцев авто отогнать их подальше — вдруг шаровая молния, мало ли...

Странный объект между тем потихоньку рос, на его поверхности действительно иногда мелькало что-то, похожее на виды природы. Любопытные, разогнанные было угрозой самовозгорания, снова подтянулись ближе.

К тому моменту, как мы подошли, шар почти перестал вращаться, вырос почти до трёх метров в высоту и... продолжал увеличиваться. Вокруг метров на тридцать наблюдалась санитарная зона – народ у нас любопытный, но всё же не отмороженный — а ну как бахнет? А тридцать метров в понимании большинства наших соотечественников гарантированно выводит их из зоны поражения.

Мы посмотрели друг на друга.

– Пошли, поближе глянем?

– Ну пошли!

Мы же не совсем отмороженные, поэтому точку обзора выбрали побезопаснее, метрах в сорока.

Вблизи новоявленный артефакт выглядел... как зарождающийся портал?.. Вот нижний край сферы достиг земли, вращение окончательно прекратилось, но свечение продолжало расширяться. За пятнадцать минут оно прошло стадию купола, а затем начало сплющиваться, пока не приобрело форму арки...

А потом светящаяся внутренность арки исчезла. Как будто в нашем мире аккуратненько вырезали дугообразные воротики, метров пятнадцать в длину и метров семь-восемь в высоту, сквозь которые виднелся очень похожий на нашу природу пейзаж: кусок поросшей травой равнины, лес в отдалении (судя по всему, смешанный) и над ним — кипы белоснежных кучевых облаков. Обрамляла ворота светящаяся рамка, сантиметров двадцати шириной. Шла мерцающая полоса и по земле, не выступая, правда, на поверхность, а просто обозначая грань между мирами. За порогом был день. Солнце стояло в зените. Ветер рябью бежал по диким травам, и, судя по цвету травы, было самое начало лета.

Просвет несколько раз подёрнулся рябью и окончательно прояснился. И вот тогда-то мы слышали ЭТО.

Каждый потом рассказывал о разном. Это были разные голоса — молодые, зрелые, совсем юные; мужские и женские. С каждым они разговаривали на понятном ему языке, в совершенно разных манерах... На потрясённый мир опустилось всеобщее молчание. Каждый слушал...

Мой голос был женским:

«Да, дорогая, это именно то, о чём ты думаешь — обычный портал. Таких теперь сотни. Я не буду тебя уговаривать, но там — именно тот мир, о котором вы мечтали. Вы с мужем... Да конечно, я в курсе! Я же богиня, в конце-то концов. Одно тебе скажу — там дивно!

Это совсем новый мир, новорождённый, ничем не испорченный. Не Эдем, нет. И встретившиеся волки вполне могут попытаться попробовать вас на вкус... Но почему-то я думаю, что вы с этим справитесь. Сложности будут в другом... В силе привычек.

Слушай внимательно и запоминай, я не хочу, чтобы вы разочаровались.

В этом мире не будут работать электричество, двигатели внутреннего сгорания, паровозы и прочие высокие технологии. Только простые механизмы. Никаких телефонов, компьютеров, телевизора. Тракторов и автомобилей тоже нет...

Оружие — только холодное; для твоего-то* — вообще раздолье! Всё остальное — божественным решением запрещено. Не будет работать или так сработает против хозяев, что останется только страшное воспоминание.

Всем, кто решится уйти, мы даруем мафусаиловы века, но... обратной дороги нет. Порталы будут стоять, можно будет даже передать в обе стороны предметы, но выход оттуда людям закрыт.

Думайте, Оля, хорошо думайте. Выбирать вам».

**Намёк на то,*

что Владимир Олегович

много лет занимается

историческим фехтованием.

В голове наступила тишина.

Муж подхватил меня под руку и вытянул из взорвавшейся возгласами толпы, глаза его блестели.

— Ты понимаешь, что это?

— Конечно!

Продолжить разговор не дал разразившийся воплем телефон. Сквозь общий ор было понятно одно: все наши отдыхающие в Новогрудино тоже слышали послание и теперь — «пожалуйста, ну мам!» — хотели получить хотя бы беспонтовое видео по вайберу.

Да блин!.. Ну ладно...

Вблизи светящейся рамки на некоторое время воцарилось удивительное спокойствие. Здесь никто не орал, даже дети.

Просто, подходя, ты терял всякое желание орать. И почему-то появлялось чувство некой неловкости от собственной праздности. Поэтому люди, потоптавшись у рамки, вновь отползали к периферии толпы, где можно было вволю делиться впечатлениями, размахивая руками и успокаивая пивом нервы.

В дальнем от портала углу опустевшей автостоянки виднелась пара полицейских бобиков. Рядом курили менты и пляжеские охранники. Морды у мужиков были мрачные: чё делать — непонятно, и не свалишь — работа же. Ну или служба...

Мы обошли вокруг. Сзади конструкция выглядела как громаднее зеркало. М-гм.

Ну, в принципе, всё понятно. Тут вход. Тут выход. Тут зеркало для красоты повешено, сразу видно — с этой стороны не работает. Зато можно поправить причёску и вообще прихорошиться.

Пока мы совершали круг почёта, у «рабочей» стороны артефакта разгорелся какой-то кипеж. Компания изрядно весёлых парней пришла посмотреть на чудо. Чудо оказалось скучным, и они начали подначивать друг друга заглянуть за рамку, толкаться и ржать. В результате сложноописываемых телодвижений трое упали с этой стороны, а один, получив удачную подножку — с той, приземлившись задницей на собственный телефон.

Народ ахнул, а упавший, не осознав масштаб трагедии, начал возмущаться:

– Пашка, бл**ь, чё за подстава? Телефон, бл**ь, новый, трёх дней нету!

– А чё сразу Пашка-то? — возмутился друган.

– Да ничё! Любитель подножек, блин! Вон, смотри! — парень повернул телефон экраном к компании, — умер, всё! Ещё и царапина во весь экран, по гарантии даже смотреть не станут, скажут — долбил обо что...

Парень сделал шаг вперёд, намереваясь плечом оттереть неуклюжего приятеля... и воткнулся в невидимую стену.

Народ ахнул ещё раз. Парень попытался выйти снова. И снова. Потом с разбегу. Потом психанул и швырнул в невидимую стену злополучный телефон. Телефон границ не заметил, пролетел, воткнувшись в ближайшую клумбу и бодро заработал, разразившись Рамштайном. Муттер, ага. Пашка подхватил телефон и нервно сглотнул:

– Слышь, Димон... тут тебе это... мама звонит... — он осторожно, стараясь не задеть мерцающую линию, протянул телефон уставившемуся в одну точку парню. Но мобильник замолчал и погас, как только пересёк границу света. Димка подержал в руках мёртвую игрушку и бросил обратно, всё в ту же клумбу. Экран немедленно засветился снова. Нарастающий гул толпы приглушил мрачного Линдеманна.

– Мать? — как-то невыразительно спросил Димка.

Стремительно трезвеющие товарищи судорожно закивали.

– Сами ей ответьте.

– А чё сказать-то, Дим?

– Скажите... Да пусть сюда придёт, сам с ней поговорю.

ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ?

Новость бурлящими волнами расходилась по парку. Народ начал напирать — любопытство, оно ведь неистребимо.

Вовка вытащил меня из давки. Сзади раздавались возбуждённые голоса толпы. Потом послышались громкие щелчки и шипение — менты завели свой матюгальник:

– Граждане! Внимание! Опасная зона! Не приближайтесь к светящимся линиям! Обратный проход невозможен!.. Держите ребёнка, мамаша!.. Опасная зона! Покиньте границу оцепления! Граж... Да ты что, не понимаешь, мать твою! Отойди!!!

Мимо нас пролетели три машины с мигалками. Подкрепление вызвали, ага.

– Ну, хоть больше никто не завалится по пьяной лавочке... – высказалась я, – пойдём, по набережной прогуляемся? Не жарко уже.

– Пойдём.

И пляж, и прогулочные дорожки были необычно пусты. Даже вечно орущий пляжный дискáч молчал. Хорошо-то как! Муж обнял меня за плечи.

– Ты же понимаешь, Олька, вот они — мои сны?

– Ну, да...

Мы немножко прошли молча.

– Ты же понимаешь, Вовка: я — как ты. Скажешь: рванём — значит, рванём. Сколько раз мы это обсуждали!.. Пойдём вон, на качели сядем. Полюбуйтесь на город... – я сделала страшные глаза, –...в последний раз! — ну, не могу я без придури...

Часа полтора мы обсуждали — что и как, прикидывали варианты. По-любому выходило, что Мишку с Васей надо с собой брать. Василиска маленькая ещё, девяти лет нет. А Мишку с его инвалидностью на бабушку вешать – не дело. А уж Галя и бабушка сами решат.

– Блин! Я же Гале обещала видео отправить!

Галя с Кирей нам объявили, что они прям с самого утра приедут на новогрудининском автобусе (Патамушта! Они лично! Своими глазами! Хотят увидеть Огромные Светящиеся Ворота!) – а уж потом мы все вместе поедem на дачу к бабушке.

Мы потихоньку пошли вдоль залива. Волны с шорохом перекачивали мелкие камешки.

На полпути к Аграмадным Светящимся Воротам я остановилась...

– Чувствуешь запах?

– Какой?

– Да корвалолом пахнет!

Вовка в темноте видит гораздо лучше меня. Он первым разглядел на лавочке, в плотной тени аллеи, скрючившуюся фигуру, это была... да, женщина.

– Женщина, вам плохо?

Она подняла на меня зарёванное лицо с красными припухшими веками. Лет пятьдесят, наверное. Одета прилично. Была слегка подкрашена, вон чёрные дорожки. Наша находка шмыгнула носом и дрожащим голосом спросила:

– А кто такой Мафусаил?

Я растерянно посмотрела на мужа.

– Это — библейский персонаж, – невозмутимо ответил Вова, – прославился необычайным долгожительством. Если не ошибаюсь, прожил более девятисот лет.

– Вы уверены? — теперь в её голосе слышалась надежда.

– Абсолютно.

Она глубоко вздохнула и встала, оправляя платье. Поправила на плече сумочку.

– Извините, вы не могли бы меня проводить... туда? — она кивнула головой в сторону автостоянки и светящейся арки, – Я, честно говоря, завалиться боюсь.

– Конечно.

– Только вам умыться бы, – вклинилась я, – Тут, правда, вода холодная.

– Ой! — женщина вытащила из сумочки зеркала, — Ну кошмар, стыдоба!

– Да ладно вам! Пойдёмте, прогуляемся потихоньку. Обувь у вас для пляжа неподходящая. Вов, ты нас тут подожди, ладно?

Мы потихоньку побрели к воде. По ходу дела я узнала, что это и есть мама того улетевшего в портал охламона, Димки, зовут её Света. И живут они вдвоём. Бабушек-дедушек давно уж нет. Муж в первую чеченскую погиб. Димкин старший брат два года назад разбился в аварии. Нет больше никого. Света вздохнула.

– А я, Оленька, на годовщину старшего как раз с инфарктом свалилась. Год назад, получается. Сколько я протяну?.. — я молча поддерживала её под руку. Ну что я скажу? Мы медленно ползли от кромки воды к асфальтовой дорожке, — А Димка мне говорит: мама, она обещала, что выздоровеешь и будешь жить ещё лет восемьсот, — Света повернула ко мне лицо с разгорающейся в глазах надеждой, — С ума сошёл, да? А если правда?

– А кто обещал? — осторожно спросила я.

Света нерешительно помялась.

– Говорит, богиня...

Милый, поджидающий нас на дорожке, услышал конец нашего диалога и подтвердил:

– Если богиня обещала — правда. Будут вам мафусаиловы века, — и на мой вопросительный взгляд усмехнулся в усы, — Во сне про этот мир было так.

– Ой, кстати, познакомьтесь: это Светлана, а это мой муж, Володя!

После взаимных реверансов мы уже бодрее пошли по асфальту и тут Света снова остановилась:

– Ребята, я, конечно, понимаю, что это наглость. Но я вас прошу — помогите, пожалуйста! Я хотела так, как есть... А вот иду и думаю — надо же хоть какие-то вещи взять, да? А вдруг там холодно будет? И... ну хоть какую-то еду? Я такси вызову, у меня деньги есть. Но я одна... Пожалуйста!

Света умоляюще посмотрела на меня, я умоляюще посмотрела на мужа, а муж... есть у него такое выражение лица: улыбается грустно и брови домиком — вот точно так он на меня смотрел, когда я просила взять подброшенного в подъезд котёнка. Я прям голос услышала: «Ну, хочешь — давай возьмём...» — и запищала:

– Спасибо, милый!

Внезапно из-за кустов вылетел парень и с криком: «Тётя Света! Вы нашлись!» — бросился к нам. Я узнала того самого злополучного Пашку.

– Что, Пашенька, что случилось? — с тревогой спросила Света.

– Да мы с пацанами вас обыскали уже. Это... — Пашка покосился на нас, — Вы это... Если всё нормально, мы тогда домой пойдём, да? — пацан почти уже смазал лыжи, но был остановлен командирским Вовиным:

– А ну стоять! — на мгновение повисла осязаемая тишина, а из-за кустов выглянуло озабоченное «лицо при исполнении», — Живо зови своих дружбанов! — и, обращаясь уже к нам, — Вот кто нам барахло таскать будет! И такси нам не надо, на бонге поедем.

ПЕРВАЯ ПОСЫЛКА

Через двадцать минут мы уже стояли в маленькой двухкомнатной квартире у Светы. Как всегда в такие моменты, во мне проснулась воспитательница.

– Так, соберись. Бледная ты что-то, и лоб вон в испарине. Сперва выпей что там тебе надо для сердца. Потом собираемся. Давай! — хозяйка, всё ещё пребывающая в некоторой протрации, побрела на кухню, придерживаясь за стенку, — Ребята, я вот что подумала. За

один рейс не управимся, надо сейчас раза сгонять, Димону по минимуму что-то отвезти, чтобы он голодом-холодом там не сидел, а с утра уже нормально собираться, — мужики согласно закивали, — Коробки на завтра нужны, мешки — куда мы всё это складывать будем? — из кухни появилась Света, — Свет, а у вас что-нибудь туристическое есть? Палатка там, спальники? Хоть на первое время?

— Да были где-то, Дима же с друзьями на природу ездил... На лоджии, может? Или на антресолях?

— Так! — я профессиональным преподавательским взглядом посмотрела на Димкиных приятелей, — Ты — на лоджию, ты — на антресоли лезешь, а ты — иди в Димкину комнату, он мог и там растолкать. Ищем всё полезное для похода. Давайте, бодрячком. Милый, на тебе стратегическая оценка, подумай, что можно будет перекинуть, а что придётся бросить, хорошо? А мы со Светой продукты соберём, ага? Пошли, Свет. Сумка какая-нибудь есть у тебя хозяйская, побольше?

В итоге мы собрали несколько пакетов с непортящимися продуктами, куль картошки, вещи сына, палатки и спальники, котелки с металлической туристической посудой, несколько подушек с одеялами и целую кучу обуви. Капец, каким количеством вещей обрастают люди! А ведь это семья всего из двух человек. Я представила себе наш переезд и поёжилась. Да-а-а, баракла будет в несколько раз больше...

После первого рейса пацаны сквозанули домой, поклявшись в девять быть у порога с коробками и мешками для упаковки. Света согласилась не рваться на части, а спокойно переночевать (хотя, подозреваю, что толком она уснуть не сможет) и с утра обстоятельно собраться.

— Смотри, — инструктировал Вова будущую переселенку, — электроприборы там не работают, это, считай, уже доказанный факт. Так что компьютеры-микроволновки сразу не пригодятся. Можно, конечно, попробовать продать...

— Это ещё смотря что ты решишь с квартирой делать, — добавила ей раздумий я, — Можно доверенность кому-нибудь на продажу оставить. Да вон хоть агенству приличному за определённый процент. А можно сдавать. Есть у тебя знакомые хорошие, кто бы согласился за долю малую заморочиться?

— Если Пашину мать попросить... Думаю, она не откажет...

— Ну вот! С Пашкой договориться, чтобы он на эти деньги вам тут покупал что нужно. Портал-то открыт. Надо — передал записку или там письмо. Купили, принесли...

— Далее, дамы, — Володя притормозил наше перспективное планирование, — Мебель и прочие габаритные грузы я не советую перемещать, пока у вас нет хотя бы навеса, — Света испуганно посмотрела на Вову. Видимо, мысль о необходимости постройки дома пришла ей в голову только что, — Да не паникуй, помогу твоему пацану дом поставить. А он поможет мне, договорились уже.

— Так вы тоже?!.. — вскинулась Светлана.

— Чшшш... Мы тоже-тоже, но кричать об этом не надо, ясно?

Света закивала головой, как игрушечная собачка.

— Ещё, мой тебе совет. Сходи завтра до дачного магазина, купи лопату — хорошую! — тяпку, лейку — для огорода что надо, в общем. Семян возьми всяких. С огородом ты как?

— Да как все... О Господи, ещё и с дачей надо что-то решать...

— Дальше, — Вова продолжил инструктаж, — Соль, сахар, приправы. Про мелочи не забывай. Мы надеемся на лучшее, но — у нас с собой должно быть по максимуму то, что

поможет нам выжить. На случай прекращения сообщений между мирами. Всё, давай хоть маленько отдохни. Завтра к вечеру, часов в пять-шесть мы подъедем.

НОВОСТИ... И НОВОСТИ

Иркутск и около того, следующие сутки после открытия порталов

Домой мы добрались в два часа ночи.

А в девять утра нас разбудили радостные дети, примчавшиеся в город на первом автобусе и с разбегу успевшие посетить новый местный Парфенон. Народу там с утра уже было похлеще, чем вчера. Люди же у нас живут бедно, поэтому почти все приехали на своих машинах, плотно обставив все окрестные отвороты и обочины. И парочка особо одарённых долбодятлов порадовала общественность торжественным поцелуем в самой середине развязки на Якоби, предвещаая тем самым качественный воскресный агмагеддец.

Иркутский портал оказался далеко не единственным.

В Москве, в парке Измайлово, открылся огромный портал, шириной почти в сотню метров, да много ещё где. В сети уже гуляла постоянно пополняющаяся карта, похожая на авоську с четырёхугольными ячейками, с шагом примерно километров в сто. Не все проходы в новый мир, правда, были такие большие (некоторые вообще едва ли не с дверь размером) и не все были удобно расположены вблизи поселений. Бóльшая часть оказалась в полях, в лесах, а то и вовсе в труднопроходимой местности типа гор и болот. Хорошо, если рядом была хотя бы просёлочная дорога. Но сеть, тем не менее, была.

Интернет разрывался предупреждениями.

В деревне Чилим, в Боханском районе Иркутской области, портал оказался на дороге идущего с пастбища деревенского стада, которое всем составом, вместе с тремя подростками-пастухами и овчаркой, ушло на ту сторону.

На окраине городишка Грязи в Липецкой области двое школьников первыми обнаружили небольшой портал, потрогали и залипли. Услышав, что взрослые всерьёз обсуждают: не ампутировать ли им пальцы – дети прошли границу и спрятались в лесу. Ситуация не разрешена, родители в шоке.

В Творогово, в Красноярском крае, потерялось трое детей пяти-семи лет, ушедших собирать землянику. Предположительно, первыми нашли портал и вошли в него. Поиски ведутся, но родители одной из девочек уже укладывают в телегу скарб. «Тут деревня — и там построимся. Не проживём, что ли? – отшил примчавшихся репортёров отец, – А я не изверг, своё дитё бросать!»

В Подмосковье наблюдали страшную грозу, расколовшую сосну, верхушка которой выпала прямо в портал. Край подцепили тракторами и втянули обломок на нашу сторону, диаметр ствола в месте слома около ста восьмидесяти сантиметров.

В Новгородской области видели мамонтов, прошедших по краю видимости.

А мы собирались пересечь границу между мирами. И сделать это грамотно.

02. ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ —...

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ

Вы помните, что нас разбудили в девять? Так вот, в 9:10 мы уже неслись по тракту в сторону Мельничной Пади, ибо, выглянув в окно, муж понял, что если мы не стартуем немедленно, то можем застрять в нашем аппендиксе аж до завтра — и немедленно придал нам всем необходимое ускорение. Так что умывались и завтракали мы уже на даче.

Завтрак прошёл в бурных обсуждениях новостей. Бабушка никак не хотела поверить в случившееся и всё думала, что мы её подкалываем. Под конец она разнервничалась и заявила, что «если всё это правда, то эти ваши хрени покажут по телевизору!» — и включила десятичасовые новости.

Да, сегодня никого не заинтересовала политика. Выпуск новостей начался с того, что в кадре появилась бодрая симпатичная девушка.

— Здравствуйте! — под видео появилась бегущая строчка субтитров, — Мы находимся с вами в московском лесопарке «Измайлово», где вчера вечером открылся один из множества взбудораживших Землю порталов! — На этом месте репортёрша запнулась, со скепсисом посмотрела на свой микрофон и выкинула его в кусты. На качестве звука это никак не отразилось. Только вот голос из высокого и звонкого стал бархатно-грудным.

— Тело хорошее, а одежда — ну просто ужас! — Высказалась девушка. Глаза её стремительно приобрели пронзительно-салатовый цвет, волосы сложились в замысловатую причёску, а из земли вокруг рванулось множество нежных побегов, сплетаясь в длинное ажурное платье, —

Вы видите меня на любом экране в поле вашего зрения.

Вы слышите меня на самом близком для вас языке.

Нас восемь братьев и сестёр.

Мы пришли, но ненадолго. Только чтобы позвать...

Этот мир слишком забит чуждыми нам вещами.

Через несколько дней наше присутствие здесь станет почти неощутимо, мы уйдём на Новую Землю. Нашу Землю. Новый мир, который мы создали и будем беречь.

Мы обратились к каждому, но некоторые сочли наш призыв помутнением сознания. Я призываю ещё раз.

Каждый из вас, людей Старой Земли, может решиться начать новую жизнь в новом мире. На Новую Землю ведёт любой портал.

Однако вы должны быть предупреждены.

Пройти порталом можно только один раз, назад возврата нет. Мы понимаем, что для многих это будет тяжёлая жертва. Но тем, кто решится — каждому — будет даровано здоровье и долголетие, которого на Старой Земле не видели уже многие века.

Но помните: дальше у вас не будет няньки! Свою новую жизнь вы будете строить сами.

Многого из того, к чему вы привыкли, в новом мире никогда не будет.

Ни электрических, ни паровых двигателей, ни автомобилей, ни этих, — она поморщилась и взмахнула узкой ладонью, — ядерных реакторов. Мы не хотим. Всё это не будет работать. Мы хотим, чтобы наш мир остался как можно более живым.

И... только холодное оружие. Помните об этом. Особенно я обращаюсь к тем людям, которые мнят себя здесь хозяевами судеб. Не стоит пытаться обмануть богов. Ваше страшное

вооружение сработает против вас, только против вас, я вам обещаю.

Предупреждаю вас: не надо пытаться завоевать новый мир, сделать из него колонию... Последствия удивят вас очень сильно и очень неприятно...

Каждый, препятствующий кому-либо пройти в новый мир, будет наказан. Вы ведь, кажется, поклоняетесь свободе воли? — зеленоглазая усмехнулась, —

Мы устанавливаем связь между мирами навечно. В любой момент каждый из вас может сделать свой выбор.

Думайте хорошенько, люди Старой Земли...»

Глаза у девушки снова стали серыми. Репортёрша рухнула в обморок, ломая кусты. Камера завалилась на бок и отключилась.

Телек мигнул и порадовал нас светящейся табличкой: «Новая Земля открыта». Секунд через десять объявление скрылось и сюжет пошёл повторно. Я взяла пульт и пощёлкала разные каналы. Так я и думала, везде одно и то же.

— В интернете то же самое, — Галя отложила телефон, — включается только эта запись.

— Ну что, родственники, давайте думать! Девочки, убираем всё со стола. Мишка, достань там из рюкзака тетрадки и ручки.

Бабушка не на шутку встревожилась.

— А вы прямо сразу решили ехать?

— Да, мама, мы с Вовой решили. Мы однозначно забираем Васю. Вы можете думать, решать вам. Я ни уговаривать, ни отговаривать не буду. Сейчас вопрос в том, чтобы помочь нам собраться. Чтобы мы ТАМ нормально устроились, понимаешь?

Мы вытащили обеденный стол на середину и расселись вокруг.

— Мозговой штурм! Листы возьмите все, пишите всё, что в голову придёт. Даже бредовое. Лучше лишнее потом вычеркнуть, чем что-то забыть.

Васямба тоже схватила листок и начала что-то в нём карябать.

Мы с Вовой заранее договорились дать высказаться сперва остальным. Выглядело это примерно так:

— Электричество не работает, так?

— Значит, кремень и кресло взял бы!

— Инструмент по работе по дереву...

— Ой, Оля, как вы там будете...

— Плотницкие инструменты типа топор, пила, рубанок...

— ...нож, молоток и подобное...

— Палатку надо.

— Веревки, разной длины и толщины!

— Там, наверное, ещё и хищники!

— Собак надо с собой взять!

— И оружие, обязательно!

— Одежду лучше туристическую: тёплую, лёгкую, непромокаемую!

Вставляю фразу:

— Ребята, вы совсем-то в глухое средневековье не уходите, так можно и до пещерного быта спуститься. Понятно, не работает техника. Но простые механизмы-то никто не отменял. Швейная машина с ручным приводом — вполне. Мясорубки всякие. Мельницы надо узнать, как устроены. Кто его знает, как обмен пойдёт? А вдруг не пойдёт? Надеяться на лучшее хорошо, но надо быть готовым к автономии...

– Семена для посева в любом случае нужны. Может, сразу получится посадить?

— Ага, а чем пахать? Лопатой поле копать?

— Ну, хотя бы тяпки, мотыги...

– Запас еды надо, пока это всё вырастет!

– Да как вы Васю-то потащите! С ума сошли!

– Нет-нет, баба, я не останусь! Я с ними!

Да, Вася у нас за любой кипеж...

Вова остановил готовое начаться препирательство:

– Прежде всего нужен транспорт. Хотя бы телега.

– Да где её взять-то?

– Да обычная телега — это вообще не проблема! Любая телега, которую таскает за собой хотя бы трактор, с поворачивающимся дышлом. Она может быть переделана...

– Дак ты железную имеешь в виду? — я-то почему-то при слове «телега» сразу представила себе старинное примитивное сооружение с деревянными колёсами... — И какого они размера?

– Да совершенно разные, вплоть до десяти метров в длину. В Марково есть фирма, которая на такие телеги ставит разные будочки. Рядом с Городом мастеров тоже...

– А-а-а! Типа строительного вагончика?

– Ну, да. Его можно чуть-чуть переделать. У нас получается и крыша, и колёса на рессорах, и так далее. На *больших* колёсах. Резиновые колёса в условиях эксплуатации тамошней жить будут пипец как долго. Это ж не по асфальту со скоростью восемьдесят километров в час! Это первое. Второе. Узкие колёса обычно проваливаются во всякое говно, в грязь... а тут мы имеем гораздо бóльшую ширину и диаметр — его даже тупо вытолкать будет проще. Потом, все вот эти вот телеги, они... ну... телеги!.. А тут у нас подшипники, все дела, катится она тупо легче. Мало того, в такую тележку можно встроить тормоз. Покатилась она под горку — ручку дёрнул — всё, она остановилась. Куча, куча фирм этим занимается.

Вы можете ржать, но для меня он реально открыл Америку.

– Вот смотрите, берём такой домик без наворотов — всё равно нам вся эта электрика не нужна — оставляем окна, двери. Стены из СИП-панелей, снаружи обшиты металлическим профилем. Конструкция получается достаточно лёгкой, очень прочной (какой бы толщины не было — это всё-таки железо) и довольно тёплой — вот у нас на первое время есть крыша над головой.

— Интересно, какой там климат? Вдруг зима полгода?

— Да вряд ли...

— Одежду думайте какую брать...

Часа два мы просидели, время от времени кто-нибудь начинал что-то черкать в листочках.

Мы обсуждали, спорили, сомневались и высказывали всякие предположения. Бабушка периодически боялась, охала и даже пила корвалол.

Общим предварительным итогом стала куча исписанных листков и голова размером с самовар. У меня, по крайней мере.

Потом мы пили чай и снова обсуждали...

Проверяли телевизор и интернет — везде продолжалась трансляция манифеста Новой Земли.

Потом бабушка повела нас с экскурсией по участку со своей излюбленной темой — что нам нужно выкопать, чтобы пересадить на новом месте и будет нам счастье. Вы не думайте, я не глумлюсь. Тема была реально актуальная.

СВЕТЛАНА

Всё тот же день, Иркутск // Новая Земля, день пока неизвестно какой

В четыре часа муж скомандовал:

— Всё, поехали! Обещали же человеку помочь с переездом, а какие сейчас дороги — кто его знает. Вдруг, пробки?

Реально, не посмотришь же, весь интернет перекрыт...

Назад мы поехали на грузовике. Всё-таки в кузове сподручнее барахло перевозить. А в кабину нашего двухкабинничка спокойно входят пять-шесть человек. Так что и сами сядем, и для грузчиков место есть, и вещей возьмём прилично, может за одну ходку управимся.

Дорога в город оказалась не особо загружена, скорее, наоборот — пустовата. Развязка на Якоби, вопреки моим ожиданиям, работала нормально. При ближайшем рассмотрении, оказалось, что спасибо нужно сказать трём постам ДПС, расставленным вокруг в стратегических точках. Жаждающим своими руками — ой, нет — глазами! — освидетельствовать артефакт предлагалось припарковаться где-нибудь подальше. Короче, всё как на Крещение, чтобы избежать столпотворения машин, так что к Светиному дому мы проехали нормально.

В квартире было... странно. Тесно от народа, шумно и... в общем, такого коктейля эмоций я давно не ощущала. Такое впечатление, что Светлану провожали одновременно в армию, замуж и в последний путь. Вчерашние парни пришли с родителями, были тут и соседи. Многие пришли с едой, рассудив, что хозяйке сегодня будет не до готовки. С таким огромным количеством помощников упаковка вещей закончилась быстро, а гостинцев образовалось так много, что народ недолго думая организовал поляну, рассаживаясь прямо на обмотанные скотчем тюки и коробки. К моменту нашего прибытия женщины уже вовсю ревели, а мужики хмуро заканчивали вторую бутылку самогона.

— Так, милый, я беру на себя женщин. А вы там с сильной половиной человечества начинайте грузиться, хорошо?

— Ну что, мужики, — к Вове сразу потянулось несколько рук, здороваться (как же, дело святое!) — Внизу у подъезда стоит белый хайс, двухкабинник. Туда носим всё. Кто не в курсе — ничего электрического НЕ БЕРЁМ. Кто со мной в кузов?..

Так, процесс пошёл!

Я подседа к женскому кружку.

— Ну что, Свет, успела? — кто-то уже сунул мне в руку стаканчик с бордовой жидкостью, — Это что?

— Вино, крымское, хорошее!

— Ага. Ну так что, успела?

Светлана кивнула крупно и выразительно, сразу видно — налили ей для храбрости прилично:

— Съездили с Леной на танк... — женщина, подавшая мне стаканчик, совершила столь же амплитудный нырок головой, — Это вот Лена, Пашина мама... Там сегодня нотариус работает, всё оформили, доверенность — всё как ты посоветовала.

— Да я думаю, сдать вообще проблем не будет, — включилась Лена, — район хороший,

всё рядом, квартира ухоженная, тем более вся бытовая техника есть! Не переживай, всё сделаем.

Из прихожей донеслись спорящие мужские голоса. Прислушалась: брать стол с табуретками или не брать? Большинство склонялось к тому, что лучше взять. Пожалуй, что соглашусь. Не такие они уж тяжёлые. А без стола — всяко плохо. Женская часть тоже выступила за. Потащили!

Квартира опустела не сильно — всё же вся остальная мебель и холодильники-машинки остались.

— Ну что, девчонки, пошли вниз?

Мы подхватили последние кульки и двинулись по лестнице. Размякшие женщины плакали, ещё более усиливая сходство с проводами. Вспомнился старый советский фильм «Максим Перепелица», там так же в армию с деревни уезжали. Хотя, нет! Нужно ещё когонибудь с гармошкой и чтоб плясали!

На заднее сиденье хайса набилось аж пять человек, желающих помогать с разгрузкой. Ещё трое пристроились в кузове. Добрый у нас народ, сочувствующий.

Мы со Светланой залезли на переднее сиденье, рядом с шофёром. Хорошо всё-таки, когда кабина большая.

Всё, поехали!

У поста ДПС, блокирующего подъезд к порталу, пришлось потратить пять минут, пока поражённые стражи порядка не уверились в том, что мы не шутим.

...Да! Вот эта женщина переселяется на Новую Землю. Да, прямо сейчас... А мы её помогаем. Видите, вещи? А это люди помочь пришли, разгрузить. Да вы в курсе должны быть, её там сын ждёт... Ну вот...Ну, конечно, мы не собираемся оставлять там машину, разгрузимся — и поедem домой. А она останется. Да. Спасибо. И вам всего доброго... Ф-ф-ф-фу-у-у-ух.

За окном портала чернела ночь. Я мысленно сделала себе пометку разобраться с соотношением времени. Метрах в двадцати, чуть в стороне, горел костёр, у которого виднелась одинокая сидящая фигура. Димка, мать ждёт. Он не поднялся навстречу грузовику — ну конечно, он же видел только бонгу. Зато от дежурившего рядом бобика отделился и подошёл к нам полицейский. Скучно им, наверное...

Света судорожно комкала платочек.

Я выскочила первая, подала ей руку. Хайс высокий, всё-таки. Блин, руки-то какие холодные, да влажные!

— Так, мать! Ты сегодня свои лекарства выпила?

Света смотрела на меня испуганно.

— Нет, забыла... — дыхание тяжёлое.

— Ну-ка не психуй! Не хватало на глазах сына кони откинуть! Живо на ту сторону! Держись!.. — и тут Света начала падать, — Вова!!! — из-за кабины выскочил муж и подхватил начавшую заваливаться женщину на руки.

Рядом полицейский уже кричал в трубку, что срочно нужна скорая. Быстро он. Я бы даже сказала, отменная реакция!

— Вовка — к порталу! Скорая не поможет! — я выбежала из-за грузовика и замахала руками, — Димка!!! Принимай мать!!! — сидящая у костра фигура метнулась навстречу.

Дальше время как будто растянулось.

Странно, я слышу своё сердце... Удар... Медленно разворачивающиеся в нашу сторону люди, раскрывающиеся в крике рты... ещё удар... Света, с закотившимися глазами, мягкой куклой болтающаяся у Вовы на руках... удар... вот он делает последний шаг к порталу, Димка протягивает навстречу руки... удар... вот она летит через светящуюся границу... удар... глаза у парня безумные... удар... удар...

Крики и движение вломились в сознание.

— Мама!

— Да не тряси ты её так!

— Тётя Света!

— Алло, да, к порталу на Якоби! Женщине плохо! — да-а, поторопилась я с выводами. Быстрота реакции у мужика явно односторонняя. Хотя, не будем придирааться, к новым реалиям жизни ещё надо привыкнуть...

Света открыла глаза.

— Димочка, дай я встану...

— Мама...

— Всё хорошо, сынок. Правда, — Димка осторожно поставил мать на ноги. Света глубоко вздохнула и повернулась к нам. А глаза у неё, оказывается, не серые, а голубые! Губы порозовели! — Ребята! Как же тут вкусно пахнет! Воздух обалденный просто!

— Так что, скорую отменяем? — капитан растерянно топтался у грузовика.

Вы слышали, с каким удовольствием смеются люди, мимо которых беда прошла совсем близко, прямо по краешку? Смеялись все, сгибаясь пополам, хлопая себя по коленям и вытирая слёзы. А потом таскали кульки и коробки, пакеты, узлы, табуретки...

Света махнула мне рукой, приглашая отойти в сторонку.

— Оля, спасибо! И за сына, и... за жизнь!

— За жизнь, я думаю, не нас надо благодарить.

Странно вот так стоять, по обе стороны черты, как переговорщики. Всё время непроизвольно хочется сделать шаг вперёд, пожать руку, обнять...

— Зря ты так говоришь. Я, когда падать начала, успела подумать: всё. Никакая скорая не поможет. Если бы вы не догадались...

— Ну догадались же! Ну всё, не реви давай.

— А вы... Когда вас ждать?

— Не знаю точно. Надо дела доделать. Кстати, вопрос времени. У тебя часы механические есть? Так, сверим часы. Здесь, вблизи ворот, время должно синхронизироваться. Можешь подальше их отнести? К костру? А через десять минут посмотрим?

Десять минут у нас ушли на обсуждение всяких мелочей, вопросов быта и всего прочего. Мы договорились, что будем держаться вместе, но Светлане с сыном придётся нас дожидаться. За это время у них будет возможность осмотреться, организовать временный лагерь, найти пригодный источник воды и всё такое...

Наш нехитрый тест с часами показал, что время на Новой Земле бежит в четыре раза быстрее. М-гм.

Я оставила нашим первым переселенцам свой номер телефона. На крайний случай попросят кого-нибудь позвонить, вызовут нас...

Мужики спрашивали Димку — чё как. Рассказать он пока мог мало что, от портала

старался не отходить: знал, что мать может приехать в любое время. В какой-то момент все стали хлопать себя по карманам в поисках бумажек и ручек — переписать Димону свои номера, тоже на случай, если вызвать кого-то надо будет. Вот ещё зарубочка: письменные принадлежности! Ручка нашлась у дежурного капитана, а листок использовали мой, дописали мелко.

Ну всё, пора прощаться. Пока суд да дело — уж и вечер настал. День сегодня вышел длинный, хочу в кроватку.

А в проёме портала небо начало светлеть, занималось утро...

— Пашка, твою мать!!!

Мы уже садились в машину, когда раздался этот крик. Кричал Пашкин отец. Он ещё кричал много всяких слов, в основном непечатных. Оказалось, не у меня одной проблемы с двигательными привычками. Вот и Пашка, прощаясь, протянул другу руку, и теперь, выпучив глаза, стоял «приклеенный» к границе портала.

К Пашкиному отцу присоединился целый хор. Несколько ошарашенный произошедшим. Да и Вова, успевший уже завести двигатель, пару цветистых оборотов выдал. С другой стороны...

— Знаешь, зато Димка не один будет эту кучу растаскивать! Поехали милый. Тут такая толпа родственников, я думаю, они и без нас справятся.

СБОРЫ. НАЧАЛО. ДЕНЬ ТРЕТИЙ ОТ ОТКРЫТИЯ ПОРТАЛОВ

Иркутск

После нашего семейного совета голова у меня была просто как казан. Исписанные вдоль, поперёк и вкось листочки я сложила в одну мультифору и упаковала в рюкзак. Чувствую, буду бдеть над ними полночи. И ещё полночи. И ещё...

Муж уехал показывать потенциальному покупателю гараж, а я уселась за плоды наших коллективных размышлизмов.

Правду говорят: два переезда — как один пожар. А когда ТАКОЙ переезд? В мир, в котором даже некоторые фундаментальные законы отличны от привычных? Можно ставить знак равно? Или один переезд как два пожара?

Да-а-а...

Я разложила перед собой наши записки. Хаос ужасный, аж в глазах рябит.

Так. Давай попробуем зайти с другого конца. Что у нас в активе?

Двушка в хорошем районе. Загородный участок с банькой, кой-какими хозяйственными постройками и насаждениями. Гараж (который и без того был выставлен на продажу и, возможно, сегодня уйдёт). Машина, наша любимая Боня... ну, машина в последнюю очередь. Кучка денег, собирались строить дом за городом. Если всё нормально продать, получится вполне себе приличная сумма.

Вторую квартиру, в которой живёт бабушка с детьми, дачу и второй гараж не трогаем. Они вон вообще ещё не определились, перебираться на Новую Землю или нет... Если не решатся, машину им и оставим.

Есть ещё бабушкин грузовик, на котором Свету возили — маленький двухкабинный хайс. Тоже под вопросом.

А с того, что отложено, можно начать. Я полезла в интернет, и немедленно была ошарашена целой кучей разнообразных предложений телег, прицепов, фургончиков и даже банек на колёсах. Отделки и цены разнообразные.

Так, отмечаем сразу электрифицированные.

Дальше. Банька — это, конечно, забавно. Но реально, нужна ли она? В условиях ограниченности денежных средств... Пожалуй, нет. Вот печку хорошую для будущей бани стоит купить, сделаем пометку в листках...

Тэ-э-экс, вот интересный вариант — до восьми спальных мест. Даже кухонька. А неплохо, холодильник с микроволновкой выкидываем — стол можно побольше поставить. А печка? Печка газовая. Будет работать или нет? Про газ, вроде, разговора не было... (тоже делаю пометку в листочках) Смотрю подробности... Нет, во все готовые домики электрики понапихано — мама не горюй. Надо или договариваться конкретно с фирмой или самим делать. А цена... минималка двадцать тыр за квадратный метр! Оу, это, оказывается, без колёс, одна коробка. А на колёсах... да ну вас с такими ценами!..

Есть отдельно прицеп, платформа пять на два с половиной метра, независимая подвеска, передняя поворотная ось... Триста пятьдесят пять тысяч. М-да, ещё и пружины на рессоры переделывать, чтобы поднять грузоподъёмность и ремонтпригодность. И городить кунг или тент... Капец, чё-то дорого выходит.

Когда мой внутричерепной процессор был готов закипеть, пришёл муж, посмотрел во все открытые вкладки и волевым решением объявил, что возмём мы тракторные телеги, они сразу на рессорах, катаются спокойно двумя людьми вручную (если пустые, конечно) и без проблем переделаются как нам надо:

— Понимаешь, любимая, ширина телеги определяется чем?..

Э-э-э...

— Шириной дороги! Мы в этом случае ничем не ограничены. Соответственно с каждой стороны смело добавляем по метру. Получаем платформу...

Короче, итогом первого обсуждения стал проект мобильного дома на базе тракторного прицепа, с внутренней площадью пять с половиной на три с половиной метра, стенами из сип-панелей, обшитых снаружи металлическим профилем, утеплёнными полом и потолком, встроенной печкой и тёплой дверью в задней стенке фургона.

В противоположной, передней стенке я тоже предложила сделать дверцу, типа балконной, дверь-окно, причём открывающуюся внутрь, чтобы удобно было вылезать на козлы.

Пол мы решили покрыть линолеумом попрочнее, а в боковые стенки врезать по паре пластиковых окошек с каждой стороны, не очень больших, чтоб стекло получилось сантиметров шестьдесят на восемьдесят. И ещё одно окошко поуже, рядом с основной дверью, чтобы обзор был в ту сторону тоже. Дверь сместить к левому углу, чтобы в правом спокойно расположить печку...

Чем дальше мы углублялись в обсуждение мелочей, тем более хмурым и задумчивым становился муж. Наконец я не выдержала, объявила перерыв, потащила его в кухню, налила нам чаю и тогда уже спросила:

— Милый, в чём дело?

Муж с минуту молчал, глядя в кружку.

— Ты понимаешь, не так всё... — та-а-ак... — Был у меня сон... один в один похожий. Началом, по крайней мере...

— Тот сон, где мы загрузили бонгу чем могли, а потом руками её толкали?

Муж тяжело вздохнул.

— Да... Это, наверное, звучит глупо, но... это казалось правильным! А сейчас... Всё становится очень тяжеловесным...

Я устала сидеть в окне.

Из нашего кухонного окошка виден перекрёсток: старые двухэтажки сходятся с трёх углов, с четвёртого — вообще древняя длинная одноэтажная халупа, семьдесят лет назад бывшая клубом рабочей молодёжи, ныне разделённая на магазинчики, с крышей, провисшей как спина у старой кобылы. За старыми домами поднимается стена новых высоток. Светятся светофоры... Не знаю почему, но этот вид всегда меня успокаивает. Очень уютно вот так сидеть, пить чай и смотреть на проезжающие машины. Медитативно.

Да. Если душа говорит, что что-то не так, её голосом никак нельзя пренебрегать.

— Милый. Ты чувствуешь, что что-то неправильно. Так?

— Нет, любимая... На самом деле ты права, нам нужно... — я перебила:

— погоди! Про то, что нам нужно — у меня сомнений нет. И то, что *Я* всё делаю правильно — тоже. Вопрос в другом: что *ТЫ* ощущаешь? Это важно. Суперважно, я бы сказала. И игнорировать интуицию в этой ситуации, как говорил товарищ Ленин, — архипреступно! Послушай себя, внимательно. Переночуй с этими мыслями. Осознай, какими должны быть *именно твои* действия — и от этого будем плясать. Любое твоё решение я поддержу. Я, конечно, не сорвусь внезапно — но, может быть, *ты* выдвинешься первым, не дожидаясь нас? Разведать всё?

По ходу дела, моя пламенная речь упала на плодородную почву (шучу, шучу). По крайней мере, муж приободрился, а в глазах прямо ощутимо замелькали варианты — пошёл просчитывать события.

— Только прошу тебя, милый — хотя бы три дня дай мне. Три дня — чтобы задать вектор. Не хочу я без тебя сидеть здесь, так что нужно придать всему ускорение. М?

— Ну тогда собирайся!

— Куда?

— Покажу тебе фирму, которая переделывает телеги, вагончики и всё такое.

— И телеги поедem смотреть?

— Давай, телефоны выпиши.

— А денежку снимать?

Муж хитро улыбнулся.

— Да я сегодня при деньгах. Я ж гараж продал!

И МЫ УСКОРИЛИСЬ!

Иркутск, день тот же

Вечером мы подбивали первые результаты.

Ну что сказать, итоги дня получились впечатляющие. Мужики, которые занимались постройкой всяких домиков и бытовок на колёсах, оказались Вовиными знакомыми. Идеей прониклись (судя по всему, скоро новым направлением рынка станут подобные «фургоны переселенцев»)*. Цену назначили весьма адекватную. Срок исполнения — пять-семь дней. Вполне и даже очень. Мы сговорились, оставили задаток с тем условием, что как только подгонят телеги «от нас», они сразу начинают работать.

**Между прочим, в массе*

на всяких переселениях в Америку

и особенно на золотой лихорадке

больше всего заработали

как раз торговцы

разнообразным оборудованием,

*крайне необходимыми предметами быта,
да просто продуктами, в конце концов.*

Ну и перевозчики, конечно.

Потом поехали по адресам, глазеть на телеги. Посмотрели пять штук, выбрали две, договорившись за небольшую мзду о доставке в мастерскую. Исколесили, почитай, все окрестности Иркутска. Устала я, как маленькая собачка. Вот вроде и не делала ничего, просто же в машине сидела, а устала — ни рук, ни ног!

Вечером я с чистым сердцем (и из последних сил) выставила квартиру на продажу. Ну, а чего тянуть? Всё! Спать-спать! Нам же ещё сны смотреть про правильные действия (шучу, шучу, ну что вы сразу)...

СБОРЫ, ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ ОТ ОТКРЫТИЯ ПОРТАЛОВ

Всё тот же Иркутск

Всю ночь я занималась тем, что объясняла во сне кому-то, почему мне не нужны свиньи-производители породы пьетрен (ещё бы вспомнить все эти доводы!) и почему я не буду брать семена гибридных томатов... Проснулась озадаченная, но не сильно.

Зато муж подскочил с горящими глазами и заявил, что видел во сне классное место, где будет стоять наш замок.

Ну ни фиги себе! Прямо замок?

Нарисовал мне план... Ладно, на месте разберусь.

Только, говорит, идти туда от нашего входа километров пятнадцать.

Ну, прилично так-то.

Резонно спрашиваю — зачем идти, если можно ехать? Это ж двигатели не работают, а механику никто не отменял. Вывод какой? — Нам нужен хороший велик!

— Только нам нужен не велик, а три велика, — значительно сказал муж.

— Вот в великах я ничего не понимаю, — я действительно с трудом разбираюсь в технике. Даже в великах. То ли дело моя матушка, всё-таки по молодости занималась велоспортом, КМС, все дела...

— Нужен горник. Это велосипед повышенной прочности, на больших и желательнее широких колёсах.

— Для повышенной проходимости, как я понимаю?

— Да.

— А три зачем? Собираешься привлечь этих олухов?

— Ну... Честно говоря, я думал о велосипедах для нас, нашей семьи. Но такую возможность надо тоже обдумать.

— Тогда, милый, программа на сегодня такая:

едем покупаем велики,

попутно покупаем всякую шнягу для рыбалки,

добираем что нужно туристическое,

едем к Савельевым разговариваем на счёт лошадей,

что ещё?

— Давай сегодня же сельхоз всякими инструментами затаримся, семенами и прочее.

— Ой, с семенами давай я потом, надо ещё определиться с этими сортами-гибридами...

— Хорошо. Можно заодно на оптовку заехать, закупиться консервами и прочим...

Короче, список получился длиной с мою руку. С две руки... Ну да ничего, главное — разделить этот хаос на маленькие кусочки и побеждать их по одному.

Не буду утомлять вас подробностями. К концу дня мы стали счастливыми обладателями:

даже не трёх, а целых пяти велосипедов, в том числе одного небольшого, для Василисы, целой горы каких-то совершенно непонятных мне предметов для разнообразной рыбалки (тут я поверила мужикам на слово),

мини-склада круп, консервов, макарон, соли, сахара и прочей долгохранящейся еды,

разнообразного садового инвентаря (тут я набрала всякого с запасом — мало ли что...) гамака и куска какой-то лёгкой непромокаемой ткани, из которой, как мне было объяснено, выйдет навес над этим самым гамаком, и что это в разы удобнее и легче, чем палатка, и вообще, он сто раз так делал.

Потом мы поехали в Хомутово, на частную конюшню, к знакомым. Андрей с женой Алей (оба лошадаики) встретили нас радушно.

С тягловым скотом оказалось куда как хуже.

Во-первых, коней, было просто немного. И большинство из тех, что наличествовали, были тупо приучены к седлу, а вот таскать телегу...

Те, которые умели возить повозки, как правило, были источником дохода для своих хозяев (знаете, у цирка там покатать...).

Во-вторых, у монгольских лошадей, способных жить только на подножном корме, оказалась очень маленькая грузоподъёмность.

Выяснилось, что сравнительно недалеко от нас можно достать даже тяжеловозов. Есть целые фермы, на которых их разводят *на мясо*. Естественно, ни о каком обучении там речь не идёт. Можно выписать с европейской части России, почти любого возраста, и под седло, и умеющего с повозками работать. Хошь — советского, хошь — владимирца. Но! Кормить его надо не только травой, но и овсом, и всякими сочными кормами, ибо на травке он загнётся.

Ой, как всё сложно и многоступенчато... И в моей светлой головушке, как всегда, забродили всяческие мысли.

— Ребята, смотрите. Коневодство в Иркутске не сказать чтоб процветало, так?

— Ой, Оля, и не говори! — сразу согласилась разливающая чай Алечка, для усиления эффекта выразительно подняв тоненькие брови, — В позапрошлом году даже ипподром пытались закрыть. Все лошадаики собирались с района — еле отбились, и петиции, и митинги, и куда только не обращались!

Андрей только грустно кивнул. Сейчас он был похож на Арамиса из советского кино про трёх мушкетёров. Печально-утончённо-аристократичного. И сильно уставшего биться со зловными ледяными великанами.

— Ну вот! Я считаю, что это — шанс. Лично для вас. Не думаю, что мы такие будем одни. Берёте жеребят, обучаете их, чтобы и под седло, и под тележку...

— Но смотри, если мы берём годовалых... ну чуть постарше даже — допустим, берём советского тяжеловоза — в работу его раньше двух с половиной-трёх лет нельзя ставить. Это, считай, год-полтора вам ждать...

Да уж, не считая того, что для нас на той стороне этот даже год вырастет в четыре.

Мы ещё долго сидели, прикидывали варианты — что и как. Сошлись на том, что нам нужно две пары тяжеловозов под наши тяжёлые фургоны. Созвонились с одним хозяйством, потом другим, заказали нам четверых подрощенных жеребят. Это на перспективу. Сложнее было с тем, что прямо сейчас. Ребята пытались звонить знакомым. Потом полезли на неизвестный сайт объявлений, где — о чудо! — нашли несколько интересных вариантов. Взрослые, уже рабочие простецкие помесные кони и лошади, одна лошадака с жеребёнком. Да, предложений немного, но есть что посмотреть.

— Андрюш, а как ты отнесёшься к такому деловому предложению?..

Короче, за умеренную мзду мы сговорились. Через три дня (Вова уже уедет) едем

смотреть лошадок прямо на Андриюхином коневозе, если кто понравится — сразу забираем и селим пока у них на конюшне.

Потом мы снова поехали к мастерам по фургонам, заказывать теперь уже лёгкую повозку...

— Милый, как ты видишь взаимодействие миров? Не станет Новая Земля сырьевым придатком?

Мы остановились в кармане на плотине, сидели и смотрели на залитый огнями город. Тёплый летний вечер располагал, как говорится...

— Думаю, при отсутствии высоких технологий производство высококачественного сырья будет проблематичным. Тут скорее наоборот — Старая Земля будет поставлять в новый мир металлы, как минимум в виде ножей и прочих инструментов. Те же детали, технологические узлы. Подшипники... да всё подряд.

— И чем мы будем платить в ответ?

— Солнце моё! Экологически чистые продукты. Абсолютно чистые! Рыба, икра, мясо, овощи! Меха в конце концов!

Я смотрела на дрожащие в водах Ангары отражения множества огней и думала: как же я далека от масштабного сельского хозяйства. Ещё и в отсутствии (полном отсутствии!) техники... Надо с этим что-то решать...

ВСЕМИРНАЯ ШИЗА

Что я забыла вам рассказать! Спустя сутки после памятного выпуска новостей завёлся интернет. В смысле — заработал. И телевизор. И прочее радио, которое тоже сутки вещало ровно тот же Новоземельский манифест.

И что тут началось, мама моя!..

Неожиданно порадовал наш президент, выступивший по всем каналам с краткой, но очень насыщенной речью, о том, что Россия только ЗА, что мы всемерно поддерживаем, что будем помогать и даже через МФЦ организуем внеочередную оперативную юридическую помощь для желающих переселиться, что переселенцы имеют право на сохранение российского гражданства, и для ведения дел (кому надо) от их имени будут даже выделяться бесплатные «специально обученные люди»... а так же, что Россия надеется на установление всяческих торгово-партнёрских отношений с планетой Новая Земля и вовсе даже не против (внимание!) хождения на Новой Земле российской валюты.

Много всего наговорил, короче. Посмотрим, как на местах бросятся выполнять, хех.

Ещё пуще порадовали импортные политики. Европа выступила дружным фронтом, истерически вопя о новейшем диверсионно-психотропном российском оружии, и потребовала от России (внимание 2!) «немедленно свернуть все стационарные объекты неустановленного назначения, возведённые без разрешения... бла-бла-бла» на территории Евросоюза! Все порталы на территории Европы были незамедлительно оцеплены войсками, оцетинившимися ВНУТРЬ и с минуты на минуту ожидавшим *вторжения войск Российской Федерации*.

Соединительные штаты Америки пошли ещё дальше, заявив о том, что «Россия не просто проявляет агрессию, но уже начала военные действия в отношении США, развернув на их территории своё оружие неизвестной природы». Конгресс США разрывался. Пресса заходила заголовками типа: «Эти русские перешли все границы!», «Покажем всему миру величие Америки!» и «Сотрём русскую заразу с лица Земли!»

В интернете ходили записи с заседаний всяких уровней, в которых американские политики с пеной на губах орали о том, что подлая Россия недостойна даже нот протеста! Как только восстановилась нормальная сеть, «наши заокеанские партнёры» объявили всему миру о своём решении «выжечь русскую чуму» со своей территории. Что характерно, США не остались в одиночестве. Столь же яростно бились в угрозах Прибалтийские вымираты, Польша и Украина.

Но Америка не хотела никому уступать пальму первенства.

Армия США была поднята по тревоге. Начальники частей торопились урвать первые лавры победителей. Не менее четверти порталов были атакованы с применением наземной техники. Результат оказался неожиданным для всех: танк или боевая машина продолжали двигаться до тех пор, пока экипаж не пересекал черту миров, после чего портал схлопывался, оставляя по эту сторону аккуратно отрезанный кусок бывшего техсредства. Исчезнувшие солдаты были немедленно объявлены национальными героями, безвинно погибшими в борьбе с агрессором. И, дабы не рисковать больше жизнями американских солдат, президент США подписал указ о «дистанционной борьбе», т. е. о расстреле всех «вражеских объектов» из артиллерии.

Как вы понимаете, эпическое действие планировалось снимать на множество камер. Пресса, военная хроника, сотни блогеров и просто обывателей, вооружившихся смартфонами...

Хозяин овального кабинета в белом доме готовился лицезреть позор своего злейшего врага с максимальным комфортом. Секретарша поставила перед ним поднос с дымящимся кофе, огромная плазма отображала действия отважных американских солдат в прямом эфире.

Вот камера крупно выхватывает лица генералитета, непривычно потеющего на летнем солнце. Зачитывают указ президента об уничтожении врага. Шеренга солдат. Лица героических парней дышат мужеством. Хорошо!

На заднем плане — патриоты с плакатами в поддержку президента. Вообще хорошо! Нужно будет поощрить режиссёра и кто там ещё в съёмочной группе...

Так, работают артиллеристские расчёты. Залп! Вторая камера показывает, как кучно ложатся снаряды. Комментатор подчёркивает меткость артиллеристов. Ещё бы они промахнулись — с такого расстояния! Но звучит хорошо! Ненавистная арка начинает тускнеть, проём поддёргивается пеленой... гаснет!

...и спустя пару секунд вспыхивает красным, нестерпимо алым светом! Свет выплёскивается, затапливая всё вокруг, превращая цвет американской армии в красный пепел, добирается до камеры... Изображение пропадает.

Автоматика перекидывает трансляцию на вторую камеру, находящуюся в отдалении — буквально на пару секунд, пока экран не захлёстывает алым — а затем на дрон, запущенный специально ради панорамных кадров.

Неподвижно висящая камера равнодушно фиксирует расходящиеся круги непонятной энергии, превращающей в красную пыль бегущих солдат, оружие, технику, патриотические плакаты о великой Америке... Волна докатилась до мирных кварталов и... исчезла.

Президент сидит, забыв проглотить отпитый кофе. Он мог бы поклясться, что за пару секунд, когда работала вторая камера, он успел разглядеть в волне алого пламени огромного конного рыцаря в тяжёлых доспехах. Он никогда не узнаёт, что, просматривая эту запись,

многие будут видеть война. Только для некоторых он будет в кольчуге, а для иных — в пластинчатом доспехе, его увидят индейцем, монголом, викингом и даже бедуином на боевом верблюде...

— Страшно? — от насмешливого незнакомого голоса президент вздрагивает, как от пощёчины. Секретарша в зелёном платье присаживается на край стола и смотрит на него в упор пронзительно-салатовыми глазами, — Хочешь посмотреть записи с других камер?

Президент проглатывает ставший чудовищно горьким кофе, но во рту у него по-прежнему сухо, словно там тоже прокатилась волна алого жара, — и поэтому он лишь отрицательно мотает головой.

— Я ведь предупреждала, — женщина смотрит в самую глубину его глаз, — Нельзя нападать на наш мир.

Президент медленно выдвигает верхний ящик стола. Если застрелиться сейчас... Но его руки нащупывают лишь красную ржавую пыль...

— Я решила, что вашей стране больше не нужно оружие.

Да, США заблаговременно позаботились о трансляции своего триумфального «искоренения язв», и после этого оглушающего выступления страны Евросоюза замерли, не зная — что же предпринять. Вокруг порталов по-прежнему стояли слегка растерянные военные. Политики молчали. А потом из портала вышла ОНА. Женщина в зелёном с салатовыми глазами. Она вышла из каждого окружённого портала, подошла к оцеплению, подождала, пока люди отряхнутся от красной пыли, в которую превратилось их оружие и снаряжение, и тогда в их ушах раздалось:

— Идите домой. Бегите, ребятки, пока я добрая... И впредь будьте почтительны к старшим.

И тогда их объял ужас.

Соединённые штаты Америки переживали локальный крах мира. В одночасье лишившись всего вооружения, армии и правящей верхушки, которую совершенно внезапно настиг один на всех сердечный приступ, получив предупреждение о непозволительном поведении и незамедлительном наказании за это, общество пребывало в состоянии ступора. Полиция, армия, шерифы, обыватели — все оказались равно безоружны. Любая попытка завезти на территорию страны оружие оканчивалась красной пылью. Единственным утешением в этой ситуации было то, что потенциальные преступники лишились оружия так же бесповоротно.

Все сохранившиеся порталы светились красным. Людям было объявлено о невозможности воспользоваться проходом для граждан США.

Вдобавок массово начала отказывать техника.

В мире начали говорить о «проклятии США».

СБОРЫ... ИЛИ УЖЕ НЕ СБОРЫ?

Иркутск, день пятый от открытия порталов

Всю ночь Вовка ворочался во сне, с кем-то начинал разговаривать, спорил. Под утро, когда он разбудил меня в три тыщи сто пятьдесят второй уже раз, я встала и поставила тесто, достала из холодильника творог, купленный на завтрак, замесила начинку...

Когда по дому распространился запах выпечки, в кухню заглянул взъерошенный муж.

— Ух ты, ватрушки!

— Ну, ты же жаловался, что давно не было — вот.

— С собой положишь?

— Да, сейчас остынут, упакуемся — и можем двигать.

— Так ты же до завтра вроде бы просила...

— Знаешь что? Я вот тут подумала — а чего тянуть? Всех дел всё равно не переделаешь.

Тем более ты всю ночь так метался...

— Ясно! — муж картинно оскорбился, — Спровадить меня поскорее хочешь, да?

— Вовка, я тебя стукну!

— Вот-вот! Ещё и угрозы расправы!

Я побежала за ним с полотенцем. Муж заржал и спрятался в ванной. Вот длинноногий, блин!

Посмеиваясь, я начала складывать ватрушки в пакеты.

После завтрака я вытащила из шкафа стосорокалитровый мужнин рюкзак и озадачилась:

— Что-то я с трудом представляю, как ты с ним поедешь на велосипеде.

— Да я вообще не поеду на велосипеде.

Вот это внезапно!

— Ну зашибись! А зачем мы их купили?

— Мы их купили, любимая, *на будущее*. Чтобы были. А мне одному легче и проще будет пойти пешком. За день я совершенно спокойно прохожу пятьдесят километров...

— А почему не ехать-то?

— Да потому что я не знаю, какая там дорога! А если сопки, скальник — тащить его на себе?

— М-м-м...

— Помнишь, мы ехали на Байкал, там такие горы! Ну, поедь ты там на велике, я хочу на это посмотреть!.. Пешком я их пройду. Ну, конечно, не быстро, но... перевалю.

— Ну да... Есть, конечно, вариант — оставлять где-то, но это надо потом именно туда возвращаться...

— Ну это ж гóнево, согласишься?

— Ну да, чёт затупила я.

— Вот. Иду пешком. Беру с собой лопатку из машины*, топор... Лопата, конечно, с одной стороны наточена. Но топор — это топор, сама понимаешь.

**Есть у нас небольшая,
но совершенно чудесная лопатка,
типа мультитула для машины.*

*Почти как китайская военная МСЛ,
та что только ни делает,
разве что не стреляет
(и то я не уверена))*

*Так вот в нашей
чего только нет: и пилка,
и острое лезвие, и кремень-кресало,
и отвёртки встроенные,
и ещё всякой всячины понатолкано.*

При этом она складная-разборная и лёгкая!

— Ну да.

- Еды. Сухофрукты, орехи.
- Консервы? Тушёнку?
- Зачем? Я себе мяса и так добуду.
- А... Как?
- Любимая, не смотри на меня так!
- Как?
- Ну типа «хватит п**деть»...
- Ну Вова-а!
- Да-м?
- Я городская девочка. Ну-ка давай, рассказывай, как ты будешь птиц ловить?

И вот, ребяташки, я узнала, как можно получить и рыбу, и птицу и даже, может, что-то покрупнее (типа козы или изюбря), при условии, что дичь непуганая — и всё это, фактически, при наличии ножа, катушки тонкого прочного шнура и приманки. Короче, грецкого ореха положу побольше. И шнур, соответственно. А подробности про ловушки расскажу позже, при случае.

Потом мы прощались, всё же целых десять дней друг без друга (не говоря уже о том, что с той стороны в четыре раза больше!), но об этом я рассказывать не буду.

ПЕРВЫЙ ПОШЁЛ

Иркутск, всё тот же день, где-то около двух часов дня // шестнадцатый день Новой Земли

До портала мы шли пешком. А чего заморачиваться, каких-то триста метров!

— Ты уже решил, куда пойдёшь?

— Ну, ты же знаешь — по тайге я двигаюсь быстро. Думаю, я за этот месяц всё тут вокруг избегаю. Скорее всего, и реку переплыву на ту сторону, посмотрю — что там как.

— Что будешь искать? Ты же говорил, видел во сне место.

— Видел. И попробую его найти. Я считаю, нам нужен — в идеале — глубокий залив, изрезанный, типа Курминского*. Чистая вода. Полно рыбы — даже сейчас, а уж там-то, я думаю!..

**Имеется в виду один из заливов*

Иркутского водохранилища.

*Залив представляет из себя
нижнюю часть долины реки Курмы,
затопленную в результате
строительства Иркутской ГЭС.*

*Место это уютное,
живописное и щедрое,
а вода всё же теплее,
чем в ледяной Ангаре.*

— Милый, зачем нам вообще далеко уходить от портала? Зачем?

Мне это казалось таким странным, таким нелогичным: труднее организовать сообщение. Да даже ту же торговлю, на которую мы рассчитывали...

Муж помолчал.

— Останемся рядом — нас затопчат.

— Почему?

— Объясняю. Большое количество народа, которое перейдёт туда, внезапно осознает,

что закон и все структуры, обеспечивающие его соблюдение, остались здесь. Стрелковое не работает. Всё, что фактически удерживает в повиновении определённых, так скажем, лиц — отсутствует. Это значит — что?.. Грабь, насилуй, убивай?

«Закон — тайга», да? Кто сильнее, тот и прав? Страшно не хотелось думать в эту сторону, но... Готовься к худшему, как говорится, — и, возможно, жизнь порадует тебя приятным сюрпризом.

— Такой вариант дикого запада...

— Да.

— Я тебе поэтому говорю, что кучка народа должна быть большая.

— И именно поэтому я считаю, что нужно уйти подальше в глушь, построить крепостюшку. Фортификацию я, в принципе, изучал. Построить крепость, которую крайне (крайне!) сложно взять — вообще легко. Ну, со знаниями, которые накопило на данный момент человечество. Тем более — нет огнестрела!

Неужели вправду будет у нас замок? Крепость? Странно как...

Дуга портала появилась слишком быстро.

— Солнце моё, я ближе не пойду. Я боюсь за тобой туда заскочить.

— Хорошо, любимая. Значит, через сорок дней, с утра.

— Знаешь что, может не сорок? Боюсь, лето уходит...

Вова что-то прикинул.

— Хорошо, давай двадцать восемь. У тебя как раз неделя пройдёт.

Мы поцеловались.

— Я люблю тебя, милый!

— Я люблю тебя, радость моя!

Я стояла и смотрела, как муж быстрым шагом приближался к portalу. Да, со мной ему всё время приходится подстраиваться к моей черепашьей скорости. Вот навстречу ему выдвинулся дежурный, что-то спросил, по жестам понятно, что предложил пройти через фургончик МФЦ. Вова согласился. Я решила подождать, настроившись на долгую бумажную процедуру. Но буквально через пять минут он вышел с той стороны, помахал мне рукой (я помахала в ответ) и скрылся за рамкой портала.

Если честно, самый сильный, самый страшный мой страх был в том, что... а вдруг что-то пойдёт не так и мы окажемся в разных мирах, разделённые пространством, временем, хрен знает чем ещё?.. Я никому об этом не говорила. Боялась накаркать.

Я вытерла слёзы, набрала побольше воздуха и длинно выдохнула. Ладно, надо прожить эти семь дней с максимальной пользой.

ВСЕМИРНАЯ ШИЗА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Человек бредёт по улице. Ночью можно идти, ночью есть шанс, что его не узнают...

Когда же это кончится...

Издательский подарок...

Как она сказала...

Как!

Память услужливо прокручивает кадры: вот он сидит в своём кресле в Овальном кабинете; напротив сидит ОНА, и глаза у неё зелёные и холодные...

— Вот тебе мой последний подарок, — от этих слов по спине начинает течь противный холодный пот, — Я дарю тебе божественную регенерацию, аж на целый год. Не благодари,

смертный...

А потом ОНА появляется в телевизоре, в интернете — везде. Она говорит даже с бумажных плакатов и баннеров на дорогах. И заявляет, что порталы закрыты для граждан страны США. И оружие. И самолёты. И — будьте внимательны при обращении с техникой. И впредь — будьте вежливы и почтительны.

А потом начинается всё это. Самолёты не могут взлететь. Авто ржавеют на глазах. Корабли тонут прямо в портах, и их обшивка сползает ржавыми лавтаками... Кухонные комбайны исходят вонючим дымом и каждый телевизор может в любой момент превратиться в акустическую гранату. Города начинают гореть от того, что обмотка проводов истлевет на глазах... Короткие замыкания — уже не ЧП, а обыденность каждого дня...

Начались беспорядки.

Банда, называющая себя «Движением очищения», вооружённая железными ломami и монтировками, разгромила Белый дом.

Страна утонула в хаосе и мародёрстве.

А тебя узнают на улице. И бьют, бьют, бьют...

Вчера разъярённая обезумевшая толпа разорвала его на клочки. Три часа он ощущал себя сгустком боли, пока куски мучительно сползались в кучу и срастались между собой. Тело до сих пор выталкивало грязь, мусор, окурки, засохшее собачье дерьмо... Как же больно... Когда же он кончится, этот год?

Человек бредёт по улице. Бывший глава бывшей страны...

А дальше всё начало происходить очень быстро.

К концу недели Индейская резервация народа навахо, на территории которой находился один из сохранившихся, но заблокированных порталов, заявила о выходе из США и образовании собственного государства. На площадях запылали костры, сложенные из государственных символов США, портретов знаменитых политиков и официальных документов, после чего «проклятие США» на территории навахо мгновенно исчезло. В порталную арку потёк первый ручеёк переселенцев.

На следующий же день о своём выходе из состава США заявили все индейские резервации, штаты Техас, Флорида и Северная Каролина. Ещё через день — Луизиана, Алабама и Нью-Мексико... Если кто-то и хотел воспрепятствовать новообретённой независимости бывших штатов, вряд ли у него бы что-то получилось, поскольку молодые государства могли вооружаться и защищать свою территорию, а США — нет. Аляска, Гавайи и Калифорния провели открытое голосование жителей и подали документы с прошением о присоединении к России. В ответ на возмущение европейских политиков у побережий означенных территорий всплыли несколько очень вежливых подводных лодок...

Через месяц от Соединённых штатов осталось одно воспоминание, а пространство между Мексикой и Канадой занимало пёстрое лоскутное одеяло республик, федераций, индейских союзов и государств с неопределившейся формой управления. И этим людям ещё предстояло научиться жить, не ощущая себя столь же великой и безнаказанной нацией, как раньше.

Мир пребывал в шоке.

04. ЭТО НЕНАДОЛГО

Я ОСТАЮСЬ... СРЕДА

Всё тот же день, тёплый августовский вечер

Я сидела на кухне и мрачно пила чай. Горячий, чёрный, с молоком и без сахара — всё, как я люблю.

Нужны специально обученные люди. Желательно, такие люди, которым здесь не светит слишком радужных перспектив. Но нормальные.

И тут я поняла — кто! Я метнулась за телефоном и судорожно начала пролистывать список контактов. Был же... Есть!

Недоступен...

Недоступен...

Недоступен...

Недоступен...

Недоступен...

На протяжении шести часов я разбиралась со списками необходимых вещей и периодически звонила. Но номер всё так же оставался вне зоны доступа.

Он перезвонил мне в час ночи. Мишкин крёстный, потерянный пятнадцать лет назад и недавно нашедший меня по соцсетям.

— Лёха! Ну наконец-то!

— Оля?! Что у вас случилось?

— Лёха, ты помнишь, всё хотел с детьми на Байкал приехать?

— Да... — в трубке раздалось смущённое кряхтение, — Ты понимаешь...

Да, история была обыкновенная. Грустная история. Бедная многодетная семья из бедной-бедной провинциальной деревушки, далеко от больших городов, куда можно было бы сдавать излишки от хозяйства. Семья, перебивающаяся, что называется, с хлеба на квас... Они тянулись изо всех сил, но... какие уж тут поездки.

И всё было не так тоскливо, пока не обнаружилась эта страшная болезнь. Пока комиссия из важных тёть, приехавшая из райцентра, не поставила вопрос о признании условий проживания в семье неудовлетворительными.

— Такие дела, Оля. Через месяц будет комиссия из области. Я знаю, они уже решили детей у нас изъять, — Я потрясённо молчала, — Но мы хотим сбежать, — голос у кума упал до шёпота, — Ты слышала про ворота в другой мир?

— Конечно!

— Там нас никакая комиссия не достанет.

— Так, стоп! Лёха, у тебя же есть выход в Одноклассники? Или вайбер?

— Есть, что ж мы, совсем деревня, — он тихонько засмеялся.

— Ты сейчас же, слышишь, прямо сейчас фотографируешь и отправляешь мне все данные, документы на вас и на детей.

Я прямо почувствовала, как он напрягся.

— Зачем?

— Билеты куплю на ж/д. Если караулят вас — скажешь, что в оздоровительную поездку

на Байкал поехали, спонсора нашли. Отсюда вместе уйдём, понял?

На этот раз он молчал долго.

— Оля, неудобно как-то.

— Дурак ты, Лёха. У меня муж сегодня уже перешёл, я теперь к этим воротам привязана. А выживать легче вместе. Поможем друг другу. И детям Байкал покажешь, больше шансов не будет.

— Ну...

— Не ну! Когда документы отправишь?

Он ещё попыттел, уже больше для порядка..

— Да прямо сейчас и отправлю.

— Ну, всё! И вещи собирай — думай, что взять, навсегда уходим. Опять же, чтобы не тормознули вас.

— На этот счёт не переживай, решим.

— Всё, давай, жду. И будьте готовы прямо завтра сорваться. Постараюсь на ближайший поезд взять.

Спустя пару минут вайбер начал радостно пищать, сигнализируя о множестве полученных сообщений. К этому моменту я выяснила, что добираться им придётся сперва как-нибудь шестьдесят километров до Арзамаса, а уже оттуда на Улан-Удэнском весьма приличном поезде можно до Иркутска. Трое суток с хвостом. Ближайший поезд завтра. Каким-то чудом места есть! Не самые удобные, зато в одном вагоне.

Я быстренько выкупила места, скинула в обратку вайбером электронные билеты. Позвонила.

— Получил?

— Получил!

— Всё. Собирайтесь активно, восьмого вечером встречаем!

— Ну, спасибо!

— Обращайся))

Так. Надеюсь, я всё сделала правильно.

Вот, Лёха приедет — пусть сам семенами и занимается. Агроном он или кто?

Я ОСТАЮСЬ. ЧЕТВЕРГ

Иркутск и окрестности, день шестой от открытия порталов

Наутро мне позвонили мужики из фургонной мастерской. Сказали, готовы мои первые таратайки! Я озадачила их доставкой одного фургончика на конюшню в Хомутово, а потом обрадовала этой новостью Андрея.

Ну, а куда? Там у них места много, лошадки будут там же. Лошадки должны тащить эту повозку — всё же логично. Пусть там и тренируются. Ничего, что самих животных ещё нет. Надеюсь, сегодня будут.

Пока оставалось немного времени, пронеслась до портала, поговорила со Светой, порадовалась за то, как здорово она помолодела. Узнала, что Вовка пробежал мимо них вчера — это по их времени, а по нашему сегодня в четыре утра, поэтому звонить нам и никого будить не стал, передал привет, «всё хорошо», и что он пошёл на запад «искать то место». Ну, хоть так.

Хорошо, всё-таки, что я одна за лошадьми не попёрлась. Были всякие животные: и сомнительные, и не подходящие нам по типу. Были и такие хозяйства, глядя на которые Андрюха говорил: «Сразу — нет!»

Вот что бы я без него делала?

К вечеру у нас, действительно, образовалось четыре лошади. Если быть точной, один рыжий-прерыжий конь и три кобылы, дворянских кровей, естественно, но весьма симпатичные, приученные к упряжи и деревенской работе. Одна из них — та самая мамашка с жеребёнком. Жеребёнок уже большенький, я попросила пока пристроить его туда же в Хомутово, к Савельевым на конюшню. Алечка сразу начала с ним носиться, как наседка. Иногда мне кажется, что она всяких коников любит не меньше, чем своих четверых детей. А может, местами и больше...

— Так, ребята. Времени у меня мало. А сделать надо много. Через три дня приедет человек, который в лошадях чего-то понимает, а мне тупо покажите, как рулить...

Так вот что значит цирк с конями! Нет, я человек обучаемый, конечно...

Волевым усилием собираем голову в кучу.

Фотографирую упряжь. Последовательно — как одеваем, как снимаем. Дома всё это распечатаю и сошью в брошюрку — мало ли что...

Дальше меня просветили, что животным нужна пара-тройка дней, чтобы адаптироваться, узнать друг друга. Жеребёнка опять же нужно аккуратно отнять от мамки и всё такое. Ну, тем лучше. Всё равно уже ни рук, ни ног.

Дома меня ждёт чайник. Скоро я, как матушка Ветровоск*, буду жить на чае с печеньем.

**Читаем Пратчетта, это классно.*

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ

А я оказалась неправа! Дома меня ждала Галя с мужем с известием что «мы тоже хотим» — и вполне себе приличный ужин.

— Мать, ну ты как в целом?

— Мать помирает, уши просит... — да, фраза из какого-то советского кино, из которого я больше ничегошеньки не помню. Там, правда был «брат». Петька, кажется...

Рассказала им последние новости и наши «достижения». Озадачила тем, что они должны будут ездить на конюшню в Хомутово (и желательно с Мишей), чтобы управляться с лошадьми по-нормальному, а не как я — с фотоинструкцией. А ещё нужно собрать и распечатать информацию по кормлению, содержанию, лечению и всё такое прочее — сшить в книжечку.

— Может, лучше книжку купить? — выступил с гениальным предложением Киря; выражение наших с Галей лиц, видать, было уж слишком скептическим, потому что он уточнил, — Несколько книжек?..

— По опыту, в половине таких книжек написана полная пурга.

— Вон, у Тифани на полке стояла книжка «Балезни авец»*, — немедленно подкрепила мой тезис художественным примером Галя, — вся исписанная комментариями типа: это не помогает, а помогает ложка скипидара да клятки... — поржали.

**Из цикла Терри Пратчетта о Тифани Болит.*

— Андрея с Алей спросите, — предложила я компромисс, — Может, что дельное и подскажут. Короче, скоро приедут тяжеловозики, их нужно будет воспитывать и учить. У вас есть примерно год — выучить коней и стать специалистами. Упритесь в это.

Дети дружно закивали, блестя глазами.

— Ещё вот какое дело, срочное. Через четыре дня паровозом примчит Лёха рыжий...

— Как?! — Галя удивилась событию, а Киря — факту.

— А кто это? — уточнил Кирилл.

Пришлось всё объяснять и рассказывать неприятную историю, которая и сдёрнула семью с места.

— Так вот. Он по образованию агроном. И фермером был.

— Ты хочешь?..

— Я хочу, чтобы он взял на себя сектор так сказать масштабного сельскохозяйственного производства.

— Так ему сколько лет уже! Он вообще потянет?

— Галя! Ему где-то шестьдесят-шестьдесят три. Что не потянуть-то?.. И не забывай — это ему здесь шестьдесят. А там, как видим, будет гораздо меньше. Так что будет скакать молодым козликком.

— Главное, чтобы нам не стало сильно меньше, — переглянулись дети, — а то будет тебе детский сад.

— Ну, нет! С парнями же ничего не стало. Света — да, скинула прилично. А они как были — так и остались. Так вот, к чему я веду. Есть оказывается куча приспособ на конном приводе, в Европе это очень популярно — экологически чистая обработка почвы, элитные эко-фермы — понятно, да? Перерыть интернет, найти и выбрать чисто механические, без моторов. Составить обзор. На это вам четыре дня. Чтобы Лёха посмотрел и сказал нам: что можно выписать, а что бессмысленно. Попутно всякие прочие безмоторные приспособы ищем. А то очарование средневековья — это, конечно, здорово. Но с точки зрения приложения усилий хотелось бы чего-нибудь поинтереснее. Ещё раз: из любых сфер применения. Ручные, конные, может быть что-то с приводом типа как для водяных мельниц. Проанализировать, распечатать, даже если они покажутся странными. Как там будет — мы не знаем. Вдруг и понадобится.

— Ясно! — Надо же, наловчились хором отвечать! С тех пор как они решились на переход, у них вообще стала проявляться удивительная синхронность.

— О! Ещё, Галя, болтов к арбалету закажи, с боевыми наконечниками. И к лукам тоже. Короче, какие найдёшь — заказывай разные, а там покажем Вове — пусть решает.

На закуску я написала в несколько агентств с предложением поучаствовать в продаже квартиры (с пометкой: бытовая техника в подарок), с условием: чем быстрее продаём, тем больше «чаевые». Теперь всё.

Спать легли опять за полночь.

Я ОСТАЮСЬ, ПЯТНИЦА. И ОБЕЩАННЫЕ ПОДРОБНОСТИ!

Снова Иркутск, день седьмой от открытия порталов

Сильно позже, когда я стала приводить свои дневники в порядок для замкового архива, муж просмотрел мои записки и раскритиковал за подробные подробности — мол, кому это интересно? Все эти перечисления, детальные описания и тому подобное. Ты, говорит, этим начинаешь походить на Круза, а его постоянно ругали за пристрастие к чрезмерному описательству и дотошному детализму.

Сразу скажу, что я категорически не согласна с такой (ущемляющей меня, хе-хе) постановкой вопроса. Этак можно вовсе к синопсисам скатиться — сюжет ясен, скелет обрисован — и ладно! Опять же в таком случае неясно: с чем пришли люди, какими резервами располагают? Мне в этом плане Круз как раз нравился: всё чётко, ясно-понятно и никогда не возникает странных вопросов.

Однако, соглашусь, что про самую напряжённую и хлопотную часть сборов читать тяжело. Ну, может, не всё время, но местами.

Действительно, следующий (третий) день стал самым суетным, и львиную долю в нём заняла упаковка и укладка совершенно дичайшего количества вещей (часть в повозку — сразу взять с собой, а часть — в контейнер, на второй заход), потом покупка-покупка-покупка и снова укладка, и всё это казалось настолько нескончаемым, что к вечеру мы четверо (я, Галя, Кирилл и Мишка) еле тащили ноги.

Так что, если вам это неинтересно — сразу проскочите до следующего дня (в начало следующей главы). А я всё-таки всё запишу, чтобы особо привередливые личности потом не спрашивали: а откуда вы это взяли, из воздуха, чтоль, вынули?

Итак, для тех, кто любит подробности — их есть у меня!

С утра я понеслась по одному объявлению... Потом расскажу, пока «сюрприз».

Кое-что выбрала и договорилась о доставке домой на среду, к трём часам.

Потом договорилась с Алёнкой Савельевой (Андреевой старшей дочкой) о помощи.

Забыла сказать: второй фургончик я попросила привезти прямо к дому. Дворик у нас спокойный, сохранивший память о том, что когда-то улица Якоби была дальней окраиной Иркутска, так что даже такая (больше похожая на облагороженную строительную бытовку) повозка под окном ни у кого удивления не вызвала. Доставили её эвакуатором, поскольку всё было рассчитано на лошадиную тягу, и я начала потихоньку паковаться.

Если честно, в голове у меня был всё ещё полнейший сумбур, и я решила начать с чего-нибудь, чтобы хоть что-то начать делать. Самый правильный подход, на мой взгляд: разделить задачу на кусочки и расправляться с ней помаленьку.

Пока дети не приступили к выполнению мои архиважных поручений, я велела им пронестись по окрестным аптекам и магазинам и надыбать мне приличных коробок для упаковки. Через час квартира стала слегка похожа на склад. Я объявила, что пока мне хватит, и отправила их штурмовать интернет с двух разных компов в маленькую комнату, а сама окопалась в большой.

По некотором размышлении у меня оформилась идея предварительной сортировки. Я решила складывать вещи в три кучки:

Это я возьму сразу. Это переешлите мне потом. Раздать добрым людям (просто унесите это куда-нибудь с глаз моих долой, чтобы я больше об этом вообще не думала).

Часть вещей мы решили включить в продажную стоимость квартиры: всю бытовую технику, громоздкую мебель (шкафы, кресла, двуспальную кровать, компьютерный стол и кухню), люстры-светильники и прочую электрическую шнягу.

Ну-с, начнём... Ой-й-й.... Каждый раз, когда требуется выполнить такую вот задачу — м-м-м... многозадачную, вот! — у меня начинает аж в глазах рябить.

Ладно, ладно, я же рашила: разбить большую цель на много маленьких...

Начнём с чего-нибудь ненужного! В новом мире ненужного, конечно же.

За полчаса собралась целая коробка всякой электрической мелочи: несколько

фонариков, аккумуляторные и батарейные светильники, электронный градусник, пара массажёров, фен, миксер, блендер, тостер, целая связка наушников... И ещё одна коробка с Васиними говорящими игрушками. Обе коробки я вручила Кирюхе, велев нести «куда глаза глядят». Всё, думать об этом больше не хочу и чтоб места не занимали.

Дальше. Нужное, но не срочное. Однозначно — книги. От библиотеки я отказаться не готова, а этого богатства, почитай, несколько шкафов. Начинаю вязать книжки и устанавливать рядами в коридоре. За полчаса собралась книжная поленница. Вернулся Киря.

— Так, Кирюш, ты пока за комп не садись. Иди в контейнер, — во дворе у нас стоит вместо сарая маленький морской контейнер, да и у некоторых соседей тоже, — лодку, сапоги, сети переложи поближе к выходу, а дальний угол освободи — будем складывать всё нужное, но не срочное.

На самом деле, контейнер не был захламлён, как вы могли бы подумать, поскольку Вове нравилось использовать его вместо гаража и бóльшую часть пространства обычно занимала наша бонга. Да, на бонге можно въехать в контейнер. И водителю даже удастся выбраться из машины и протиснуться к выходу. Если он не слишком упитанный, конечно, ха. Во всяком случае, Владимир Олегович со своими ста десятью килограммами пока справлялся.

Но главная фишка, как я уже говорила, была в том, что внутри контейнер был практически пустой — всё легче, хлам не разгребать!

Пришёл Мишка, Кирюха поручил ему таскатню, а сам начал вязать и упаковывать книжки. Ну, это на час-полтора. Библиотека у нас довольно большая.

— Мама! — Галя, всё ещё штурмовавшая интернет, видать что-то интересное нашла, — Смотри, какая штука!

Да, о таком я не слышала даже. Да и зачем нам было бы? Педальная стиральная машинка. Надо же! Загрузка, конечно, не очень большая. Но. Как представлю ручную стирку всех этих трусов-носок, аж дурно становится!

— И сколько стоит?

— Сорок баксов. Доставка, наверное, дороже будет. Аж из Южной Америки.

— Класс! Дайте две!

— Чё, серьёзно?

— Да, заказывай! А лучше три.

В дверь просунулась голова Кириллы:

— Тётя Оля, с книгами всё. Дальше что?

— Дальше...

Чтобы не утомлять подробностями, за три часа мы стаскали в контейнер:

Ножную швейную машинку с тумбой (у нас стояла ещё советская «Чайка»; сто лет думала: выкинуть-не выкинуть, а тут — надо же! — пригодилась, хотя (если покупать) я бы, наверное, предпочла древний «Зингер» — они, говорят, суперустойчивые, безотказные и могут шить всё, от шифона до валенок),

Васину кровать с выдвигаемыми ящиками снизу (в ящиках лежали её игрушки, я решила так и оставить) и её же тумбу с одеждой,

коробку и две тумбочки с выдвигаемыми ящичками с моими швейными принадлежностями (если честно, эту клееную мебель мне вовсе не хотелось туда тащить, но хотя бы на первое время нужно же что-то, чтобы не сидеть на коробках),

несколько упаковок с посудой (для готовки, для едьбы, парадная, включая всякие рюмки и салатники — жить же едем!), получилось много, правда — её пришлось же ещё и

перекладывать полотенцами, чтоб не побилась, часть уложили в пластмассовые тазы и ванночки для всяких стирок,
пару больших коробок с постельным бельём и полотенцами,
несколько мешков с зимней одеждой,
две тяжелых ученических доски для маркеров и магнитов и пакет с маркерами и магнитами к ним — всё пригодится (преподаватель я, в конце концов, или нет?),
несколько коробок с одеждой и обувью (парадной, так скажем),
коробку с художественными принадлежностями (бумага, краски, кисти, карандаши, всяческие мелки, палитры, линеры и ещё куча всего),
несколько рамок с фотографиями,
пару свёрнутых рулонами ковров,
несколько коробок со стеклянными банками разных размеров и коробку с крышками для них,
несколько коробок с отрезами тканей (да, такая у меня болезнь — ткани покупать, плохо, что шить я с такой скоростью не успеваю...),
ролевое оружие (текстолит, сталь и даже реактопластовый клевец, который не пропустили ни на одну полевою игру из-за его твердочей негуманности) и весь доспех, который есть (латы, кольчуги, шлемы и всякое такое),
двадцать пятилитровых бутылей домашнего алкоголя в виде наливок, настоек и сорокаградусного сырья (это моё отдельное хобби — ещё один вид искусства, если хотите; антисептик, опять же!),
мой любимый самогонный аппарат (со всей алхимией: колбами, спиртометрами, мерными ёмкостями и трубками к нему); блин, придётся его как-то переделывать или мастерить подвод проточной воды...
Там же уже хранилась печка-булерьян с варочной поверхностью. Не ахти на какой большой объём, но на первый случай пойдёт.

В повозку из дома стаскали:

маленький швейный набор (ножницы, иголки, несколько катушек ниток ходовых цветов),
туристическую посуду (два котелка, металлические миски и кружки, ложки-вилки, а также несколько тазиков и разделочных досок,
коробочку с канцелярией: по несколько тетрадей, ручек и карандашей, пару альбомов для рисования, пачку печатной белой бумаги и одну здоровенную канцелярскую тетрадь типа грассбуха, почему-то мне это казалось важным),
Вовины ящики с инструментами и крепежом, которые были дома,
арбалет (с болтами к нему),
запасные ключи от контейнера,
пару пятилитровых бутылей домашней наливки, и одну сорокаградусного (ну, а вдруг?),
коробку с туристической и рабочей обувью,
коробку с походной и «которую не жалко» одеждой,
целую гору одеял и покрывал, смотанных рулончиками,
три спальника,
куль с подушками,
подсвечники — все, какие были,

восемь разрезанных пополам карематов (разрезали давно, надобность была — теперь маемся с этими кусками),

пластиковую, похожую на гусеницу бочку для воды на шестьдесят литров, такую же на двадцать литров и алюминиевый бачок на десять,
чистые пластиковые вёдра, пять штук,
три небольших тактических рюкзака и пару детских,
палатки (разные: двухместная, четырёхместная беспонтровая и большая восьмиместная из двух «комнат» с тамбуром-навесом посередине).

Из гаража переместилась надувная лодка (плюс вёсла, ножной насос, сети и бродни).

Долго думала, как упаковать зеркалА, чтобы не побились, а потом попросила Кирю просто повесить их на стенки в повозке и примотать к ним скотчем махровые полотенца — хоть какая-то надежда довести.

После обеда Галя продолжила дрейф по интернету, а мы с ребятами помчались закупаться.

Первым делом мы заехали в большой строительный центр и пошли даже дальше Ноя, поскольку понабрали всяких шукувин в количестве большем (иногда гораздо большем) чем пара. По итогу в бонге лежали:

штыковые лопаты, три штуки.

мотыги, чтобы не выбиваться из общей канвы, тоже три,

плоскорезы, набор из пяти штук,

кирки (да, три),

верёвки разной толщины, по двести метров каждой,

хозяйственный шнур, пять упаковок,

ещё какие-то шнуры, с сердечниками, без сердечников (хрен знает, что это вообще такое), укреплённые, повышенной нагрузки, кручёные, синтетические и х/б и просто шпагат — гулять так гулять — целый мешок,

рулон полиэтилена (для временных конструкций),

десять катушек скотча,

молотки (поскольку в молотках я не разбираюсь, попросила продавца рассказать про молотки и набрала всяких),

ломы (три),

несколько коробок гвоздей разных размеров,

всякие уголки, шарниры, дверные петли и прочая железная мелочь,

кувалды (разные), конечно, три,

строительные тенты повышенной прочности и солнцезащищённости, три (4x20 м, 6x10 м и 4x6 м),

пилы лучковые (и коробку пилок к ним), двуручные и ножовки (продольные и поперечные), всё по три, а как же иначе,

топоры... с топорами вышла отдельная песня; набрала я этих топоров... много, в общем, набрала: сперва разноразмерных фискарсов, потом вспомнила, что Вова говорил про сменные деревянные ручки и набрала с деревянными, потом мы набрали на павильон с коваными топорами от какой-то кузни и там набрали всякого, в том числе каких-то странных фигурных топоров, с которыми, говорят, удобно строить деревянные дома, во-о-о-от,

а также кучу всяких режущих и выпиливающих штук для резьбы по дереву; бабушка такое любит, всё равно она без нас здесь не останется, так что — пусть будет.

Вторым пунктом был отдел для охотников-рыболовов. Да, Вова уже что-то закупил. А вдруг не всё?

Тут я предоставила Кириллу возможность руководить процессом — он же у нас тоже любитель рыбалки. Какие-то удочки, крючки, блестящие штучки, игрушечные мухи и рыбки... От себя попросила добавить тридцать туристических карабинов, плоский котелок с носиком на четыре литра (типа костровой чайник) и несколько понравившихся ножей: для чистки рыбы, для обвалки туш и кое-что ещё по мелочи. Пусть будет, мало ли. Периодически я начинаю малодушно опасаться, что по какой-нибудь независимой от нас причине (да хоть по чьей-нибудь политической дурости) сообщение между мирами перекроется. Так что лучше перебдеть и набрать побольше.

Третье — банный павильон. Мальчишки начали удивляться.

— А зачем нам сюда?

— Ребята, а как вы думаете: мыться нам как? Правильный сруб — это полдела. А вот правильная печка — это ещё и бак с горячей водой!

Короче, поскольку тормозить меня было некому (хе-хе), здесь мы стали счастливыми обладателями шикарной печки с прозрачным окошком топки (романтика!), баком для воды аж на шестьдесят литров и полным комплектом дымоходов, а так же нескольких прикольных войлочных шапок с дурацкими надписями (типа «шальная императрица», «всё пучком» и «шапка-невидимка»), соляного кирпича с травками (для пользы здоровья), четырёх разноразмерных деревянных шаек, липового банного окошка, чугунного двухлитрового чайника (с ситечком для заварки, аллилуйя!), двух казанов (на шесть и двадцать пять литров — я думаю о перспективах!) с подставками, красивого мангала с завитушками (а мне нравится)...

Примерно на этом месте Киря сказал, что, наверное, в машину всё не влезет.

Я подумала и отправила их разгрузиться. Сложите всё в фургон, говорю, и обратно приедете, а я пока ещё посмотрю. Они забрали мелочёвку и ушли. Продавщица поняла, что я готова на большее, и начала расхваливать товары с удвоенным энтузиазмом.

Пока мальчишки вернулись, я навывбирала: термометр до 140 градусов (зачем-то с песочными часами), коптильню (самую большую, которая у них была), пару больших деревянных вёдер с ушами (как из сказки про Емелю, угарно), классную дубовую шайку на 30 литров (для мужа, надо же ему подарок сделать), здоровенную почти столитровую кедровую кадку под засолку (мы же обсуждали, что рыбу будем солить — ну вот), и ещё одну поменьше (для грибов?), бочку под холодную воду, ну и ещё одну кадку (для засолки капусты и чтобы было три))), черпак, кочергу, совок для золы, несколько соляных брикетов с травами (с травами-то, поди, ещё полезительней!) и трёхведёрный дубовый жбан с крантиком (самогонщица я или нет, в конце концов?)... После этого продавщица выдохнула и обещала, что организует мне на завтра бесплатную доставку, так что когда пацаны приехали, я быстренько загрузила свою тушку в боню и объявила:

— На Горького, в семенной.

— А печка?

— Завтра с утра привезут.

Семенной был нашей четвёртой целью, наверное, последней на сегодня.

Там я сразу попросила коробку и сложить в неё всё самое лучшее. Плюс три сорта молодого картофеля, по два мешка каждого (один — покушать, один — посадить). Почти уже на выходе я развернулась и купила ещё по пятикилограммовому пакету горчицы, пшеницы, ячменя, ржи и овса. Надо попробовать — что получится?

Всё, домой.

А ещё у меня весь день звонил телефон. Ну, раз шесть точно звонил. Риелторы просились квартирку посмотреть. Всех пригласила на завтрашний вечер, кто не приедет — сам дурак.

Как хорошо, когда дома тебя ждёт взрослый ребёнок, способный сварганить приличный ужин!

После ужина я позвонила Вите-кузнецу:

— Вить, есть дело.

— Слушаю.

— У меня есть маленький плуг и борона под мотоблок. Надо их переделать под конскую упряжь. Вот не знаю точно — как, но в интернете есть картинки. Срочно надо, Вить.

— Насколько срочно?

— Уже вчера. Но два дня есть максимум. Прямо брось всё и сделай, а? Сколько скажешь — я заплачу.

— Когда привезёшь?

— Завтра до обеда.

— Добро́, жду.

Последним моим действием на сегодня было инспектирование нарытых Галей механизмов. Как говорится: ничё не поняла, но о-о-очень интересно. Распечатали всё, с ценами и адресами — пусть будет. А конкретно будем решать, когда Лёха приедет. Сам посмотрит, сам посортирует: нужное — не нужное.

Всё, спать-спать-спать...

05. А Я КАК БУДТО ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ...

Я ОСТАЮСЬ. СУББОТА

Опять Иркутск, день восьмой от открытия порталов

Утром я проснулась рано. Ну, как рано — в восемь, для меня это о-о-очень рано. Тем более что легла я около часа, а порядочная женщина должна спать девять часов в сутки.

Мы с детьми (дети — это Галя, Кирилл и Мишка) погрузились в грузовик и помчались на дачу. Первым делом я озадачила парней закидать всё железо от мотоблока и большую раздвижную трёхсекционную строительную лестницу в кузов.

Бабушка, пригорюнившись, сидела на веранде.

— Оля, я там вам дуговой парник упаковала — заберите.

— А ты?

— Я — что? Мне одной зачем столько? Даже одной теплицы много... Саженцы возьмёшь?

— Знаешь, мам, мы сперва до места доберёмся, а потом вы нам передадите, чтобы сразу всё не тащить, хорошо?

— Ещё вон лампу возьми керосиновую, я ей всё равно не пользуюсь. И мотыгу, она удобная.

— Мотыжить как святой Франциск? — попыталась пошутить я, но вышло как-то невесело.

Уезжала я с дачи со смутным чувством подавленности, впрочем, сильно на эту тему рефлексировать было некогда.

Потом мы:

Сдали железяки на переделку. Внезапно были осчастливлены контактом ещё одного кузнеца, который, оказывается «нормальный мужик, кузнец отличный, без придури, зовут Никита, ищет компанию для перехода (так это уже стало называться), чтобы люди были адекватные; вы не против, если я ему ваш телефон дам?» — мы были вовсе даже не против, а очень даже за. Нормальный кузнец — это же чудесно!

Проехали сразу на садовый рынок, купили разборную пятиметровую теплицу, свёрнутые толстой трубой листы поликарбоната к ней и два рулона укрывного материала (чёрный и белый). Кстати, давно хотела попробовать бактерии для туалета на даче. Так и так придётся сортир городить, купила три пачки. И для компоста ещё две. Пусть будет. Коробку свечей. И пару канистр керосина. Блин, на что ни посмотришь — всё надо!

Дальше — оптовка, бытовая химия и гигиена — привыкли мы к комфорту, и нет смысла отказываться от мыла, бритвенных станков, туалетной бумаги, нормального порошка и всего такого прочего. Действительно — золой стирать, что ли, и лопухи культивировать?

Потом мы всё это запихивали в фургон (остался пяточок, под плуг и борону), накорячились с поликарбонатом, пока привязали его на крышу.

Обедали поздно.

Вся вторая половина дня у меня ушла на ревизию своего компьютера: просмотреть все папки (а их у меня огромное, нет — громадное количество), ненужные стереть, нужные распечатать. Часть инфы — ценной, но вроде бы пока не нужной (все мои педагогические разработки и тому подобное) — сгрузила в облако и дублем отправила на почту сама себе. Вдруг пригодится? По-любому придётся доверенного человека заводить, если что —

оформит мне книжицей.

Галю отправила за второй комп перебирать фотографии, чтобы распечатать хотя бы часть и сразу заламинировать — на память. Принтер в маленькой комнате периодически гудел, пахло разогретой ламинирующей плёнкой, доча шелестела листочками. Чувствую, приличная пачка получится.

Миша с Кирей колдовали над ужином. Мужчина должен уметь всё.

А мои архивы всё не кончались.

Нужного, собранного в разное время по поводу частного строительства-сада-огорода-животноводства получилось несколько книжек. Я бы даже сказала, несколько пачек книжек. Мда.

Ближе к шести начали подтягиваться риелторы. По итогу собралось человек восемь. Лишний раз убедилась, что профессия накладывает на людей определённый отпечаток.

Первый раз я это заметила, помнится, на Шумаке. Было это в далёком две тысячи то ли четвёртом, то ли седьмом году, когда Шумака был совершенно диким местом, доступным только для пеших туристов — в крайнем случае, для тех, у кого водились денежки на аренду бурят с лошадьми (лошадей с бурятами?) или для совсем уж богатеньких буратинов, прилетавших на нанятых или казённых вертолётах. Для меня это был подвиг — пройти за три дня семьдесят километров по тайге/горам, вброд перейти стылую горную реку по скользким обледенелым (в конце июня, кто бы мог подумать!) камням, перебраться через перевал, проснуться утром в заваленной снегом палатке... Но суть не в том. На Шумаке мы сидели три недели (целебные источники же, кто не в курсе).

И вот в один из дней нам навстречу попались трое мужиков с канистрами. Что меня дёрнуло? Ребята, говорю, а вы не аэропортовские? Вот они удивились! А вы, говорят, откуда знаете? А вот, говорю, по лицу прочитала. Муж (первый) и брат у меня тогда работали в диспетчерской службе Иркутского аэропорта, круг общения был соответствующий. И у этих товарищей было в лицах что-то неуловимое...

Вот и у набежавших риелторов что-то такое своё было: как проштампованные. Глазки цепкие, а в глубине как будто старинные счётные машинки колёсиками крутят.

Всё посмотрели, задали вопросы, пытались торговаться.

Стоп, говорю, цена корректная. Не нравится — не ешьте, мне не к спеху. Вознаграждение, как было уже заявлено, зависит от скорости продажи. Всё. Будут предложения — звоните. Делайте фото, видео. Показ только конкретно покупателю. До свидания. Была страшно рада встрече!

Я выпроводила риелторов и до конца дня составляла список медикаментов. Пока не начала падать лицом в клавиатуру.

Я ОСТАЮСЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Обратно Иркутск, день девятый от открытия порталов

Утром меня разбудил звонок.

— Добрый день! — бодро начал собеседник.

— Слушаю, — мрачно ответила я. По утрам любезность — не мой конёк, — Только не представляйтесь.

— Хорошо. Я вчера смотрел вашу квартиру.

— Так.

— Ваше предложение по вознаграждению остаётся в силе?

— Конечно.

— Когда вам удобно заключить сделку?

Та-а-ак, интересно...

Короче, мужик решил выкупить квартиру лично. Зачем — не моя печаль. Может, перепродает с наваром. А может, гостиницу устроит. Район хороший.

По итогу мы договорились на продажу с правом проживания в течение месяца. Оформление документов и оплата сразу, наличкой. Не хочу я париться, бегать по частям снимать...

Хорошо, что есть МФЦ!

Договор я составляла сама, взяла наш же, на покупку этой квартиры, добавила пункт о праве проживания на месяц...

Бодрый дядька — к обеду у меня уже лежал чемодан денег. Ну, не чемодан, конечно, сами посчитайте — если в пачке сто банкнот, пяти тысячными — получается почти шесть пачек. Вот.

Скажете — сильно гладко всё?

А может, это потому что я всё делаю правильно?

Потом мы поехали в аптеку и затарились так, что аптекарши начали что-то подозревать. Чуму там, я не знаю. Нашествие холерных сусликов. Новый виток пандемии... Мы сочинили историю, что мы из очень дальней деревни, где нет аптеки. С другой стороны, не особо и соврали.

Потом готовили стол — всё-таки сегодня из такого далека люди приезжают!

В семь часов мы собрались и поехали на вокзал. Где-то через час должен приехать Рыжий с семейством.

Лёха постарел... Старшие его были довольно-таки уже взрослые, Филе девятнадцать, Марианне семнадцать. Даша выглядела... ну, как мать, вымотанная четырёхдневным путешествием с большим семейством.

Галя с Кирей немного посидели с нами и уехали на дачу, чтобы с утра вернуться вместе с бабушкой и Васей.

За двадцать лет накопилось столько событий, что весь остаток вечера мы проговорили, а потом по-походному разложились на весь зал...

Я ОСТАЮСЬ. ПОНЕДЕЛЬНИК И ВТОРНИК

Всё время Иркутск,* местные достопримечательности и немножко Байкал, дни десятый-одиннадцатый от открытия порталов

** Не узнали, откуда ремарочки?*

Древний советский фильм «Свадьба в Малиновке»,

страшно любимый мной в детстве;

сцена раздела Попандопулой спёртого имущества,

где он складывает всё лучшее себе, приговаривая

«Опять тебе, обратно тебе, всё время тебе...»

С вечера дети хохотали и скакали, долго не могли уgomониться, но утром я на них отыгралась.

Семь утра:

— Подъём!!! Подъём!!! — я щедро опрыскивала сонь из пульверизатора, — Живее! Вставай-вставай, штанишки одевай! Байкал ждёт! А то ракета уедет без нас!

— Настоящая ракета? — удивился простодушный Борька.

— Конечно настоящая! Только водяная! Давай скорей, а то на Байкал не попадём.

Все сразу забегали, засуетились, начали друг за другом ломиться в ванную и требовать скорейшего движения очереди. Как же — ракета стартует по расписанию!

Я, честно, не знаю — официальное это название таких плавсредств или нет. Но ракеты сильно больше, чем речные трамвайчики. И сильно быстрее. Ходят из Иркутска вверх по Ангаре до Байкала и по самому Байкалу тоже.

На ракету мы грузились целой делегацией: Алексей с Дашей и четверыми детьми, Галя Кирилл, Миша, Вася, бабушка и я.

У нас было всего два дня, впереди нас ожидали: поездка на ракете в Большие Коты*, пикник, гуляние по берегу, музей в этих же Котах, закат, ночёвка в маленькой местной гостинице, шикарный рассвет, ракета до Листвянки, музей и нерпинарий, маршрутка до «Хрустального колодца»*, баня для желающих, вкусный обед, маршрутка до Тальцов* с гуляниями, бутербродами и чаем из термосов, и наконец — поздно вечером, без задних ног — домой, домой...

**Большие Коты — деревня на Байкале,
с совершенно шикарным музеем природы.*

**Листвянка — посёлок на Байкале у истока Ангары,
с видом на знаменитый Шаман-камень.*

**Тальцы — архитектурный музей-заповедник
сибирского деревянного зодчества,*

**а «Хрустальный колодец» —
просто хорошая турбаза в русском стиле.*

Вечером мы из последних сил смотрели с Лёхой и Дашей какие-то сеялки-веялки и даже что-то заказали. Ну да ладно, завтра с Галей ещё посидят.

ДА УЖ СКОРЕЙ БЫ...

Иркутск, «я такой фасон не ношу...», прошла неделя, как Вова перешёл, снова среда

Заканчивались седьмые сутки оговорённого нами срока. В четыре утра я проснулась и долго таращилась в светлеющий квадрат окна. Все тревоги, приглушённые суетой прошедших дней, проснулись с новой силой.

Каждая мысль начиналась с испуганного «а вдруг?..»

А вдруг что-то пойдёт не так? Сместятся эти... небесные оси? Я войду в портал и окажусь не в том месте...

Не в том времени???

Эта мысль была ещё ужаснее предыдущей. Было же у кого-то из старых фантастов такое: мужчины и женщины оказались в разных временных потоках. Кошмар какой-то.

Я завозилась, пытаюсь убедить себя, что всё будет хорошо, всё по-честному, нам же обещали...

Хорошо, — сказал вкрадчивый внутренний голос, — всё по-честному. Вот встретит твой Вовка каких-нибудь хищников и не отобьётся... Или ногу сломает в гольцах и за этот месяц, пока вы собираетесь, с голоду помрёт... Или так: сломает ногу, а тут его как раз найдут какие-нибудь, скажем, пещерные гиены... А, может, это уже случилось?..

Последняя мысль оказалась такой нестерпимой, что противно заныло сердце. Я пошла в кухню, в утренних сумерках нашарила на полке свои сердечные таблетки, о которых совсем

забыла в последние дни, выпила. Подумала, натрясла ещё корвалола в рюмку — щедро натрясла, не считая. Уставилась в окно на пустой перекрёсток. Светофоры подмигнули, переключаясь.

«Не дождётесь!» — с неожиданной злостью подумала я, обращаясь... к кому? К пакостным, терзающим душу мыслям?

И правда, чего это я? Мне богиня обещала, что новый мир нас хорошо примет! Так что нехрен тут!

Эта мысль почему-то так меня успокоила, что я перестала тупо таращиться в окно, вернулась под одеяло и спокойно проспала до самого будильника.

Я МАНДРАЖУ И СЧИТАЮ МИНУТЫ

Иркутск, день тот же, вторая среда августа

Киря с Мишей с раннего утра понесли за перелицованными плугом и бороной. Меня слегка трясла мелкая дрожь, когда хочется сжимать и разжимать руки, и ладони от чего-то влажные. Сегодня я увижу мужа. Боже мой, как же я за эту неделю по нему соскучилась!

Внезапно позвонил тот самый «нормальный мужик и хороший кузнец» Никита. Я сказала ему, что сегодня в два часа дня я встречаюсь с Володей у портала — и он тоже может прийти послушать. Или тупо собраться и приехать в ближайшую субботу к восьми утра, в наш посёлок поедут переселенцы — можно будет присоединиться. Да, кстати, не сказала я: родилась у нас такая мысль, что надо назначить определённый день в неделе и чёткое время, когда желающие переселиться к нам смогут рассчитывать на проводников.

Никита менжеваться не стал: сказал, что сегодня придёт посмотреть-познакомиться, а уж в субботу прибудет со всем хозяйством. Основательный мужик.

Всё чаще звенел квартирный звонок. Начали собираться люди. В квартире стало тесно и суетно. Галя, Кирилл, Миша и даже бабушка с Василисой (все ночевали в Юбилейном), прибыли часам к одиннадцати. Ближе к обеду подъехали человек пять ближайших друзей и ещё несколько тех, кого бы я назвала очень хорошими знакомыми (многие были в курсе, что Вова сегодня придёт на встречу, и собирались у нас, чтоб пойти вместе)... Это не считая кума с женой и четырьмя детьми. В какой-то момент мы выползли во двор, потому что в квартире сделалось просто не протолкнуться. Кто-то ещё опаздывал...

Я кинула в наши группы в соцсетях сообщение, чтобы все опоздуны подходили сразу к portalу, и мы всей толпой двинулись туда. По-моему, мы походили на демонстрацию. Или на крестный ход. Или нет! Скорее, мы походили на цыганскую свадьбу, по крайней мере, шума наша процессия издавала презрительно.

Площадка перед порталом капитально преобразилась. Дежурный бобик сменился стационарным полицейским постом в маленьком щитовом домике, метрах в тридцати, под деревьями.

С левого края портала, наполовину на ТОЙ стороне, стоял фургончик с надписью «МФЦ». Сильно. Прямо на борту был крупно начертан призыв не пересекать линию разделения миров без регистрации (это займёт не более пяти минут, спасибо за понимание) и (если вы не успели зарегистрироваться) приглашали в любое время, аж круглосуточно. И вообще, «заходи, если шо». Ниже сообщалось, что через службу МФЦ переселенцы могут связаться с любым телефонным номером в пределах Российской Федерации бесплатно

(зарубежье — по прејскуранту). Сработало-таки заявление президента!

По правому краю временные ограждения из красно-белой плёночной ленты на кольшках сменились установленными по границе широкими (реально широкими, метра два) столами с навесами из толстого поликарбоната, типа как в остановках. И даже с лавочками! На каждом столе по всей длине посередине был устроен прозрачный пластиковый барьерчик с табличками-напоминалками (словами и картинками), чтобы люди не пожимали друг другу руки. Ну да, помним-помним. Кое-где в барьере были окошки с прикреплёнными вроде как на рельсиках подносами — чтобы, значит, можно было что-то безопасно передать на новоземскую сторону. При ближайшем рассмотрении на столах (с обеих сторон) обнаружили привязанные за верёвочки заламинированные листочки с таблицей соотношения времени. Ну надо же! Могут же наши, когда захотят!

За проёмом портала стояло раннее утро. Ну, правильно (сверяюсь с листочком на столе) у нас полвторого дня — там шесть утра. А Вова уходил в два. Подождём.

Вокруг площадки прогуливалось несколько знакомых лиц, вроде бы не входивших в число приглашённых. Кивают. И довольно много незнакомых, но конкретно чего-то ожидающих. Та-а-ак, по ходу дела где-то просочилась информация, что сегодня Вова должен вернуться из «разведки». Народ подтянулся полюбопытствовать.

От толпы отделился и решительно направился в нашу сторону мужик. Не очень высокий — чуть выше среднего, но чрезвычайно кряжистый. Так мог бы выглядеть Илья Муромец, если бы он, конечно, носил волосы, связанные в хвост на затылке. Всё остальное соответствовало: круглое русское лицо, нос картошкой, голубые глаза, русый, аккуратная небольшая борода.

— Добрый день! — голос у мужика оказался очень низкий, густой и гулкой, — Разрешите поинтересоваться, Владимира встречать не вы ли будете?

— А вы Никита? — уточнила я и протянула ему руку, которую он пожал церемонно и бережно, — Я Ольга.

— Приятно познакомиться.

— Мне тоже, весьма.

Пока суд да дело, пошли беседы-разговоры, обмен новостями да кто что про Новую Землю слышал / в интернете вычитал.

Дети, почти мгновенно уставшие ждать, побежали в парк (трое младших под присмотром троих старших), — если вы забыли, пляж и парк Якоби никто не отменял; вода, качели и лазилки спасли нас от части хаоса.

ПРО ОСТРОВ

Ну что, в ногах правды нет, мы начали потихоньку рассаживаться за столами, как вдруг из-за правого края портала появился Вовка.

Это хорошо, что я сидела! Чуть не сиганула к нему через стол, забыла про всякие напоминалки! Народ разразился радостным рёвом. Да, со столами это здорово придумали, так бы половина сразу там оказалась.

Вот я, блин... Почему я думала, что он эпически появится из туманной дали горизонта? Не так превыспренне, конечно, но тупо всматривалась вперёд. А он сбоку выскочил. Капец.

Загорел, оброс! Борода какая! Ой, совершенно чёрная борода, седины не осталось совсем!

Короче, поскольку я стояла почти в середине, то чуть не оглохла от приветственных воплей.

Потихоньку все успокоились до такой степени, что смогли уже начать разговаривать.

— Слушайте, мужики. Ну, и, конечно же, дамы! — Вова картинно прижал руку к сердцу, — Я нашёл место — офигенное! Остров, песчаные пляжи, хорошая земля. Здоровенные, знаете, бывают — реликтовые сосны, в два, в три обхвата. Вот такие. К берегу идёт достаточно узкий перешеек-брод. На самом острове большое чистое место под поле, соток сто пятьдесят.

— Полтора гектара, — автоматически пересчитал Лёха рыжий.

— Ой! — встрепенулась я, — Милый, знакомься: это Алексей, Мишкин крёстный. Лёша — мой муж Владимир. Даша, Лёшина жена. А это Никита, он кузнец, собирается с нами.

За невозможностью пожать руки, все чинно раскланялись.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— Пляж песчаный, а остров-то сам?

— Нет, основание — камень, скальник.

— Размер?

— Большой. Километр с небольшим поперёк. В длину ещё больше. Два с лишним.

— Что-то сделать успел?

— Вы что, издеваетесь? В основном бегал, смотрел. Фактически, занимался выживанием.

— Ты кроме этого места где успел походить?

— Ну смотрите, я сперва тут маленько огляделся. Отсюда, если идти на север, выйдешь к реке, — Вова бодро махнул рукой в нашу юго-восточную сторону, из чего я сделала предварительный вывод, что стороны света Новой и Старой Земель не согласованы между собой, — Русло от портала немного дальше, чем у Ангары, если по расстоянию сравнивать, но направление довольно близкое (чтобы представить). Течение очень быстрое, очень. По ширине почти в два раза Ангары шире. Полноводная и очень бурная река.

На восток отсюда — приток, впадает в эту большую, залив широкий, с километр будет.

На юго-восток видны горы. Предполагаю, что там будет что-то типа Байкала.

К северу и северо-востоку рельеф сильно положе, фактически начинаются степи.

Во-о-от. Побегал здесь — потом пошёл на запад, по этой же стороне реки. Встретил несколько притоков, пару небольших заливов облазил, пока на нужный не наткнулся. Место обалденное просто! Как объяснить... Не просто по набору характеристик — по ощущениям. Классное место! Там вокруг походил в разные стороны где-то на полдня пути.

— Общие ощущения от природы какие?

— Лес... он другой. Вот представьте, что тайгу, деревья, увеличили раза в три — обхват, высота и так далее. Огромные деревья, местами очень густой подлесок, где-то пореже.

— Мрачно?

— Да нет, почему — нормально. Я бы сказал, комфортно.

— Какое зверье?

— Птиц очень много. Рябчиков полно. Глухарей не видел, но слышал. Зайцев — тоже много. Пару раз косуль добыл.

— У, куда столько?

— Накопил. Соорудил коптиленку такую простенькую, беспонтовую. Вроде, неплохо вышло. Кстати! — муж хитро улыбнулся и достал из рюкзака свёрток, передал мне через ограждение, — Держи гостинец!

От свёртка ароматно пахло копчёным мясом. Та самая косуля, окорок!

— Ух ты! Дайте ножик! Миша, и сумку давай сюда! Чё сидим, как неродные? — Из сумки появилась скатерть, доска, одноразовые тарелки, стаканчики. И — специально для мужа — поднос (как я ему подавать-то буду?), нормальная тарелка, кружка, свежий хлеб, термос с горячим ягодным чаем, термос с борщом... В общем, дальше разговор протекал в уютной и странной обстановке пикника на границе миров. Мясо было суперское! А муж таки соскучился по моей еде, и это грело душу.

— Видел заросли черемши, папоротник есть. Тоже немного собрал там, — Вова достал и переправил на нашу сторону пакет с зеленью, — Что ещё?

— Это получается, как раз ты в начале лета попал?

— Да-да... Вот хищников не видел ни разу.

— Но они по-любому должны же быть.

— Да есть они, куда им деваться! Может быть, именно там место не очень для них удобное...

— Ну, по итогу — далеко отсюда?

— Там, где повозки смогут пройти, километров пятнадцать станет. И то есть места, где подчищать надо. Есть прямее, но фактически только для пеших.

— На другие порталы не наткнулся?

— Нет. Случайно — не вышло. Ночами света тоже не видел. По-хорошему, это дело уже для прочёсывания группой.

Мужики согласно покивали.

— Что ещё? Есть камень. По крайней мере, песчаник недалеко есть. Несколько скал таких... можно ломать, я попробовал — нормально. За нормальной глиной немного в сторону надо идти. Земля хорошая. Не то что чернозём, но чёрненькая. Черёмухи, кстати, много видел!

— Комарьё, гнус не заедает?

— Комары есть, а гнуса и мошки нет. Погода радовала. За всё это время два раза прошёл дождь и не морозящий, а ливень, прямо как тропический, с пузырями. Раз гроза была.

Потихоньку все наелись, разговор пошёл за какие-то стратегические вопросы, мужики вылезли из-за стола и начали о чём-то умно разговаривать, размахивая руками в разные стороны горизонта.

СОБЫТИЯ И ПОДАРКИ

У меня запел телефон. Алёна. Так, надо отойти на пяток шагов, в сторонку от шума.

— Да, слушаю.

— Мы почти добрались. Что — во двор, или к порталу?

— Да нет, к порталу смысла нет. Давай во двор, я через пять минут подойду, — так-так, как раз почти три, скоро эта тётенька подъедет.

— О-кей.

Я положила трубку, повернулась предупредить, что отлучусь и увидела... короче есть у меня такая фишка: иногда я события запоминаю картинками.

Итак, картинки:

Из кустов стремглав вылетает Вася и с криком «Дядя Вова!!!» запрыгиваетк Вове на руки.

За Васей, тяжело хлопая сандалиями, бежит Миша. Он пытается её остановить и поэтому кричит: «Василиса! Куда?!» Делает он это, как обычно, чуть медленнее, чем нужно — и бежит, и кричит — и поэтому не успевает ни остановить её, ни задержать. Но и

останавливается Мишка тоже чуть медленнее, чем нужно. На той стороне. Понимает это и растерянно бормочет:

— Да блин...

Немая сцена.

Взгляд выхватил бабушкино лицо; его потрясённое выражение сменилось решительным. Вот она встала, сурово поджав губы, сложила в карман очки (через которые она рассматривала Вовин гербарий):

— Галенька, вещи мои соберёшь, — одёрнула парадно-выходную блузку и не торопясь, слегка переваливаясь из стороны в сторону (потому что мама у меня полная, и ноги у неё больные) перебралась через границу.

— Баба! — запоздало вскрикнула Галя.

— Что «баба»? Вове тут дела надо делать, он что — с детьми возиться будет?

Да-а-а...

— Так ребята, вы тут пообщайтесь ещё. У меня там Алёна приехала. Я через полчаса буду.

Пришлось взять с собой Галю и Кирилла. Должен же мне кто-то помогать? (ну, кем-то мне же надо командовать?.. шучу, шучу...)

Во двор мы вошли одновременно с двух разных сторон.

Алёнка верхом на...э-э-э... лошади?.. нет, всё-таки на коне... Короче, Алёна приехала на своём конике, привела в поводу четырёх наших новоприобретённых лошадок. Все весёлые, выглядят сытыми и блестящими.

Я представила всех незнакомых, попросила Алёнку запрячь лошадей и пошла за последними вещами.

Впереди меня по лестнице поднималась женщина, прямо к нашей двери.

— Вы к нам? — она повернулась ко мне, в руках у неё была переноска, — Ой, я вас не узнала, богатой будете!

Женщина засмеялась:

— Ваши бы слова, да Богу в уши!

— Проходите!

Она остановилась в прихожей:

— Я вижу, вам не до разговоров сейчас. ТУДА собрались?

— Туда.

— Вот не думала... Знаете что, если понадобятся свежие крови — позвоните, мы всё время со Средней Азии привозим.

— Обязательно!

Мы поменялись: деньги на документы.

— Держите! Это в подарок! — поводок, ошейник, мисочка...

По-моему, мы взаимно остались довольны.

Галя взяла мою попку, пока я скидывала в пакет последние мелочи.

Они с Кириллом смотрели на меня грустными глазами.

— Зайки мои, не страдайте! Давайте так: если душа просит — надо идти! Бог с ним, со всем остальным. Как-нибудь решится! Как только оборудование придёт... Хотя, с другой стороны — чего ждать-то? Лето уходит. Лёху в горсть со всем семейством — и к нам. Смотрите, второй фургончик через два дня будет готов. Сразу грузитесь. Даже если всё остальное подвиснет... Знаете что? Позвоните тёте Ане. Она категорически никуда не хочет,

я с ней разговаривала. Попросите, пусть в субботу подойдёт, попробуем порешать. В любом случае доверенный человек нужен. Насколько проще будет — просто приедем потом и всё заберём, — молодёжь кивала синхронно, как заведённые, — Значит, мы с вами договорились — через три дня, только не в два — давайте в восемь, у нас это тоже восемь будет. Меньше зевак. Получится — переходите. Нет — посмотрим по обстоятельствам, тогда просто приходите поговорить.

Дети повеселели, похватали последние авоськи и поскакали вниз по лестнице.

У портала специально приглашённый народ уже перемешался со случайно просочившимися. Вова угощал всех желающих (включая работницу фургончика МФЦ и дежурных стражей порядка) копчёным мясом и даже уже принимал заказы. Вот не ожидала от него такой прыти!

Бабушка сидела на лавочке и бдила в сторону цветущего поля, где как кузнечик скакала Вася, иногда скрываясь в траве по самую макушку.

Наш выезд произвёл на массы неизгладимое впечатление. Народ почему-то не ожидал, что я сорвусь с места уже сегодня.

А я так думаю: то, что надо — сделается и без меня.

Всё, осталось со всеми проститься.

— Мама! Мама! — Вова поймал Василиску, чтобы она не врезалась в барьер. Глаза у неё были совершенно круглые, — Мама! Смотри, что я умею! — Василиса подняла руки ладошками вверх, и в воздухе вокруг неё запорхали десятки светящихся золотистых бабочек.

Со всех сторон разнеслось дружное «Ах!»

Вася тараторила как пулемёт:

— Я с тёенькой познакомилась! Она такая красивая! Как в песне «Мой единственный враг»*, которая с фиолетовыми волосами, только ещё красивее!!! И глаза у неё тоже фиолетовые! Она сказала, что мне ещё рано с огнём играть, а когда будет двенадцать лет — она меня научит! Правда, круто?!!

**Канцлер Ги,*

Василиса предпочитает с анимешными картинками

— Офигенно просто, доча! — Ну вот, теперь у нас есть свой маленький домашний маг огня.

— Баба, смотри-и-и! — ребёнок помчался дальше делиться своим счастьем.

— Ну что, народ, давайте прощаться!

06. ДОРОГА К ДОМУ

ВНЕЗАПНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ В НАШЕМ ОТРЯДЕ

Толпа нас провожала преогромная. Я сунула Гале свой телефон, всё-таки там бóльшая часть контактов, и передала на время мой секретный... э-э-э... секрет. Попросила погулять пока, чтобы не испортить «сюрприз». Последние договорённости — кто, что, когда и так далее. Всё записали — отныне гаджеты кончились! Блин, снова приучаться писать — не люблю я это дело! Ну да ничего, привыкну.

Пока все были заняты прощанием, сзади разгорался спор.

— Что придумала-то?!!

— Папа! Мне уже шестнадцать! Я сама могу решать!!!

Андрей и Алёнка. Красные оба. И сердитые. Аля металась между ними (вот как можно метаться, стоя на месте? Можно, оказывается). Пыталась навести мир.

Так-так.

Появилось новое действующее лицо — благодушный страж порядка в чине капитана, с надкусанным куском мяса в руке, завёрнутым в черемшу.

— Граждане, в чём дело?

Наш сердитый Арамис поджал аристократичные губы:

— Ничего страшного, дочка просто погорячилась, сейчас мы поедем домой...

— Папа! Если ты меня непустишь с ними — я одна уйду!

— Алёна!

Полицейский технично ввинтился в середину конфликта.

— Уважаемый, минуточку! — на свет извлеклась заламинированная инструкция, — И вы, мамаша, тоже, попрошу. Обратите внимание на пункт восемь. Мы можем приостановить *только* движение лиц до четырнадцати лет ввиду их несамостоятельности — до уточнения. Дети до четырнадцати — в сопровождении взрослых. Всем остальным гражданам препятствовать в переходе запрещено, мы для этого в том числе здесь находимся. Указ президента!

На лицах родителей отразилось отчаяние. Но товарищ капитан оказался ещё и психологом.

— Вы не расстраивайтесь. Посмотрите на это с другой точки зрения. Их таких молодых знаете сколько уже прошло? Некоторые даже без палаток, с рюкзаками одними. Побродят неделю, потом назад бегут, просят у родни продуктов. А кто и не приходит. Бог их знает, как они там... Здесь же люди сразу видно — взрослые, — капитан покосился на свой импровизированный бутерброд, — В лесу знают как себя вести. Уж голодать ваш ребёнок точно не будет.

Я смотрела на своих друзей. Да, могу их понять. Мои-то все при мне будут. А тут...

Капитан продолжал сеанс психотерапии. Я подошла ближе.

— Вот позавчера прошла компания. Человек пятнадцать. Одни малолетки. С гитарами, песни пели. Ушей поналепили себе.

— Эльфы? — поинтересовалась я.

— Ага, у девчонок волосы всякие... голубые да розовые. Детьми леса будем, говорят. Один топор на всю компанию, блин... Прибьётся ваша девочка к таким, будете переживать, как бы дурных людей не встретила. А тут нормальные, адекватные взрослые, тем более ваши

знакомые, согласны её с собой взять, — капитан посмотрел на меня, — Вы же согласны?

А я вот не знала, согласны мы или нет. Лошадник — это здорово. Но, блин, мелкая, да своенравная. Воспитывать придётся, сразу видно. Стоит, надулась.

— Алёна, посмотри на меня, пожалуйста.

Глазищи-то...

— Я вот думаю, поручиться ли за тебя?

— Я очень хочу туда! Пожалста-пжалста-пжалста, возьмите меня с собой!

— Стоп! Ты понимаешь, что обратно выйти нет возможности?

— Да!!!

— Ты готова — бросить всё, к чему привыкла? Не будет интернета, телефона, телевизора даже? Другие люди рядом? Я?.. Я — человек сложный. Пойдёшь с нами — я буду фактически твоим командиром. И Вова. Нас слушаться придётся. М? Готова на такое?

Алёнка молчала, смотрела мимо нас в проём портала, и вдруг из глаз её начали литься слёзы. Мать твою, прямо целые ручьи!

— Я очень, очень хочу туда...

— Хорошо! — я протянула ей руку, — Говори: признаю тебя кельдой.

Заморгала.

— Что глазами хлопаешь? Повторяй: признаю тебя кельдой...

Алёнка осторожно взяла мою руку и прошептала:

— Признаю тебя кельдой...

— И даю слово быть верной твоему клану.

— И даю слово быть верной твоему клану!

— Ну вот и хорошо, на первый случай пойдёт. Потом полную версию сочиним. Давай, прощайся с родителями — и поехали. Через три дня мы с Вовой будем здесь. На счёт «увидеться» я не уверена, но вещи Алёнке можно будет передать. Аля, слышишь? Андрей? В ближайшую субботу, в восемь утра. Проспите — мы уйдём. Долго ждать тут нет возможности.

Алёнка замерла около меня, словно боясь, что я передумаю.

— Ну что, чудо наше? Приступай к своим обязанностям: бери лошадок — и через границу, вперёд!

Я позвала Галю с Кирей и обняла ещё разок:

— В субботу, в восемь, как штык!

— Ага.

Ну всё, понеслась!

ПЕРЕХОД

Новая Земля, сорок четвёртый день нового мира

Не сразу я осознала какой здесь воздух, ветер и всё такое. Первые несколько минут я видела только его. Пах он обалденно: лесом и костром, как я люблю. Наконец-то наобнимавшись как следует с мужем, я вернулась к самой черте, кивнула Гале и поманила свой сюрприз. Галюня открыла большую переноску, и он поковылял мне на встречу на толстых лохматых лапах.

Муж заглянул мне через плечо.

— Я вот думаю, милый. Назовём его Акташ?

Щенок был сгущённо-белый, мохнатый, с толстыми лапами и умной мордочкой, слегка похожей на медвежью. Даже сейчас он уже тянул размером на нашу старенькую

Ладку (которая была плодом любви русской спаниельки с неизвестным, как говорили дети, *анонимным* папашей) — а чего же, собственно, ожидать от алабая? Вестимо, вырастет в телка́.

Алабайчик обнюхал, а потом и облизал Вовины руки, вкусно пахнущие копчёной косулей. Вовка потрепал его по загривку и довольно засмеялся:

— Хорошее имя, сильное. Ну что, Акташ, поехали домой?

Мы быстро со всеми попрощались, ибо долгие проводы — лишние слёзы, и наш фургон тронулся вперёд.

— Смотрите! Светятся! — воскликнула Алёнка.

И правда, в траве, метрах в десяти от входа начали попадаться плоские, отсвечивающие голубоватым камни, словно остатки старой брусчатки. Дальше булыжники шли гуще, и вправду приобретая вид мощёной голубым камнем дороги. Широкая трёхметровая полоса загибалась дугой, примыкая к рамке портала, Дальний от границы миров край этой необычной дорожки так же постепенно разреживался, исчезая в траве.

— Буферная зона, — пояснил Вова, — переход из одного течения времени в другое.

Глаза непривычно резало, я сняла очки, чтобы проморгаться — и поняла, что они-то мне и мешают!

Боже! Нормальные глаза!

Эта мысль так меня поразила, что я столбом остановилась посреди поля.

Небо казалось опрокинутой пронзительно-синей чашей и хотелось орать и скакать от совершенно пьяного медового воздуха. Здесь, в стороне от портала и доносящегося городского шума, становилось слышно, как на лугу и в небольших, напитанных водой ложбинках гудит, стрекочет и квакает мелкая живность, успевая радоваться лету и буйству жизни. И мне хотелось так же заорать от избытка ощущений. И почему, собственно, я должна сдерживаться?

— Й-й-й-йа-ха-а-а-а-а!

Это мой мир, заветный, долгожданный! Мир, в котором мы будем счастливы, я уверена!

Скажете напыщенно и романтически? А вот ни фиги! И вообще, с какой стати я должна подстраиваться под чужих тараканов? В моей голове рулят мои собственные! Сейчас конкретно они шли торжественной демонстрацией, с оркестром и фейерверками.

Я замерла посреди поля, раскинув руки, впитывая в себя ласковые лучи начинающего клониться к закату солнца — и говорила «спасибо» всем, кто стал виновником моего счастья. А вокруг носилась Василиса, и смешной толстый щенок старался поймать разноцветных светящихся бабочек.

Муж терпеливо стоял рядом и довольно улыбался в усы.

Из соседней рощицы подошли Светлана, Пашка и Димка. Мы договорились, что доедем до места, разгрузимся и с пустым фургоном вернёмся за ними — всё же барахла у них было до фиги.

ДОРОГА К ДОМУ, ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Сперва наша дорога... да какая ещё дорога — наше направление — шло по лугу. Крупные колёса накатывались на неровности, и всё шло сравнительно легко. Потом мы въехали в редколесье. Видно было, что Вова спланировал наш приезд, тщательно выбирал тропу и даже кое-где успел подчистить, но тем не менее по лесу мы изрядно замедлились. Вася скоро устала, и Алёнка посадила её к себе в седло. Бабушку пришлось посадить в

фургон, расчистив местечко в уголке, хотя она ворчала и хорохорилась. Чтобы было не скучно, озадачила её разбором семян. А поскольку там была целая здоровенная коробка, увлеклась бабушка надолго.

С вечера мы успели отойти от ворот километра на три.

На ночь мы устроили наш маленький табор в большой палатке, а сами взяли маленькую и ушли с Вовой в сторонку, жечь костёр и смотреть на звёзды.

ДОРОГА, ДЕНЬ ВТОРОЙ

Новая Земля, дорога к острову, сорок пятый день нового мира

Первая половина ночи у меня ушла на то, чтобы поздороваться с мужем как следует, так что встали мы поздно. К моему удивлению, изрядно взбодрившаяся бабушка уже успела накипятить полный котелок чая и разогреть оставшиеся пирожки, так что, наскоро перекусив, мы тронулись в путь.

Лес становился всё гуще, пробирались мы ещё медленнее, чем вчера. Вдобавок, вскоре въехали в полосу сырого, прямо-таки очень промокшего леса. Я подивилась открывшемуся феномену.

— А вы что, вчера не слышали, как гром гремел? — бабушка бодро бежала впереди тележки, — Под утро так гроыхало! Видимо, гроза полосой прошла.

— Я, если честно, вообще ничего не слышала, спала без задних ног.

Вовка усмехнулся в усы и пошёл убирать с дороги очередную мешающую лесину.

Лес был похож на тайгу — и в то же время не похож. Вроде бы те же деревья, но местами они становились большими, да что там — просто огромными, под стать знаменитым американским секвойям. Пахло опавшей хвоей, папоротниками и какими-то травами. Лес не был мрачным и тёмным, был в нём и подлесок, в котором периодически что-то двигалось и шуршало. По дороге пришлось переходить речку. Теперь мне стало понятно, почему муж вёл нас именно так, вроде бы отклоняясь от обозначенного им направления. К броду.

Спустя три часа мы решили сделать перерыв и попить чайку из термосов.

Рассевшись в рядок прямо на стволе очередного поваленного дерева, мы передавали друг другу пакеты с бутербродами и прихлёбывали душистый чай, в который Вова добавил листики малины, смородины и маленькие красные ягодки, кажется, костянику. Вкусно.

Я оглядывалась по сторонам. Этот лес, как и луговина, тоже был полон жизни. Вокруг беспрерывно пищало, трещало и чирикало. По стволам деревьев то и дело проскакивали белки и бурундуки. Вова вдруг шёпотом скомандовал:

— Тихо! — мы замерли и даже перестали жевать, — Смотрите! — он показал нам взглядом, куда надо смотреть. Метрах в ста, в просветах между деревьями, показалась стайка пятнистых косуль. Они неторопливо паслись, потом, услышав какой-то подозрительный звук, насторожили уши и исчезли в чаще.

Мы ещё немного посидели и двинулись дальше.

Следующий кусок оказался тяжёлым. Приходилось много рубить, оттащить в стороны и снова рубить. Даже бабушка завладела одним из топоров, объявив, что уж деревьев за свою жизнь она перерубила предостаточно, и имеет приоритетное право. Мы с Алёнкой убрали стволы, что потоньше. Васька таскала ветки, суслик мой мелкий. За четыре часа мы продвинулись едва ли метров на сто пятьдесят. Поэтому, когда наконец открылось чистое место, все вздохнули с облегчением.

Лошадки бодро затрусили вперёд, словно радуясь, что всё же могут обогнать пешеходов. И — да, мы расслабились. Может быть, потому что сильно устали. И не подумали ни о вчерашнем напитавшем и без того сырую прогалину дожде, ни о том, что трава посреди открытого пространства странным образом напоминала болотную. Начав проваливаться, лошади испуганно рванули вперёд, и даже проскочили коварное место, увязнув лишь по бабки, но повозка... тяжело гружёная повозка прочно села по самые оси и продолжала медленно уходить в рассевающую под колёсами густую грязь. Вскоре мы погрузились едва ли не по дно фургона.

Вот когда я услышала от мужа практически петровский загиб. Жаль, не записала!

Ну, это сейчас забавно, а тогда мы были практически в отчаянии. Вдобавок, что-то начало происходить с моей мамой. Я сперва думала, что она от работы раскраснелась. Но ей становилось всё хуже. Начался жар и озноб, пришлось срочным образом пролезать в затопшую повозку, доставать из неё тёплые вещи и укутывать бабушку в несколько слоёв, подложив на землю карематы. И всё равно её трясло, так что зубы стучали.

Я напоила её оставшимся в термосе горячим чаем, и она забылась, или, скорее, провалилась в странный не то сон, не то беспмятство. Испуганная Вася прижалась к бесформенной тряпичной куче, совершенно скрывшей от нас бабушку, и походила на маленького мышонка.

Мы пытались вытянуть наш домик на колёсах и так, и сяк, подкладывая брёвна, вытолкнуть его рычагом — ну, никак... Усталые лошади дрожали. И что мы были грязные по уши — об этом и говорить нечего.

— Приплыли, бл*дь, — Вовка тяжело дышал, упёршись в колени руками.

— Да... — я вытерла взопревший лоб и посмотрела на руку. Рука была грязно-зелёная, — Вот тут мы и будем жить...

Эта фраза стала последней каплей... я услышала его совершенно животный рык, и повозка начала потихоньку сдвигаться вперёд. Как мне сказал потом муж: «Такой псих меня взял, аж в глазах потемнело! И я понимаю, что ноги у меня проваливаются всё глубже в землю, но телега начала двигаться...»

— Алёна, кони! — Алёнка встрепенулась и потянула поводья, да и лошадки, почувствовав внезапную слабинку, засеменяли ногами, пытаясь поскорее убраться от этого страшного места...

С утробным чавканьем грязевая яма выпустила свою добычу, лошади дёрнули вперёд, мы радостно закричали, а Вова, не удержавшись на ногах, упал вперёд, прямо в колышущуюся жижу.

Я кинулась помочь ему выбраться и — готовый вырваться смех облегчения застрял у меня в горле. Я не знаю что он словил на дне этой злополучной ямы — острый сук или ещё что, но рука была пропорота до самой кости, и оттуда щедрым ручьём бежала кровь.

— Вова-а-а-а!!! — в этом крике, наверное, было всё: и предельное эмоциональное напряжение, от того, что только что была эйфория, а потом всё стало плохо, и вот, вроде бы когда уже ситуация начала разрешаться — эта ужасная рана, да ещё и грязная, и где-то на границе сознания стучались страшные слова «заражение крови» и прочие такие, которые я старалась подавить и не могла, потому что для меня нет ничего ужаснее, чем потерять мужа, и второй мой страх — остаться одной в диком мире, где я ничего не могу сделать без его помощи, на руках с маленьким ребёнком и матерью, охваченной какой-то странной лихорадкой.

А он ещё старался меня успокоить!

— Ты — тихо, не кричи, перевяжи меня, — говорил он споко-о-о-ойно, как с душевнобольной, — У нас же есть, чем перевязать?

Этот голос настолько контрастировал с тем, что я видела, что как будто вывел меня за границы реальности.

— Миша! Бутылку с водой, быстро! Лейте на руку! — я не помню, как я добежала до повозки, откуда достала бинты, помню только бьющуюся в голове мысль: «Пожалуйста, пусть всё будет хорошо!» — и снова, и снова, по кругу.

Я, наверное, плакала, потому что очертания раны всё время расплывались передо мной, а потом она начала светиться, и мои руки тоже, и кровь перестала течь, а муж сказал:

— Погоди-ка... — и начал сгибать и ощупывать руку, а я сидела растерянная со своими окровавленными бинтами и тупила, глядя на него, а потом уснула прямо на траве.

Я так себе думаю, мозг просто выключился от перегрузки.

Как мне сказали, на перезапуск процессора ушло два часа.

К этому времени Вова уже успел пронестись вокруг, найти ручей, организовал Мишку на таскание воды, Алёнку на обихаживание лошадей, развёл костёр, накипятит чая и сварил своё фирменное рагу.

МЫ ВСЕ ПОТИХОНЬКУ ПРИХОДИМ В СЕБЯ

Всё тот же сорок пятый день Новой Земли

Может быть, меня разбудил именно запах еды?

Я осознала, что лежу, привалившись к тёплому тряпичному бугру. Вечерело. Кто-то заботливо укрыл меня одеялом. Пахло вкусно.

Блин, как же я есть хотела, прямо как волк!

— Любимая, ну как ты? — Вовка подсел ко мне с кружкой в руках.

Я выползла из-под одеяла. Взяла у него из рук кружку. Чай был крепкий, ягодный и горячий.

— Ну-ка, руку покажи, — я не узнала свой голос, такой он был хриплый. Простыла чтоль? Или накричалась? Я прочистила горло.

Вовка протянул руку. На коже не было даже следов.

— Да это не та рука!.. А мама как?

— Ну, на другую, — усы у мужа смешно встопорщились, — Матушка твоя спит, вроде жар отступил, — на второй руке тоже не было никаких следов, зато мои руки были винтажного чёрно-зелёного цвета.

— Ой, блин, есть вода?

— Четыре ведра.

— Какой ты молодец!

Я успела помыться и переодеться, когда куча одеял зашевелилась и села. Из недр показалось хмурое лицо и пара разгребаящихся рук.

— Мам, ты как? С лица прям спала.

— Да ты знаешь, странно как-то... — она безуспешно дёргала сразу два обмотавших её одеяла, — Помоги-ка!

В четыре руки мы кое-как извлекли её из кокона.

Да-а-а...

— Знаешь что, мам, в таком виде нельзя ходить. Пошли, я тебе что-нибудь из своего подберу.

— Пошли... — бабушка как-то нерешительно повернула к фургону, поддерживая руками внезапно ставшие огромными свои одежды. Да и бабушкой её язык как-то не поворачивался называть. Седина стянулась к вискам, волосы вновь стали жгуче-чёрными, лицо разгладилось и самое главное — от её девяноста пяти килограмм осталось едва ли семьдесят, а может и меньше.

Похудела она, короче, килограмм на тридцать. И помолодела лет на пятнадцать-двадцать.

В фургоне на двери (со стороны комнаты, конечно) висело ростовое зеркало, которое полностью овладело бабой Галей как минимум на полчаса.

Внутри было уже сумеречно, я было хотела раскопечгарить керосинку, но вспомнила про новый Васин дар и решительно пустила его в дело.

— Оля, ты посмотри, — мама широко развела руки с зажатой в них одеждой, — как парашюты!

Она охала и крутилась, так и сяк обматывая себя ставшей непомерно просторной блузкой. В конце концов я махнула рукой, показала коробки со своей одеждой и пошла ужинать. Желудок уже давно недовольно урчал.

Через пятнадцать минут помолодевшая бабушка гордо продефилировала перед нами в камуфляжных спортивных штанишках и пёстрой футболке.

— М? М? Ну, как я!

— Гульчачак Нугмановна — отпад! — Вова для убедительности поднял вверх большой палец.

— И главное! — мама повернулась ко мне, улыбаясь странной, стянутой вниз улыбкой. Увидев, что я растерянно хлопаю глазами, она торжествующе выкрикнула, — Зубы выросли!

— Да ну?!

— Да, и сбоку тоже! — она торжественно цыкнула зубом, — Всё! Могу замуж выходить!

— Я думаю, вы теперь женихов лопатой отгонять будете! — продолжил дипломатическую линию Вова.

— Так это... мама, — Миша, как всегда, начал со вступлением, помогая себе фирменно присогнутым пальцем, — У тебя седина тоже исчезла!

— Да?! — теперь настала моя очередь бежать в повозку и крутиться перед зеркалом, — Вася! Иди посвети мне, а то я ничего не вижу!

В общем, мы решили, что на сегодня нам уже хватит ощущений, и вечер провели тихо-мирно. Бабушка с Васей в фургоне меряли мой гардероб, Алёнка по моей просьбе учила Мишу ухаживать за лошадьми, а мы с Вовой сидели в обнимку у костра, привалившись друг к другу смотрели на искры и строили планы.

Сегодня я не готова была никуда его отпускать.

ДОРОГА, ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Новая Земля, дорога к острову, сорок шестой день нового мира
Утром я проснулась и начала шарить руками вокруг подушки.

— Любимая, ты чего?

— Да не помню — куда очки положила...

Муж тихо засмеялся:

— Проснись, какие очки?

Я села и почесала в макушке. Действительно — какие очки? Вот что значит: многолетний рефлекс!

Лес был... офигенным! Пронизанным косыми солнечными лучами и наполненным пением птиц. Для ночёвки в лесу утро было непривычно тёплым. Кто когда-нибудь жил в палатке в резко континентальном климате, меня поймёт. Перепады температур у нас в Иркутске огромные. Днём плюс тридцать — ночью плюс десять, вполне. А тут... ну, слегка свежо.

— Знаешь, милый, — поделилась я внезапно посетившим меня соображением, — или мы находимся гораздо ближе к океану, чем Иркутск, или в другой климатической зоне. Утро тёплое какое.

— Согласен, — Вова повесил котелки над костром, — Знаешь что, пойдём, пока закипает — хочу кое-что проверить.

Мы отошли метров двести от лагеря. Вовка оглядывал деревья, словно искал что-то или примеривался.

— А что ты... — я не успела договорить, как он подошёл к молодой, сантиметров двенадцать в диаметре осине и вырвал её из земли. Я смогла сказать только, — ...А?

Вовка наступил на тянущийся за стволом корень и оборвал его. Примерился ко второй:

— Так, ещё раз! — я хлопала глазами и не могла подобрать челюсть, а муж выдёргивал одну осину за другой, как морковки! — Ну вот. Сегодня веселее поедем.

— Вовка! — запищала я и повисла у него на шее, — Это же дар, ты понимаешь?! Чудо!

— Ага. По-моему, это после вчерашней ямы.

— Точно! — новая мысль пронзила моё сознание, — А я? Я, значит, теперь — лекарь?

— Ну, типа того. Скорее, целитель — так будет правильнее.

— Офиге-е-е-еть!

И наш дневной переход, действительно, оказался гораздо более лёгким, чем вчера, хотя участок был изрядно заросшим и за день мы дважды перешли речки вброд. Сегодня для нас практически не осталось работы, поскольку тонкие и средние деревья Вова выдирает и сразу откидывал, а более толстые попадающиеся — подрубал несколькими ударами и сам же оттаскивал.

Я наблюдала за ним, и мне казалось, что он не только не устаёт — наоборот, движения становились всё более лёгкими, и к обеду уже даже средние деревья он откидывал играючи.

Ближе к вечеру лес поредел и стал перемежаться большими полянами. Вова объявил, что самый жопный кусок закончился, завтра часть пойдёт по открытому месту, а потом лесом, но там распадок практический чистый — тем более, что он готовился нас встречать и все неудобные деревья успел убрать, так что поедем с ветерком!

Километров до трёх в час, должно быть, разгонимся, ха!

ТЯГОСТНО НА ДУШЕ

Новая Земля, всё та же дорога, сорок седьмой день нового мира (четвёртый день от входа в портал) // На Старой Земле (СтЗ) всего лишь второй четверг августа, не прошло и суток от моего перехода

Странное было внутри ощущение. Мы двигались уже два часа, пора было сделать небольшой перерыв. Светило солнце. В кустах жизнерадостно орали птицы. Но внутри зрелое чувство, что мы приближаемся к чему-то нехорошему. А ещё — что я опаздываю. Конкретно я. Блин. Интуиция у меня и в старом мире работала железно, каждый раз, когда пренебрегала предчувствиями — жалела об этом.

Я срочно поделилась ощущениями с мужем. Бабушку с Васей спрятали в фургончик. Защита так себе, но всё же... Теперь можно немного ускориться.

Вова прямо-таки сканировал пространство. Он вообще за этот месяц стал... первобытный что ли. Мишка шёл сзади, Алёнка с конём в поводу — рядом. Похоже, испугалась. Да уж, в случае чего толку с них будет немного.

Всё утро мы ползли по луговинам, перемежающимся редкими полосками деревьев или кустов, а теперь снова вступали в лес, спускавшийся с двух пологих сопок к узкой расчищенной полосе распадка. Если бы не сочная трава под ногами, это было бы похоже на обычную просёлочную дорогу в лесу, где-то в старом мире — и от этого почему-то мне стало ещё тревожнее.

Прошло минут двадцать. Вот оно! То, что стихли птицы, смогла заметить даже я. А потом упало два дерева сразу — спереди и сзади, прямо как в кино. И из кустов раздался треск и радостные кровожадные крики. Навстречу которым смазанным пятном метнулся Вова.

В экстремальных ситуациях муж может двигаться очень быстро. Мог, когда ему было сорок пять. Но теперь он был на двадцать лет моложе. И теперь у него был дар силы...

Всё произошло в считанные секунды. Шестеро уродов оказались обездвижены в разной степени тяжести, некоторые насовсем. Но чувство тревоги не прошло, наоборот, сделалось более сильным и пульсирующим и даже приобрело ощущение направления.

— Вова, опаздываем! Что-то происходит — там!

С другой стороны, можно было и не показывать, уж следы-то читать охотник умеет, тем более такие явные.

Ветер донёс женский крик. Нет, скорее девчоночий.

Муж рванул на голос по прямой. Я успела крикнуть растерянными детям: «От повозки не отходить! Охраняйте!» — и бросилась следом за ним.

Чё уж они там наохраняют... Пусть хоть в одной кучке стоят, мало ли...

Капец, не умею я по лесу бегать. Я вообще-то бегаю не очень. Тут хоть задышаться перестала. Скорее, скорее... Твою мать, займусь физкультурой...

Бля-я-я-я*ь...

Над поляной висела осязаемая аура пережитого ужаса. Пятеро в разных позах лежащих мужиков. Некоторые живые. Пока. Подвывают. Орут даже. Некоторые даже пытаются сложить внутрь свои кишки. Пóхер. Вова режет верёвки сильно избитым парням. Есть

переломы, резаные раны.

Нет, не здесь.

Я пыталась отследить ощущения. Кусты. Вот оно!

Четыре девочки. Те самые, бля*ь, эльфийки, про которых мент говорил. Избиты. Одежда изорвана, ноги в крови. Страшно, но вылечим. Не это. Стоят на коленях над кем-то на земле, режут все в голос.

С-с-с-сука... Вот это страшно.

Девочка с зелёными волосами, лет пятнадцати. Сильное кровотечение. Взгляд в небо, совершенно прозрачный.

Вторая белобрысая. С чудовищной вмятиной в черепе. По волосам течёт кровь, дыхание судорожное и слабое, конечности мелко дрожат.

— Девочки, пустите меня, — я опустилась на землю рядом с беленькой, — Как её зовут?

— Маша... — стоящая рядом на коленях розововолосая девчонка лающе всхлипнула, размазывая по лицу слёзы, не замечая, что руки у неё испачканы в крови. Автоматически ставлю заметку, что пара ногтей выдраны с мясом. Потом, всё потом, — Она сестру... хотела защитить...

— Потом, милая, всё потом... — я взяла холодную дрожащую руку в свои, — Машенька, держись.

О боги, я ведь даже не врач. Удар сердца, ещё один...

ЦЕЛИТЕЛЬ Я ИЛИ НЕТ?!

Я склонилась ниже, мир начал сужаться до размеров крохотной точки, а потом я оказалась у неё в голове. Или что это? Определённо, ощущается как место. Светящееся сплетение линий. Я ожидала увидеть разорванные сосуды, куски костей, мозг... Похоже, что это отражение телесного плана... так, красные оттенки — видимо, повреждения. Здесь прямо-таки клубок, внутри которого появилась мутная чернота. И, что неприятно, она разрастается. Золотистые тускнеют, их остаётся всё меньше. Неожиданно отчётливо я осознала, что как только все линии погаснут — девочка умрёт. Твою мать! Что делать-то?!

Так, Оля, успокойся! Давай уже начнём с чего-нибудь, пока не стало поздно.

Я потянулась к ближайшей алеющей нити. Нет, рук не вижу — только ощущения, будто прикасаюсь, вливаю тонкое светящееся золото. Вроде бы стало лучше, но через минуту (секунду? час? — ощущение времени размылось абсолютно) всё вернулось к тому же угрожающе алому цвету. Попробовала с другой — то же самое. Не то. Нужно найти источник, начало разрушения. Нужно идти в глубину — туда, в самое сплетение алых линий. Интересно, смогу ли я вернуться?

Шаг вперёд. Ног нет. Но это, определённо, шаг.

Я вряд ли справлюсь.

И тут меня накрыло: я же могу быть не одна!

— Вы, давшие мне силу исцелять, вы слышите, слышите меня? — я шептала? определённо шептала... или слышала мысли в своей голове, — Я предпочла бы учиться постепенно, но эта девочка не может ждать. У меня не хватит сил. Хуже того — у меня не хватит умения помочь ей. Пожалуйста... Направьте меня и помогите...

Тёплая рука легла на плечо.

— Пойдём.

Голос, похоже, женский. Нежный и мягкий.

Красное сплетение надвинулось, увеличилось и мне стало страшно — не поглотит ли оно меня?

— Ничего не бойся. Дар у тебя уже есть. А с силой разберёмся. Вперёд!

Мы нырнули внутрь алого клубка и устремились к самой его середине. Вот она — причина, пульсирующая багровым, в самом центре наливающаяся чернотой.

— Скорей, — голос спокойный и деловой, как у хирурга.

Я потянулась, вливая в центр боли золотой свет. Чернота отступила, сменившись приглушённым красным.

— Хорошо, но неправильно. Так ты истощишь себя.

— Что же делать?

— Бери из земли. Бери смело — земля благословлена давать, сила её не иссякнет. Смотри.

Внезапно пространство вокруг меня стало огромной сплетённой сферой, сияющей золотом ближе к основанию и зеленью в куполе.

— Когда тебе нужно — просто бери! Сейчас тебе нужна серьёзная помощь.

Я потянулась к сияющим золотым линиям, одна из них скользнула мне навстречу и устремилась внутрь багрового клубка, высветляя его и наполняя свечением. Это было похоже... определённо было похоже на жидкий свет. Движение жидкого света по живым сообщающимся нитям... Это было... завораживающе. Но требовалось уточнить.

— А зачем зелёный?

— Иногда растениям тоже нужна помощь.

— Надо же... спасибо!

— Обращайся, — голос мягко усмехнулся.

— Я ведь даже не знаю, к кому...

— Ну, сегодня же у тебя получилось? Какая разница, люди всё равно дадут нам разные имена или используют привычные: Эйр, Панацея, Сулис...

— Скажи, какое имя нравится тебе?

— Ну... называй меня Эйра.

— Хорошо, госпожа Эйра.

Багровый сменился красным, а вскоре и от красного остались лишь слабые оранжеватые сполохи.

— На этом остановись. Дай организму немного доработать самостоятельно.

— А она не проснётся раньше времени?

— В таком трансе — нет, пока ты не выйдешь. Если требуется усыпить больного — представляешь себе, что он спит и говоришь: спи.

Однако! Просто и действенно.

Я отсоединила светящийся поток, но не выпустила.

— Госпожа Эйра, то, что мы сейчас видим — это...

— Голова.

— Как мне увидеть остальные повреждения?

— Просто захоти увидеть. Давай! Попробуй представить весь организм целиком.

Я зажмурилась, представляя себе лежащую в траве белобрысую девчонку.

— Да не пыжься так. Мягче. Спокойнее. Помни — ты можешь. Тебе уже дано. Давай между двух ударов сердца.

Ух ты. Может сработать. Удар. Глубокий вздох... Увидеть!

Она лежала передо мной, вся состоящая из светящихся ниточек. Твою мать, как же её избили... Переломов нет, но потроха сплошь светились красным.

— А можно лечить сразу несколько органов?

— Конечно, можно. Пробуй.

Тянусь к энергетическим нитям. Начнём... с матки начнём и всего прилегающего. Бедные девки. Им бы психолог какой не помешал сейчас. Почки. Селезёнка...

Возилась я долго. Мне, по крайней мере, так показалось. Устала, как мешки таскала.

— Госпожа Эйра?

— Да?

— Могу я помочь сама себе?

— Я всё ждала — ну когда же ты спросишь? Конечно, можешь. Чем ты хуже других?

— А... как? Я же не вижу себя совсем.

— Цели такой не было. Хочешь видеть — увидь. Всё точно так же.

Оказалось, всё действительно точно так же. Забавно видеть себя вот так — сеточкой. И какая-то я реально была уже тускленькая.

— Хорошо любоваться. Ещё немного, и ты упадёшь в обморок.

Я поторопилась протянуть руки к светящейся сетчатой сфере, из которой навстречу мне скользнули несколько тонких ниточек и влились в пальцы, буквально накачивая меня энергией. Удивительно. Очень странные ощущения.

Я очень хотела спросить ещё кое-что, но боялась получить отрицательный ответ.

— Я ведь не смогу...

— Целить души? Нет... Для этого нужна другая сила. Всё, девочка — теперь надо грамотно выйти. Представь себе место, где ты находишься. Осознай себя в теле.

— А если я не смогу?

— Тогда зови меня, — голос засмеялся, и ощущение присутствия исчезло.

Тяжесть тела возникла так неожиданно, что я чуть не ткнулась носом в землю.

Белобрысая девчонка с коростой на голове резко вздохнула и подскочила, явно не соображая, где она.

— Спи, — успела брякнуть я, шлёпнув её в лоб, и девочка обмякла, а я нырнула в её сестрёнку.

— Тело целиком, — потом, наверное, это всё будет на автомате, но пока вот так, со словами — легче.

Здесь багрово-чёрный клубок был внизу. Множественные разрывы. Большая потеря крови.

— Теперь земля! — направляю сразу несколько ниточек в низ живота. Живи, девочка! Дополнительные — в отбитые органы, залечиваем самые страшные ушибы, разрывы и растяжения...

Второй раз было... не то что бы сильно проще, но понятнее. Вот практически и всё. Теперь на выход!

Голубые глаза зажмурились, а затем снова распахнулись.

Девочка затряслась, озираясь, увидела неподвижное тело сестры с залитой кровью головой и отчаянно завывала.

— Спи!

Вставать было тяжело. Ноги затекли — просто пипец как. Девки смотрели на меня

круглыми глазами. Магия-шмагия, блин.

ПРАВОСУДИЕ

Муж обнаружился прямо за спиной. Глаза у него были совершенно волчьи. Почти жёлтые. Почти. Это уже хорошо. Не подумайте чего. У него так бывает — жёлтые глаза — когда он сильно зол, вот прямо до бешеного предела. А когда в них пара капель зелени — уже легче, будем жить. Вот только подозреваю, что мы вряд ли найдём среди бандитов кого-нибудь живого. Зато можно будет поиграть в тетрис. Или в привокзальную шаурму. Аттракцион «собери котёнка» блин... Фу, чёрный юмор какой лезет в голову. Так, только истерически не смеяться.

— Милый, долго я там была?

— Первый раз минут двадцать. Второй меньше. Минут десять от силы.

— Солнце моё, я тебя очень прошу — дойди до дороги. Мама и Вася ни в коем случае не должны сюда соваться. Пусть ждут. Надо им задание выдать. Есть готовить, например. На большую толпу. И вот ещё что. Бандитов здесь вроде бы пятеро было?

— Было.

Невольно прислушиваюсь. Действительно, было.

— А у дороги?

— Там шестеро.

— Возьми из пацанов кого-то. Если кто-то из тех остался в живых — тащите их сюда, — при этих словах руки мои непроизвольно скрючились. Спокойно. Спокойно. Или нет. Убивать вас буду, суки. Медленно, — Мы должны их расспросить.

Муж посмотрел внимательно и молча ушёл.

Так, на очереди ещё четыре девочки. Этим оказала первую помощь без полного погружения. Настропала, чтобы не смели будить сестёр и сидели как мыши.

Рядом нерешительно мялись парни. Семеро. Биты крепко. Три перелома рук. Но просить пришли не о себе.

— Извините, вы не могли бы подойти сюда?

Ещё один. Лежачий. Нога неестественно вывернута в колене. Одна сторона лица прикрыта набрякшей кровавой тряпкой. Мальчишка в сознании.

— Принесите воду и полотенце! — сзади раздалось шуршание — кто-то бросился выполнять.

Я собралась откинуть окровавленную ветошь — и поняла, что не смогу на это смотреть. С детства у меня такое: не могу видеть чужую боль и тем более кровь. Для целителя свойство так себе. Выход какой? Уйти во внутренний план!

Внутри всё было примерно так же, как в прошлые разы. Сгустки багровых линий, в районе головы и колена интенсивно пульсирующие.

Яркие золотые ручейки вливались в повреждения, мгновенно бледнея. Странно, ощущения такие, словно вода уходит в песок. Ещё... да блин, что ж такое...

— Попробуй пучок.

Я аж подскочила от неожиданности! Можно подскочить в энергетическом поле? Не знаю, по-моему, у меня получилось. Эйра! Я ведь её даже не почувствовала. Просто голос в голове!

— Если видишь такую картину — берёшь пучками: по три, пять нитей. Иногда может понадобиться даже больше. Пробуй.

Ну что... Трёх... да, не хватило. Пять?..

Понадобилось семь. Семь наполненных энергией земли нитей, влитых в самый центр багрового клубка внутри головы. Ещё три — в выломанное колено. Ну и остальное как в прошлые разы.

Я вышла из транса. Мальчик снял с лица кровавые тряпки и вытаращился на меня круглыми глазами. Похлопала его по коленке:

— Благодарности потом.

Потом были сломанные руки, порезы и отбитые потроха. Неловкие слова признательности. Интеллигенты, блин.

Я осмотрела подлеченных пацанов оптом. Держатся уже бодрячком:

— Слушаем сюда. Выкопать яму. Уродов этих сложить... — я на секунду задумалась, — Бошки и правые руки отрубить, спихать в мешок, — не знаю, зачем мне это понадобилось, но почему-то казалось, что так будет правильно.

Эльфик с выломанным коленом мрачно кивнул и двинулся первым. Остальные пошли за ним. Не возражают. В шоке, поди.

Так. Я пошла по бандитскому лагерю в поисках подходящего предмета. Вот! Старая чугунная сковородка. Серьёзная такая. С хозной круглой деревянной ручкой. По ходу дела, отжали на каком-нибудь хуторе. Интересно, живы ли остались хозяева этой сковородки? Эта мысль придала мне новую порцию злости. Я ни фи́га не воин. Пусть сковородка будет моим оружием!

Эльфы стаскали куски трупов в кучу и нерешительно затоптались вокруг, не зная, как подступиться к моему заданию по сбору вещественных доказательств.

— Топор возьмите!

О, побежали.

Со стороны дороги подтянулись направляемые Вовой засланцы, на этот раз с ними увязались Мишка с Алёнкой, ошарашенно оглядывающиеся вокруг. Из засадников остались живы двое.

Вова окинул нашу инсталляцию хмурым взглядом, уложил приволоченных рядом и живо скрутил им руки. Я залечила обоих до состояния вменяемости. После чего Вова показал эльфам мастер-класс по отрубанию голов. Мальчишки начали тренироваться. По ходу дела, это нехитрое упражнение живо усилило в бандитах желание сотрудничать со следствием.

Итак, анамнез.

В напавшей на нас шайке было общим числом одиннадцать уголовников. Теперь прошлые подвиги проявились со всей очевидностью. Кресты, купола и прочая художественная роспись.

Эльфы закончили совать головы в мешок. Глаза бешеные. Ну вот, а то куксились. Подошли ко мне.

— Э-э-э... извините пожалуйста, — я усмехнулась про себя. Страшно было сейчас к Вове обращаться, это точно.

— Что?

— Там у дороги ещё четверо. Им тоже головы рубить?

— Сюда несите. И — да, рубите.

Парни скрылись в лесу.

Сознание выхватывало отдельные детали, словно время от времени кто-то нажимал стоп-кадр.

Вова смотрел на бандюков холодным волчьим взглядом.

Я. Могло бы показаться, что я должна устать. Но теперь у меня есть нескончаемая подзарядка. А вот злость на мерзавцев после всего увиденного никуда не исчезла. Внутри меня прямо колотило от ярости.

Мишка сидел на краю поляны и был совершенно растерян.

Алёнка испугалась и подавленно молчала. Надо ей задание дать, пока не впала в панику.

— Алёна, я там треногу костровую для сковородки видела, поди-ка принеси, чего колом стоять? — спотыкается, но пошла...

Девочки-эльфийки, всё так же жались кучкой вокруг спящих. Что творилось у них в головах? Я так точно периодически теряла чувство настоящести происходящего и начинала наблюдать за всем как за сюрреалистичным, но очень похожим на правду сном. Ловила себя на этом ощущении и заставляла возвращаться в реальность. Сознанием возвращаться, если вы понимаете, о чём я. Не хватало ещё кукухой поехать...

Я подошла и аккуратно разбудила сестёр. Девчонки первым делом бросились друг к другу. Обниматься и плакать. Понаблюдав пару минут, осторожно помахала перед лицом сковородкой:

— Девочки! — Девчонки отшатнулись, — Ч-ш-ш... Помните меня? — спросила наугад — а вдруг?

— Вы были...

— Вы были в моём сне!

Гляди ж ты, угадала. Могут, значит, пациенты меня узнать!

— Правильно. Я была тётя-доктор. А сейчас я буду тётя-правосудие, — я встала с колен, отряхнула подол и обвела весь кружок своей сковородкой, — Я решила, что вы должны видеть возмездие. Вам будет больно и противно смотреть на этих ублюдков. Но хуже будет не смотреть. Пойдёмте, возьмём свою ви́ру.

Шестеро девчонок нерешительно пошли за мной.

Шурша подлеском, появились парни. Ещё четыре тела разной степени разорванности.

Девчонки смотрели на всё огромными глазами.

Не знаю, состоялся ли уже в этом мире хотя бы один суд, всё ж таки ему ещё двух месяцев от роду нет. Но в нашей местности он определённо был в первый раз. Вова всё ещё смотрел лютым зверем, пришлось мне официальную часть взять на себя.

— О, боги... Мне бы мудрости...

Я вышла на середину, на несколько секунд закрыла глаза и поискала внутреннюю опору:

— Услышьте меня, боги этой земли! Призываю вас в свидетели правосудия! Сегодня мы вершим суд. Первый суд на этой земле. За дело грязное и страшное. Эти люди, — я обвела рукой уголовников, мёртвых и пока ещё нет, — признаны виновными в насилии и бандитизме. А ну-ка, ребятушки, отрубите-ка вот этим... — я ткнула в принесённые с дороги трупы, — ...головы, да покидайте в мешок. И руки не забудьте, для опознания.

Хмурые парни начали работу.

Я наблюдала за девочками. А ещё говорят, что шоковая терапия не работает! Девки следили за процессом, сжимая кулаки.

Выходило у мальчишек уже неплохо, куда ловчее, чем сначала. Но глаза... Тоже, наверное, плывут, ощущая себя частью чьего-то кошмара. Понаблюдать надо будет за ними, чтоб срывов не было.

Я вдруг поняла, что смотрю на них уже как на своих. Детей, что ли. Подопечных уж точно. А мы ведь ещё ни о чём их не спрашивали! Но бросить ребят одних... Если согласятся — обязательно к себе возьмём.

Слева послышался шёпот: «Беспредел...» — и я с холодной злостью процедила сквозь зубы:

— А тому, кто выскажется без разрешения, мы отрежем язык. Есть желающие?

Один из сидящих уголовников задёргался и начал истерично орать:

— Да правов таких не имеете, без суда, без следствия!..

Муж вопросительно посмотрел на меня, но во мне самой уже скопилось слишком много гнева.

Три шага, замах... Как же приятно врезать по гнусной роже чугунной сковородой! Ещё раз и ещё, чтобы зубовное крошево смешалось с чавкающей кровавой кашей.

— Милый... Отрежь ему язык, я же обещала...

...

Внутри меня всё клокотало, и когда я, слегка наклонившись ко второму, начала говорить, он должно быть, почувствовал, что никакого следствия и долгого разбирательства не будет.

— Слушай меня, урод. Прежде чем приговор будет приведён в исполнение, даю тебе шанс облегчить свою участь. Говори: откуда у вас эта сковородка? Три секунды на размышление. Ну?

Тело начало говорить, торопливо проглатывая слова:

— Мы когда с зоны наладились, выскочили к посёлку, только спалили нас. Дёрнули оттуда в лес. Менты, суки, обложили со всех сторон, стали в болото нас загонять. А тут смотрим — стоит на полянке, бочком, эта хреновина. Навроде широких дверей. Пахан и сказал — надо в эти ворота сигать, не пойдут за нами. Он сказал — ночь просидим да выскочим, лажа мол про одну сторону. Однако же не смогли мы назад пройти. Пришлось по тайге двигать. Пошли на юг. Три недели телепались. Жратвы нет. Уже лягушек жрали. Я ночью слышал, пахан с Рябым базарили, кого коровой назначать!.. Калаша испортились...

Вова не дал бандиту сбиться с темы, глухо прорычав:

— Сковородка.

— Так и я о чём! — ещё быстрее зачастил информатор, — Вчера вечером наткнулись мы на них. Телега со всяким скарбом. Скотина. Мужик один был.

— Один? Со скотиной? Не верится что-то.

— Да там... Точно! Ещё, должно быть, люди были. Шмоток много было. Детские даже. В лес, видать, зашли.

— И что вы?

— Да, пахан сказал Рябому — тот и дал ему по башке.

Я не выдержала:

— Вот вы твари! Удавить вас мало!

— Да, против пахана разве ж попрёшь...

Вова возвратил тело к теме:

— Дальше что?

— Дак... пошарили мы, жратвы кой-какой надыбали, хлеба там, консервов. Сковородку вот эту.

— И что, прямо и скотину не тронули?

— Не успели. Собаки из лесу выскочили. Овчарки две. Да и показалось нам, что люди бегут. Пахан валить сказал.

— Суч-чары вы трусливые... Далеко отсюда?

— Километров с десять будет...

Вова задал ещё несколько уточняющих вопросов.

По всему выходило, что место столкновения с хозяевами сковородки километрах в десяти-двенадцати на юг.

Мы отошли в сторону.

— Милый, а давай туда этих эльфят отправим. Смотри, пацаны облажались — ну реально, облажались же — девок своих защитить не смогли, дураки романтические... Пусть кого-нибудь спасут. Хоть как-то в собственных глазах реабилитируются.

Вова задумался.

— Заблудятся они. Никого не найдут и облажаются ещё хуже. Даже если я им карту нарисую — не найдут, могу поспорить.

— Что делать-то?

— Любимая, мы же не можем всех спасти.

— Всех — нет. Но раз уж вокруг нас такое заплетается, значит, этих — можем. И думаю — должны. Судьба такая.

Муж вздохнул, и брови у него стали домиком:

— А этих детей обязательно с собой тащить?

— Обязательно! Пушай приучаются. Я их сейчас подзаряжу, побегут за тобой как заводные.

— А с этими уродами что думаешь?

— Этому говорливому сломай ноги. А второму ещё и руки в придачу. И пошли к дороге, нехрен их слушать.

— Бросить их хочешь?

— Наоборот, милый! Я хочу завтра вернуться. И хочу, чтобы они об этом пожалели.

Мы объявили всем цену виры, привели приговор в исполнение и велели эльфам быстро собирать свои вещички.

08. ДОЛГИ И ГОСТИ

СПАСАТЕЛИ — ВПЕРЁД!

А потом мы вышли к дороге, где наша бабушка приготовила целый казан вкуснящего плова, и накормили всю нашу разношёрстную компанию, налили девочкам (и даже Алёнке, которая сильно прониклась ситуацией) по стакану наливки и уложили спать в наспех расставленной палатке. Волосы, кстати, у Маши оказались не белые, а нежно-голубые.

Да, кто не хотел спать добровольно, тот уснул принудительно, ибо сон — лучшее лекарство, особенно в случае психологических травм.

А я подкачала мальчишек и отправила их с Вовой и Мишкой искать ещё одних пострадавших. Думаю, что заряженные мной добегут они за час-полтора (вместе со всеми поисками) и при удачном раскладе может даже вернуться засветло — времени всего-то полвторого дня (а кажется прямо вечность прошла, да?).

Читерство, конечно, с этой энергетической подкачкой. И, наверное, постоянно так делать не стоит. Хотя, с другой стороны — почему бы и нет? Никто не говорил, что это вредно или там по идеологическим соображениям запрещено.

Пока мужиков не было, я рассказала маме, что случилось.

— Так это, наверное, те бандиты, которые в Якутии сбежали! — вскинулась она, — по телевизору передавали дней пять назад!

— Ну вот, мы-то телевизор вообще не смотрим. А даже если смотрели бы — мне в последние дни вообще не до телевизора было.

— Оля! Там такие рожи — показывали их! Они же охрану перебили, нескольких человек, и с их оружием сбежали.

— Мама, что ты меня пугаешь-то? Я на них насмотрелась уже. А калаша их так и так здесь не работают...

В общем, в итоге мы решили, что нам тоже нужно успокоительное средство в виде ягодной наливки и даже успели поставить маленькую палаточку и немного придремать к тому моменту, как наши рейнджеры вернулись. Разбудил меня вразнобойный звон колокольчиков и недовольное ворчание и возня лежащего в ногах Акташа.

Солнце клонилось к закату, хотя сумерки ещё не спустились и вечер был по-летнему светлым.

Я выскочила из палатки и увидела медленно выходящее из леса... стадо?

— Мама! — Мишкин голос из-за плеча заставил меня подпрыгнуть. Что-то меня сегодня часто застают врасплох, так-так... — Дядя Вова велел нам вперёд идти, там он для телеги дорогу расчистит и будет.

— Мужик где? Живой?

— М-м-м... — вот дурацкая привычка, надеюсь, он от неё избавится! — Он живой. Живой! — фирменный подсогнутый указательный палец вверх, ну как же без этого, — Но только он без сознания.

Ну, кто бы сомневался, с такой дырой в башке.

— Где? Ну?

— Там! — Мишка ткнул пальцем, — Мы там на траве положили, на ровное.

И я опять побежала.

СТЕПАН

Мужик... ну что сказать — мужик да мужик. Возраста неопределённого (мы же не знаем, сколько он уже здесь), на вид лет двадцать пять, но бородой обросши сильно. Волос русый, слегка волнистый, на голове следы крови, видно, что пытались отмывать. Нос картошкой. Глаза... не вижу, закатились. Дышит, это радует. Диагноз я поставить всё равно не смогла бы. Ну, ныряем.

Второй раз описывать — смысла не вижу. Всё было почти как с белобрысой Машей. По ходу дела, реально один и тот же урод им бóшки проломил. Результат у меня тоже получился одинаковый. Я молодец.

Мужик открыл глаза.

— Здравствуйте, барышня! — ничё так начало.

— Здоровей видали. Как звать-величать?

— Степан Петрович.

— Ну-ну... ты себя в зеркало-то видел, Петрович? С какого года-то?

— С тридцать второго... — Серьёзно! Степан Петрович взял протянутое мной зеркальце и поражённо крякнул — (далее было несколько фольклорных оборотов, выражающих искреннее восхищение происходящим).

— Придётся, Степан Петрович, заново учиться Стёпой быть.

— Да, дела-а-а...

— Ну, Степан, рассказывай.

Рассказ был немудрящий. Прожив всю жизнь в деревне, женился Степан Петрович поздно, ну, как поздно — был перед этим ещё брак, но детей не получилось. Жена помаялась по лечебницам да и ушла, сказали — несовместимость, Стёпа её не осуждал: дети — это святое. Валюша появилась в его жизни, когда Степану стукнуло сорок пять. Ей было всего-то двадцать восемь, девчонка. Однако же, поженились и жили счастливо. Через пару лет родили сына. Сын выучился на врача, уехал в город. Жену в дом привёл тоже докторшу, шибко умная была. Обязательно хотела кандидатскую защитить до того, как детей родит — потом, говорила, не до того будет. Так и получилось, что внуков Степан Петрович дождался чуть не к восьмидесяти годам. Зато друг за дружкой — троих! А потом сын с невесткой поехали на какой-то международный симпозиум и... Авиакатастрофы в наше время — не такая уж большая редкость. Вот и остались Степан да Валентина с тремя внуками на руках. Ангелине старшей тогда было восемь, Серёжке шесть и Дёмушке четыре. Три года уж тому...

— Сердце последнее время сильно пошаливать стало. Да и Валюшка на ноги жаловалась. Так что мы, как услышали про эти порталы — сразу наладились. Боялись сильно, что не успеем внуков поднять. А в детском доме — не хочу, чтобы мои дети жили. Кто же знал, что такие твари нам повстречаются. Счастье ещё, что Валюша с детьми в лес пошла. Черемшу хотели посмотреть... — У Петровича на скулах заиграли желваки.

— Так, Стёпа. Ты это брось. Взяли мы твоих тварей за жабры, — Степан впился в меня глазами, — Да-да, будет ещё возможность посмотреть.

— Де-е-е-е-да-а-а-а! — от леса в нашу сторону нёсся мальчишка. Он был похож на маленькую взъерошенную пулю. Следом за ним бежал второй, чуть постарше, и тоненькая рыжая девочка, рядом, явно охраняя, — две овчарки, а за ними — девушка с выбивающимися из узла на затылке медно-рыжими волосами.

Пацан добежал и врезался в деда, обхватив его колени, и запрокинул голову, чтобы

заглянуть в лицо:

— Деда, а это правда ты?

Следом добежали старшие внуки и жена, повисшая на шее у мужа, причитая:

— Стёпушка! Стёпушка!

И все они плакали, смеялись и обнимались, а вокруг скакали и лаяли счастливые собаки.

А я смотрела на это и ревела как дура.

— Ну и что ты ревёшь? — Да блин! От неожиданности я подскочила чуть не на полметра. Да что за день-то сегодня? То бегу, то подпрыгиваю! Муж смотрел вопросительно, — Всё же хорошо?

— Вова БЛИН! Вы что меня пугаете все? Чуть сердце не выскочило!

— Ну, теперь у тебя есть шанс с этим справиться, — надо ж ты! Сама невозмутимость!

И я прижалась к нему и вдохнула такой родной-родной запах.

— Вовка...

— М?

— Я очень, очень тебя люблю...

Стадо у Степана с Валентиной на мой городской вкус оказалось и правда приличное: три дойные коровы, пара годовалых бычков, молодая нетель* и ещё одна совсем мелкая тёлушка, штук пять длинноухих безрогих коз (с мелкими прыгучими и поэтому не поддающимися быстрому подсчёту козлятами) во главе с важным чёрным козлом и толпа диковинных кудрявых овец, среди которых рогами-завитушками выделялись пара баранов. Ну и две запряжённые в тележку лошадки. И какая-то птица, периодически орущая в клетках... Не хилари клинтон, э-э-э... в смысле — много, да...

**Взрослая, но ещё не телившаяся корова,*

а то тут, оказалось, многие не знают...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Сгущался вечер, надо было накормить-напоить голодных. Костёр уже горел, и котелки готовы были закипеть. Так. Я подозвала парней, велела им не беспокоить девок и самим проверить — что у них осталось из продуктов. Составить список и доложить мне. Валентина вызвалась помочь мне с ужином и напекла целый таз оладушек, а потом, улучив момент подседа ко мне и, помявшись, спросила:

— Оля... Как же мы с вами за такой долг расплатимся?

На что я немедля брякнула:

— А вы как кот Матроскин, — Валя растеряно захлопала глазами, — Отдавать будете молоком. Я, понимаешь ли, без молока жить не могу. Во-о-от...

— Так я... — начала Валентина, но я её перебила.

— Валь, вон туда глянь, — на пороге палатки сидела осунувшаяся Маша, за откинутым пологом виднелась испачканная в земле спина свернувшейся калачиком сестрёнки. От парней я узнала, кстати, что зовут её Лика. Анжелика, поди. Вот же родители с фантазией... А может и не Анжелика. Повилика какая-нибудь, сейчас всё славянское модно... Да хрен с ним, не это важно! Сейчас меня беспокоило то, что рядом с Марией стояла нетронутая миска с едой. Маша почувствовала мой взгляд и обернулась. Вопросительно киваю — мрачно мотает головой. Лика не ест.

Не ест, не пьёт, не встаёт и ни с кем не разговаривает.

— Вот это, Валюша, волнует меня сильнее всего. Нормальных людей ещё слишком мало в этом мире, чтобы направо-налево умирать. А со всем остальным позже разберёмся.

Я долго сидела у огня. Муж, зная моё пристрастие к уносящимся в небо искрам, периодически ворошил костёр. Стайки крошечных звёздочек уносились в тёмно-синее вечернее небо. Где-то за чёрными кронами деревьев плыли две маленьких местных луны, зелёная и голубая. Лес молчал, словно притаившись.

Я думала.

Имеем ли мы право — просить? Наверное, да. Но как же неловко просить, не имея отдарка...

Нет, ну глупо же думать, что существу высшего порядка реально нужны какие-то жертвы типа травок, ягодок или тем более чьих-то жизней...

Что я могу дать взамен? Что-то, созданное мной? Картина? Резная чаша? Сад? Ну, хотя бы дерево. Наверное, подойдёт музыка. Или песня...

Я смотрела на искры, растворяющиеся в незнакомых силуэтах созвездий, и слова складывались в строчки:

Я иду к тебе по границе сна,

Я иду туда, где не властны льды.

На твоей поляне всегда весна.

Помоги развеять туман беды...

— Красиво... — Она сидела рядом на бревне и тоже смотрела в небо на искры, — И слова хорошие.

— Поможешь?

— Помогу...

ДАРЫ И ЛЮДИ

Моя гостья была в зелёном, хотя в ночи её платье и казалось тёмным. И пронзительно-салатовые глаза сложно было не узнать. Очень светло-русые волосы рассыпались по плечам волнистым каскадом до самой земли. Она в задумчивости смотрела в глубину костра, подперев щеку рукой.

— В детстве мне казалось, что именно такой должна быть весна...

Нежно-зелёные глаза блеснули.

— А потом?

— А потом я думала, что именно такой была бы Леля.

— Леля... — зеленоглазая словно покатила слово на языке, — Леля — мне нравится. Так меня и зовите!

— Как скажешь, госпожа Леля.

Мы ещё помолчали, ночь располагала.

— Так чего ты хочешь, маленькая кельда маленького клана?

Я вздохнула, собирая мысли в кучу.

— Я хотела бы уметь видеть души. Правду и ложь. Добрые и злые намерения. Видеть, когда душа больна или страдает. И я хотела бы уметь помочь — особенно таким, как эти девочки.

Леля, всё так же задумчиво подпирая щеку рукой, посмотрела на меня:

— Ты представляешь, какую тяжесть на себя взваливаешь?

— А ты представляешь, как я смогу жить, зная, что могла помочь этим девчонкам — и

пожалела себя?..

Леся покачала головой.

— Да... А многие живут... — она шевельнула пальцами и из сердцевины костра вылетел рой искр, повисший между нами, — Подставь ладонь.

Искры опустились мне в ладошку и сложились в маленькую огненную ящерку.

— Саламандра?

— Да. Мудрая, но жизнерадостная. Она будет немножко подрастать, вместе с твоим даром. И всегда будет с тобой. Закрой ладонь.

Я осторожно сложила кулак, внутри стало тепло, а потом ощущение исчезло. На ладони не осталось ничего, кроме слабо светящегося пятнышка, через пару секунд и оно погасло, а на его месте образовалась цепочка с подвеской в виде улыбающейся саламандры с прозрачными оранжевыми камешками-глазками. Я вопросительно взглянула на богиню и осторожно надела цепочку на шею. Тёплая ещё.

— Спасибо, госпожа!

— Ты можешь вызывать её сама. Но своя воля у неё тоже есть, имей в виду. Пойдём, посмотрим на твоих девочек.

Мы поднялись и пошли к эльфийской палатке. Там тоже горел маленький костерок, вокруг которого сидели пятеро девчонок. Лица так и не встала.

Я подошла ближе и всмотрелась в их лица — всмотрелась *с намерением*. И... там не было слов — только образы, множество образов, сплетающихся в движущийся и колышущийся внутренний мир. Я поняла, что будь у меня время — в каждую из них можно бы взглянуть не торопясь, почувствовать их стремления, чаяния и мечты, увидеть воспоминания — приятные и не очень, но сейчас мне нужны были те чуждые, разрушающие образы, которые возникли после пережитого ужаса — и я их увидела. Они были разные — чудовища... или люди, которые страшнее чудовищ — многоголовые, оружие, рвущие душу. Девчонки пытались справиться с ними — строя защиту или вступая в бой — но вокруг... Вокруг этих образов расплывались болотные, словно бы гниющие пятна.

Вот Маша. Теперь я знаю, какой она видит себя внутри — отважная эльфийка в сияющих доспехах. Наивная, восторженная девчонка. Только сейчас её доспех помят и забрызган кровью, а Маша отступает вверх по бесконечной винтовой лестнице в полуразрушенной башне перед теснящей её толпой каких-то... орков? Нет, они были больше похожи на урук-хаев из Властелина колец, вопящие, с рожами, похожими на тех, чьи отрубленные головы сегодня кидали в мешок. А за спиной она слышит шаги, шаги убегающей вверх сестрёнки и очень боится, что не выстоит, и рука её с мечом поднимается всё тяжелее и тяжелее...

Я почувствовала щекой жар и тихое рычание — по моей руке стремительно пробежала маленькая огненная саламандра — и бросилась прямо туда, в середину этого боя, продолжающегося внутри души — и стала вдруг огромной, загорая собой теряющую силы девушку. Саламандра выдохнула огонь и его поток смыл со ступеней наступающих чудищ, превращая их в пепел, развеивая по ветру... И башня превратилась в площадку белого замка посреди огромной пустоши. Маша посмотрела на саламандру, на меня, а потом, расширившимися глазами — мне за плечо — и на площадку белого замка вошла Леся и вручила Марии новый лучистый шлем, её доспех засиял серебряным огнём, а пустошь до самого горизонта заполнилась колышущимся лесом, в котором там и тут возвышались серебристо-золотые мэллорны.

Мы прошли всех пятерых сидящих девочек, и все пятеро получили благословение богини. Настала очередь Лики. Внутри неё была тьма. Саламандра рычала и выдыхала сгустки огня, выхватывающие из черноты странные аморфные тени.

— Она спряталась, — Леля окинула взглядом одной ей видимое, — Спряталась внутри себя так глубоко, что уже и не помнит, где выход. Я думаю, здесь вы тоже справились бы без меня, но это будет долго.

А потом она запела.

В этой песне были пробуждение и зов, ожидание любви и счастливые детские воспоминания, радость новой весны, журчание ручьёв, первые подснежники и летящие на родину птицы... Непроглядная темень сменилась сперва серым сумраком, а потом осторожным рассветом. Саламандра, задрвав хвост, рванула вперёд, в не сдающий оборону серый туман, внутри которого угадывалось какое-то движение.

Леля, продолжая тихонько петь, пошла за ней. Небо за нами розовело, обещая скорый восход, а земля под ногами щедро выпускала цветы и травы. Я оглянулась. Зелёная полоса за нами расширилась, всё быстрее отвоёвывая у обугленной земли живое пространство. Туман отступал.

Тёмное пятно впереди оказалось сложенным словно бы из долек округлым каменным бугром, вокруг которого кружили гиеноподобные существа с мордами, всё так же отдалённо похожими на тех усекновенных уродов. Чудовища пытались расковырять каменюку, а сверху, сердито рыча и пыхая огнём, скакала саламандра и отгоняла самых наглых. Весна взмахнула рукой — и из земли выметнулись зелёные побеги, оплетая монстро-гиен, превращая их в зелёные коконы, смешивая с землёй... Пару минут спустя только неявные, поросшие мелким кустарничком бугорки напоминали о странных и страшных существах. Леля положила руки на каменный кокон, он засветился и внезапно раскрылся цветком. Богиня наклонилась внутрь и достала из цветочной чаши маленькую спящую эльфочку. То есть маленькой она была по размеру, а по возрасту — вполне себе на свои пятнадцать лет.

«Дюймовочка, едрид-мадрид...» — только и успела подумать я.

Саламандра взбежала по подолу богини, уселась в ладошках рядом с девочкой и пыхнула ей в лицо целым роем сверкающих золотистых искорок.

Эльфа чихнула, проснулась и уставилась на Лелю.

— Мама?

Леля тихо серебристо засмеялась.

— Ну, маленько и мама, — она поставила эльфу на траву и присела рядом с ней на кочку, — Смотри, что у меня есть! — я, как барышня любопытная, подошла поближе. Богиня положила Лике в ладошку три орешка с серебристой скорлупой.

— А что это? — Лика на секунду опередила меня, успевшую раскрыть рот для такого же вопроса.

— Это — мэллорны! — заговорщицким шёпотом сказала Леля, — Будущие.

Глаза у Лики засияли как звёзды:

— Так, значит... мы вправду будем эльфами?

— Почему — будем? — удивилась богиня, — Вы уже эльфы! Надо только проснуться!

Лика пискнула и проснулась.

Она так резко села на своей подстилке, что мы едва не стукнулись лбами. В палатке было темно, но вокруг правой руки эльфы лучилось сияние. Она разжала ладонь и разразилась таким воплем, что позавидовал бы любой индеец, а может быть, даже и Тарзан.

— Она была! Она правда была здесь! Маша! Маша, смотри! — едва не свалив палатку, эльфа выскочила наружу, и через пару секунд оттуда донёлся такой восторженный визг и крик, что на другом конце лагеря залаяли собаки.

Леля сидела рядом, обхватив колени, и тихонько смеялась. Я поняла, что Лика уже не видит её. Да и ладно.

— Госпожа Леля, могу я угостить тебя чаем? Мой муж готовит отличный чай, с травами и ягодами.

Она посмотрела на меня... странно.

— А знаешь, никто мне никогда чая не предлагал... Даже интересно. Ну, пошли.

Мы незаметно прошли мимо ликующих эльфов к нашему с Вовой костру, и я представила госпожу мужу и попросила налить ей чаю.

Он тоже посмотрел на меня странно, помыл кружку кипятком и извинился, что по походному. Как радушный хозяин, предложил гостье пирожок. Она подумала — и согласилась. Должно быть, пирожков ей тоже никто раньше не предлагал.

Мы пили чай и смотрели на искры костра.

Спустя время она спросила:

— Вы ничего не просите, почему?

Мы с мужем переглянулись, и он кивнул мне: дескать, твоя гостья — ты и отвечай. Я озадачилась.

— М-м-м... А мы должны?

Леля пожала плечами:

— Почти все просят. Большинство.

— Может быть, просто мы ещё не поняли, чего просить? Да как-то и неловко, получив столько подарков, просить ещё. Потом, наверное, когда нас припрёт — прорежемся...

Она засмеялась:

— Хорошо. За угощение дам вам отдарок. Отныне в вашем доме всегда будет вкуснейший чай и урожаи в ваших землях всегда будут щедрыми.

Не было сияния и «дзыня», но я почему-то сразу поняла, что так и будет — благословение над землёй, которая станет нашей... И обалдела, конечно.

Муж опомнился первым:

— Спасибо! Вот это подарок! — я нашла в себе силы только покивать.

Торжественность момента нарушил приковылявший к костру и завалившийся перед богиней пузом кверху Акташ. Она улыбнулась и погладила его.

— Славный! Вырастешь большим и сильным!

Я вдруг вспомнила о своих тайных сомнениях.

— Госпожа Леля, могу я спросить?

— Да?

— С той стороны казалось, что это место очень похоже на нашу Сибирь. Но теперь я смотрю вокруг — и вижу множество отличий. Чего нам ждать? Чего бояться? Как долго продлится лето — успеет ли вырасти хотя бы часть тех семян, что мы с собой взяли?..

Она ответила... не словами. Поток образов накрыл нас...

Этот мир оказался другим. Время, как мы уже уяснили, бежало в четыре раза быстрее. Причём в районе порталов оно мягко выравнивалось для общения. Голубое полукружие у портала, буферную зону, внутри которой время было одинаковым со Старой Землёй, мы уже

успели рассмотреть. Чем больше был портал, тем больше и объём «временного коридора» и переходной зоны.

Продолжительность дня была та же, а вот дней в году — четыреста, по восемьдесят на каждое время года. Да, времён года получилось как у древних китайцев — пять: осень, зима, весна, молодое лето и позднее лето. В каждом времени года десять восьмёрок, недвусмысленно намекающих на мистический подтекст. Короче, кто не понял — в неделе стало восемь дней. И, чтобы не заморачиваться, каждые пять недель стали месяцем (да, сорок дней), немудряще поименованным по порядку: первый, второй и так далее. Новый год — в день открытия порталов, как оказалось, это как раз был первый день молодого лета.

Не знаю, как в других местах, а у нас климат получился сильно мягче, чем в Сибири.

Лето было умеренно сухое. Жара редко переваливала за отметку +25. Кроме того, в трудный момент всегда можно попросить дождя на поля. Главное: помнить, что боги рядом... просишь — и дождь идёт!

С приходом осени лист начинал желтеть. Первые семь недель осени леса стояли, одетые в золото и багрянец, а потом начинались дни непогоды, суровых ветров и тяжёлых серых туч. Это были самые тяжёлые дни в году, не меньше двух недель, когда вам вряд ли захотелось бы лишний раз покидать жилище. За это время деревья сбрасывали всю листву, а холодный дождь сменялся мокрым снегом, а затем и постоянным. Последняя неделя осени была и вовсе похожа на зиму, разве что температуры не такие низкие.

Зима была снежная, но не так, чтоб заваливало под крышу. Морозы лишь иногда опускались до -20°C , в основном удерживаясь на уровне $-10 / -12^{\circ}\text{C}$. Лёд на реках не всегда был прочным. А бурная широкая река, протекающая вблизи от места нашего входа, вовсе никогда не замерзала, всю зиму продолжая биться и швырять крошки шуги в свои каменистые берега.

Весна наступала дружно, вызывая местами подъём воды в речках. Ко второй неделе весны уже всю зеленела молодая трава и пробивались почки на деревьях, а лес просвечивал нежной дымкой багульника. Две-три недели ручьёв и весенней непролазни — и вот уже над первыми цветами медуницы начинали кружиться деловитые пчёлы. Ближе концу весны уже всю цвели яблони, а за ними — и сирень.

А потом — длинное, длинное тёплое лето...

Образы схлынули, и нашей гостии у костра уже не было.

— Вовка!

— Олька! — мы начали говорить одновременно и вместе закончили, — Это — офигенно!

Я судорожно начала считать.

— Получается сегодня...

— Второй месяц, седьмой день. Уже, наверное, восьмой, — Вова, как всегда, считал быстрее меня.

— Если хотя бы соток пять расчистим — будем уже с урожаем!

— Сто десять дней как минимум у нас есть!

Я вдруг вспомнила про соседнюю поляну.

— Вова, я те сейчас одну вещь скажу... Ты меня до конца послушай, а потом скажешь — так или нет...

09. СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ВЕЖЛИВОСТЬ

ПРАВОСУДИЕ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Почти час мы обсуждали, что делать с уголовниками. Потом Вова встал и ушёл, а я пошла искать Степана и того мальчишку-эльфа, которого я первого лечила (его, как выяснилось, зовут Марк). Пошла на звук.

Оба обнаружили на другой стороне лагеря, у большого костра. Да там вообще все обнаружили! Даже Вася! Даже Акташ! Пока мы тут серьёзные разговоры разговаривали они устроили такое веселье, с песнями и плясками, что любые высокие эльфы удавились бы от зависти! Кто-то играл на гитаре, распевая залихватскую песенку, хор нестройных и не вполне трезвых голосов дружно орал последние строчки куплетов. Наша бабушка и Степан с Валентиной не очень понимали, что празднуется, но тоже веселились и скакали от души — сбрасывали стресс, видимо.

Я сперва подошла к Стёпе.

— Степан Петрович, ты, помнится, на этих уроках посмотреть хотел — не передумал?

Лицо у мужика сразу стало жёсткое.

— Где?

— Туда иди, — я показала направление, — Вова там как раз уже должен костерок запалить, увидишь. А, может, и услышишь.

Стёпа успокаивающе махнул жене и размашисто зашагал в лес.

Марка среди мелькающих и хохочущих эльфов было узнать сложнее, но я справилась (здесь требуется гордый смайлик).

Объяснила ему ситуацию, парень согласился сразу и замахал рукой. От костра отделилась Маша. Глаза её сияли.

— Госпожа кельда, спасибо вам!

— Ты это где услышала — так меня называть?

Маша сделала круглые глаза:

— Эта дама так сказала, в зелёном...

— Леля?

Теперь закивали оба:

— Ну, да.

— Так-так, понятно... Машенька, мы с Володей, Степаном и Марком должны отлучиться. Вы нас не теряйте, мы постараемся к утру вернуться. Если кто будет спрашивать — объясни.

— Хорошо, — Маша по-пионерски кивнула.

— Всё, иди скачи.

Я продублировала сообщение для мамы, и пошла вместе с Марком к злополучной поляне.

За кругом костра земля была исполосована резкими серо-синими тенями. Голоса и музыка становились всё тише.

— Госпожа кельда...

— Да?

— Можно спросить...

— Ну?

— Как вам удалось?

— Что?

— Ну, с глазом?

— А что такое?

— Я не думал... Я не знал, что орган можно восстановить.

Я резко остановилась.

— Что?..

Марк, едва не налетев на меня, растерянно затоптался рядом.

— Марк, объясни мне — что значит «восстановить»?

— Госпожа кельда, вы разве не видели? — лицо парня скривилось в болезненной гримасе воспоминания, — Мне же лицо порезали сильно, глаз вытек...

Я схватила Марка за руку и попыталась рассмотреть в сплетении линий его внутреннего плана... нет... ничего я уже не разгляжу. Привстала на цыпочки, стараясь в свете луны обычным зрением рассмотреть его лицо. Действительно, тоненький, едва заметный шрам проходил прямо через глаз. Да, больше мы ничего не увидим.

Я чуть отшагнула назад, разглядывая встревоженное мальчишеское лицо.

— Знаешь, Марк, в этом мире ещё столько удивительного. Скажем спасибо, что всё получилось именно так! Ты рад, что у тебя два глаза, а не один?

— Конечно!

— Ну вот, скажи спасибо Эйре! А я... подумаю над этим...

НОВЫЕ ВВОДНЫЕ

Новая Земля, Дорога к порталу — Иркутский портал — Остров, 08 число второго месяца 0001 года по нашему новому календарю // СтЗ, всё ещё второй четверг августа, представьте себе! Как раз середина дня

Что я вам скажу, ребяташки. Всё с уголовниками получилось, как в «Острове сокровищ»: «Завтра те из вас, кто останется в живых, будет завидовать мёртвым». Возможно, они сильно завидовали. Не знаю. Я пришла уже позже, заранее попросив мужиков, чтоб прикрыли их каким-нибудь тряпьём. Залечила до вменяемого состояния, не парясь над шрамами, не прикасаясь. На местах татуировок остались бугристые рубцы.

Мужики вылили на урок по ведру воды.

Дальше я не смотрела и не слушала, всё было договорено заранее. Володя предложил уголовникам выбор: рабство или медленную, мучительную смерть. Снова. Только на этот раз — окончательно.

Как вы думаете, на что они согласились?

Идти ночью по расчищенному нами следу оказалось не так невозможно, как я предполагала. Одна из лун как раз забралась высоко и заливала дорогу (уже дорогу!) голубым светом. К серебристому, мягко светящемуся зеркалу портала мы подошли в предрассветных сумерках. Наши будущие сопоселенцы, судя по всему, спали. Вова ткнул пальцем в какую-то кочку в стороне и бросил бывшим зэкам:

— Ждите здесь!

Хомяк и Птица вымотанно повалились на траву, бросив к ногам остро пахнущие кровью кули. Да, это я их так назвала. Хомяк, если вы не поняли — по созвучию со словом «хамил». А Птица — потому что птица Говорун... В дороге они пытались отстать и дёрнуть в кусты, после чего их крючило, пока я не оказала им первую помощь. Но кости ломило до сих пор.

Да, в этом мире через клятву оказалось сложновато перешагнуть.

Вова пошёл к порталу, а мы пока присели на брёвнышко у разбитого лагеря.

Из палатки побольше показалась голова Пашки. Вот шептунной, везде он первый.

— Что... — Пашка прочистил сипящее горло, — Что случилось?

— Ой, Паш, что только не случилось. Вот, познакомься: это Марк, это Степан — а это Паша. Павел же, правильно? — Пашка кивнул.

Следом за Пашкой из большой палатки выбрался заспанный Димка, из маленькой — Света, показавшаяся мне на этот раз совсем уже девчонкой. Знакомство повторилось по кругу. Света начала суетиться, разогревать на походной газовой плиточке чайник, греметь посудой.

Я оставила людей знакомиться, вручила Свете свои часы, чтобы время не сбивать, и пошла к порталу. Мы с Вовой решили, что сперва надо решить наши личные дела, а то потом хлопанья крыльями не оберёшься.

С той стороны портала был яркий летний день. Володя уже выходил из фургончика МФЦ.

— Ну что?

— Через пять минут прибегут, они сейчас на Якоби.

— Новости вызвал?

— Конечно, и угрозыск, всё как договаривались.

Дети появились едва ли не быстрее — бежали бегом; увидев нас, слегка сбавили ход, но глаза у обоих по пятаку и отдувались как чайники со свистком:

— Что случилось?

— Мама? Что?..

Вова вкратце обрисовал им последние новости.

— Так что давайте, звоните в мастерскую, просите, чтобы большой фургон доставили к дому, прямо этой ночью. Всё, что есть загружаете — и заказываете технику, чтобы его дотолкали досюда. И чтобы чуть-чуть хотя бы просунули в портал. Желательно лицом вперёд.

— Ясно, сделаем, — Кирилл кивнул.

— Что по механике?

Галя оживилась:

— Мы же кучу всякого позаказали, всё ещё в пути. Некоторые штуки идти будут долго, недели две-три. Месяц.

Я побарабанила пальцами по столу. Так-так. Точно надо Анюту официально доверенным лицом оформить, чтобы никаких разговоров...

— Галя, мы обещали в субботу к восьми быть здесь. Договорись с тётёй Аней, чтобы тоже подошла.

— Хорошо.

— Ещё картошки и макарон докупите пару кулей, и гречки куль. Нас внезапно оказалось больше, чем мы рассчитывали. Лучше лишний запас сразу иметь, чем потом метаться.

— А мы картошку, между прочим, на участке выкопали! — дети гордо подбодрились, — Дядя Лёша как услышал, что на участке пять соток засаженных осталось — всех сагитировал, чтобы не бросать. Нас двое, да их шестеро, мы вчера поехали и за вечер управились. Она, конечно, ещё мелковатая. Но, как мы насыпаем по четыре ведра в мешок,

двадцать кульков получилось. И с бабушкиного участка ещё немножко будет. Там же у неё кусочек совсем маленький.

— Отлич-чно!

— Я, мама, думаю, нам надо и морковку выкопать. Да вообще, всё по максимуму собрать.

— Правильно, этим и займитесь! Инструментов на даче много осталось, копорулек всяких, лопаток-грабель. Семян целый короб. Соберите. Клубнику выкопать в эти ведёрки для рассады, там их табуны просто. Саженцы... Это надо прямо сегодня начать, иначе не успеете. Полтора суток у вас всего. Конниковых возьмите с собой, Лёха скажет, как правильно сделать. Кстати, бабушкины вещи надо перешерстить, большое всё убрать. Она теперь сорок четвёртого размера.

— Как?!

— Да вот так вот. Как на молодых фотографиях. Фотоальбомы, кстати, сложите! И документы.

Вова ещё раз сходил до МФЦ, вернулся с несколькими листами бумаги и ручкой:

— Киря, слушай: это важно! Едешь на Вторчермет или металлобазы и заказываешь вот такие штуки, — Вова быстро чертил на листах, подписывая размеры. Новые инструменты по новой силе.

— Это что такое? Это молоток?! Пятьдесят на двадцать сантиметров?

— Тихо, не ори. В лепёшку расшибись, а сделай, прямо сейчас! Молоток, топор, вот такую ещё шуковину... Плазмой вырежут тебе всё, что надо. Проблема в том, что ручки нужно тоже стальные — деревянные тупо не выдержат.

Мы ещё обсуждали хозяйственные вопросы, когда Вова сказал: «Приехали!»

У полицейского поста остановилась тёмная вытянутая машина, из которой вылезли два мрачных типа, показали свои корочки и что-то начали спрашивать. Буквально тут же к portalу свернул микроавтобус с эмблемой телеканала.

— Так, шагайте отсюда быстро. Не хватало ещё, чтобы к вам цепляться начали.

— А...

— Бе-гом! Всё, пока.

— Пока.

Дети не стали светиться, а сразу завернули за портал. Спустя пять минут я заметила их вместе с группкой празднующихся любопытных. Стоят люди, кто семечки щелкает, кто пиво пьёт, а кто и так глазеет. Что такого? Вон, ещё народ подтягивается. Что-то назревает, интересно же.

ИНТЕРВЬЮ ДВА В ОДНОМ

Из подъехавшего фургончика выскочила блондинистая голенастая девушка в джинсах и ярком топе (с микрофоном). Она показалась мне очень похожей на воспитательницу из мультика «Осторожно, обезьянки!» и даже двигалась так же. Следом за ней выгрузился флегматичный мужик, тоже в джинсах, джинсовой жилетке поверх белой футболки и джинсовой кепке (форма у них такая, что ли?) с камерой. Оба рысью рванули к фургончику МФЦ.

— Вова, давай я с ними сперва поговорю, а то ты психовать начнёшь?

— Пожалуй, да. Пойду этих приведу.

— Пусть только не вылазят пока. И Стёпу с Марком позови, ладно?

— Конечно, любимая.

Хмурые мужики в чёрном (чёрные брюки, чёрные футболки — тоже форма, чтоль?) уже шли к моему столу.

Дверца МФЦ хлопнула.

Девушка-репортёр красиво встала и начала щебетать на камеру своё «сегодня тра-ля-ля и мы находимся там-то-там-то...»

— Добрый день! Следователь (чего-то-там какой-то, я не запомнила — зачем?)

Второй представился тоже. Помощник чего-то.

— Вы позволите? — старший выложил свой телефон поближе к границе миров. Диктофон включил.

— Конечно, само собой!

В этот момент подскочили телевизионщики.

— Здравствуйте! Телеканал Россия-2-Иркутск! Нам сообщили, что вы пригласили съёмочную группу!

Следователь не обрадовался:

— Девушка, камеру выключите, пожалуйста!

Стучу по столу, привлекая всеобщее внимание. С детьми обычно работает.

— Нет, товарищи! Ничего выключать не надо — у меня совершенно нет желания дважды повторять одно и то же. Мы из-за этого и так потеряли много времени. Непосредственно в данный момент в нашем лагере в совершенно дикой местности находятся около двадцати несовершеннолетних под опекой всего двух женщин. Поэтому просто слушаем.

Около недели назад из Исправительной колонии строгого режима № 7 в посёлке Табага, Республика Саха, бежала группа заключённых, общим числом одиннадцать человек, — помощник следователя живо распахнул свою чёрную папку и застрочил, видимо, не особо полагаясь на надёжность техсредств, — Если вам известно, они вошли в небольшой портал недалеко от посёлка. Двигаясь на юг, за три недели ходу они преодолели более четырёхсот километров.

Примерно в пятнадцати километрах отсюда они напали на семейную пару с детьми, в тот момент у повозок был только хозяин. Ему проломил голову, ограбили, но были отогнаны вернувшимися из леса собаками.

Скучающая сотрудница МФЦ (не больно-то много в первые дни у них было посетителей) тоже вышла из своего фургончика и остановилась чуть в отдалении, прислушиваясь к рассказу. Да и пусть себе слушает, жалко что ли? Всё равно через полчаса эта информация станет общедоступной.

— ...Далее, пройдя десяток километров на север, они натолкнулись на лагерь подростков из четырнадцати человек, парней избили и связали, некоторым поломали руки-ноги, старшего серьёзно покалечили: выломали колено, вырезали глаз. Шестерых девушек изнасиловали с особой жестокостью, — репортёрша громко ахнула, — После чего, заметив, что участок леса расчищен под дорогу, организовали засаду и напали на нашу повозку. В этот момент со мной находились: мой муж, Владимир Воронов, моя мать, двое моих детей, двадцати и восьми лет, и несовершеннолетняя девушка, которую мы согласились взять под опеку, — я посмотрела в сторону: слева подошёл муж, мне его было уже видно, а им — ещё нет, рамка портала не давала, — В результате наших действий банда уничтожена.

У следаков синхронно вытянулись лица.

— То есть, вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что из одиннадцати беглых бандитов осталось двое живых. Они переведены в зависимое состояние. Остальные убиты. Разными способами.

— А... а разве это... не самосуд?.. — подала голос репортёрша.

Я посмотрела на неё очень внимательно.

— Когда вас будут насиловать и резать лицо — подумайте над этим.

Девушка поперхнулась и заглохла. Оператор — молодец. Всё успел снять — и меня, и следakov (со спины, конечно, мало ли что), и напарницу свою, и панораму, и прибавляющуюся толпу.

Рядом плакала и громко сморкалась в аккуратный носовой платочек тётенька из фургончика МФЦ:

— Извините, а вы имён погибших ребят не знаете? Надо же хотя бы родственникам сообщить...

— Вы меня, должно быть, неверно поняли. Со стороны нормальных людей погибших нет. Всем пострадавшим оказана медицинская и психологическая помощь. На момент нашего отбытия они были вполне здоровы. Впрочем, с двоими из пострадавших вы можете пообщаться лично, они пришли с нами.

— Одну минуту, девушка, — следователь решительно привлёк моё внимание; его помощник строчил в папке, как сумасшедший, — А зависимое состояние — это как?

— Это значит, что преступники принесли рабскую клятву. Теперь они — рабы. У них больше нет своей воли. Точнее, она ограничена рамками, которые ставит рабу хозяин.

Следак, по-моему, завис.

Муж подошёл ко мне. Время. Я встала и обратилась к камере; оператор — красавчик — и тут смотрит, куда надо:

— Послушайте все! Мы, Владимир и Ольга, обращаемся к каждому человеку, кто задумывается о Новой Земле. Если вы готовы к новой жизни, но боитесь оказаться в одиночестве против таких вот уродов — мы готовы принять вас в наше поселение.

Вова положил мне руку на плечо и продолжил:

— Каждый, кто принесёт клятву верности, получит нашу защиту и покровительство. И каждый, кто захочет грабить, убивать, насильничать и мошенничать против наших людей — получит по заслугам.

— Вы имеете в виду, что... — смотри ты, оклемалась репортёрша!

— Я имею в виду, — прорычал муж, наклоняясь вперёд, — Что убью *любого*, кто будет посягать на жизнь и имущество людей, находящихся на моей земле, — выдернул из рук подбежавших зэков мешки и швырнул их через стол. Новую силушку малехо не рассчитал — мешки взлетели метров на пять вверх и тяжело упали в цент пустой площадки с той стороны. Один из мешков при ударе об землю лопнул, и по асфальту покатались окровавленные головы. Репортёрша громко и немзыкально завизжала.

Следак, наоборот, разморозился:

— А ваша земля — она где?

— Где живу я и мои люди — там моя земля! Всё! — Вова развернулся и ушёл.

Следователь понял, что разговаривать буду снова я, и кивнул на головы, которые азартно фотографировала публика (а репортёр метался, стараясь успеть крупно выхватить самые удачные планы):

— А это, я так понимаю, для опознания?

— Ну, да. Там ещё руки. Вы смотрите, чтоб их на сувениры не расхватали, — помощник

испуганно встрепенулся, я несколько безумно засмеялась; да уж, день сегодня нервный, вечером чай с валерьянкой попою, — Ребята, я и правда уже волнуюсь: время у нас один к четырём, если вы забыли. Девушек мы не взяли — ни к чему им весь этот ужас заново переживать. Но пришёл Марк, старший их группы, и Степан — тот мужик, которому голову проломили. Можете так же поговорить с оставшимися зэками. Ой, блин...

— В чём дело? — строчащий помощник, макушку которого я имела счастье лицезреть, оказывается, тоже был говорящий.

— Да у одного язык отрезан, — да, дико звучит, наверное; я пояснила, — Хамил сильно. Ладно, чего не сделаешь ради хороших людей... Эй... Хомяк, иди сюда! Покажи господам следователям язык.

Следаки поморщились, но — видали и не такое, как говорится.

— Стой смирно!

Пришлось закрыть глаза, чтобы сосредоточиться на внутреннем плане. Так. Получилось с глазом — должно и с языком...

Вроде, всё...

— Говори.

Хомяк судорожно ощупал лицо, рот и вдруг завалился на колени:

— Хозяйка!.. Спасибо, хозяйка!.. Век буду бога молить!

Похоже, всех впечатлило.

— Ты сильно-то не усердствуй. Птица! Слушай сюда тоже. Вот господа следователи, — я ткнула в сидящих пальцем, — Расскажите им всё как было — не врать! Будете врать — скрючит посильнее, чем в лесу, ясно?! — оба судорожно закивали и затряслись, — Вернётесь с Марком и Степаном, слушаться их, как меня.

— Да, хозяйка.

— Слушаю, хозяйка.

Я помаячила поджидающим за рамкой портала Марку и Степану.

— Ребята, вы тут на вопросы поотвечайте, а мы с Вовой побежим назад, времени уже куча прошла, я волнуюсь. И вы — постарайтесь больше получаса не задерживаться. В крайнем случае — шлёте всех лесом. Мы вас ждём.

Оба согласно кивнули и уселись на лавки напротив следователей.

Вроде, всё. Напоследок я хотела найти в толпе Галю с Кириллом — и практически воткнулась взглядом в камеру. Стрельнула мысль.

— Для всех, кто хочет присоединиться к нашему поселению — каждую субботу в девять утра в земли Белого ворона будет выходить сопровождение. Если вы хотите прежде узнать подробности — подойдите в субботу к восьми ноль-ноль, и вас проконсультируют. Всё.

— Девушка, на секунду, пожалуйста! — следователь замахал мне рукой.

— Да?

— Распишитесь, пожалуйста! — в чёрной папке была тщательно и довольно точно записана вся наша эпопея с бандитами. На удивление мелкий и при этом разборчивый почерк (не преминула похвалить, доброе слово и кошке приятно). Всё верно, чего бы и не подписаться? На секунду задумалась, и под пометкой с Иркутской датой подписала:

«08 дня 02 месяца 01 года по летосчислению Новой Земли

Писано у Иркутского портала,

с моих слов изложено верно,

кельда земель Белого ворона,

Ольга Воронова»
Размашистая подпись

Раньше всегда расписывалась просто, фамилией. Новый мир, новые правила. Почему бы и не добавить немного выпендрёжа?

— Держите! Всего доброго!

— И вам тоже, — на автомате произнёс следователь, разглядывая мою писанину и понимая, что это дело будет сложно оформлять.

Я, наконец, увидела в толпе Галю с Кирей, кивнула им и ушла.

ОН СКАЗАЛ: «ПОЕХАЛИ» — ОН МАХНУЛ РУКОЙ...

К моему удивлению, маленький лагерь оказался свёрнут, Димка, Пашка и Света заканчивали паковать рюкзаки, а значительная часть скарба лежала на связанной из осинок, покрытой ковровыми дорожками широкой волокуше.

— Фига вы даёте!

Света, сдувая со лба непослушную прядь, воевала с толстым свитером, не желавшим влезать в рюкзак:

— Мы тут уже знаешь как насиделись — сил нет! Тут ещё какие-то две придурочные бабы повадились. Зачем они вообще сюда перешли — непонятно. Предложила им с нами пойти — не хотят. Слишком далеко, видите ли, *от цивилизации*. Приходят, ноют о своей трагической судьбе и всё время что-нибудь клянчат. ЗадолБАЛИ! — свитер сдался и впихнулся, Света вытянула из кармашка мои часики, — Держи, кстати. А мне, Оля, хочется уже куда-то приткнуться. Я, честно говоря, уже хотела бросить всё и налегке идти. Потом бы вернулись. Кому этот старый хлам нужен, правда? А Володя предложил такую конструкцию... — Вова усмехнулся, заканчивая городить «сбрую» из верёвок, сложенных в несколько слоёв, влез в неё и скомандовал:

— Всё, поехали!

Я тут красиво пришила песню, но на самом деле рукой Вовка не махал, а просто пошагал вперёд, как партия (наш рулевой). Мы со Светой пристроились сзади. Мало ли, отвяжется что да свалится — возвращайся потом, ищи.

— Если устанете — скажете, вас тоже посадим! — крикнул Вова через плечо.

— Хорошо! — пискнула я, а Света доверительно продолжила:

— Знаешь, у меня от этого сидения — целый месяц — кажись, крыша поехала.

— Чё придумываешь-то?

— Серьёзно. Дней пять уже периодически кажется, что кто-то следит за нами, — я непроизвольно бросила взгляд назад, — Оглядываюсь — никого. Но чувство... неудобное. И ещё — запах.

— Запах?

— Ага. Неприятный такой. Как будто бомж в подъезде ночевал.

— Ну ты мать даёшь! Это, наверно, и есть бомжи!

Вова услышал мою реплику и переспросил:

— Что там у вас?

— Да Света жалуется, что рядом с лагерем бомжами стало пахнуть.

— Да ходят, наверное!

Света засомневалась:

— Володя, но я бы не смогла их с такого расстояния унюхать!

— Запросто смогла бы! — обрубил Вова, — Ты уже месяц в лесу живёшь, у человека вполне может обостриться и нюх, и зрение, и слух.

— Ну вот, мать! Зря ты переживала за голову, — утешила я её.

Света зябко поёжилась:

— Хорошо, что мы с вами пошли. Мало ли... Чего они там высматривали...

10. НАШ КОМПАС ЗЕМНОЙ

НОВЫЕ ЛИЦА

Вова шагал вперёд неумоимо, как паровоз. Топать за ним пришлось довольно бодро. Зато через полтора часа за деревьями уже замелькали яркие пятна наших палаток. Запахло дымом и... сквозь шуршание волокуши...

— Мне кажется — или поют? — громко усомнилась я.

Вова на ходу подправил лямки:

— Сейчас дойдём — узнаешь!

Я посмотрела на часы — полдесятого, даже если полночи скакали, свежий воздух уже, наверное, разбудил.

Нет, точно пели! Причём, что-то такое знакомое...

Прогалина вильнула, выворачивая на последнюю прямую, и я узнала песню! Обновление репертуара, однако. Вся дружная компания сидела вокруг костра и воодушевлённо орала:

— Надежда!!! Мой компас земной!!! — ну и так далее.

Наше появление было встречено радостным рёвом.

Подойдя ближе, я увидела среди нашего молодняка два новых лица. Колоритные граждане. В старых брезентовых штормовках, загорелые, даже сейчас ещё седые — но очень довольные. На вид мужикам было лет по сорок пять-пятьдесят, по крайней мере, русскому (среднего роста, телосложения крепкого, волос скорее всего русый, сильно подёрнут сединой, глаза серые). Второй был тоже немолод, кажется... тунгус? Плохо я разбираюсь в северных народах. Но в кино про злой дух Ямбуя именно таким был дедок по имени Карарбах. Мелкий, сухонький, подвижный.

Русский держал в руках гитару, а тунгус — кружку с крепким чаем. При виде нас оба встали, приветливо улыбаясь. Начал, вопреки моему ожиданию, маленький:

— Здравствуйте, хозяин и хозяйка! Я — Кадарчан, — и протянул Вове руку.

— Илья, — последовал его примеру русский.

Мужики перездоровались. Причём все вновь пришедшие — со всеми особями мужского пола, сидящими вокруг костра. Едрид-мадрид, вот длинный ритуал! Женский пол ограничился раскланиваниями.

Потом пошёл рассказ.

Короче, когда выяснилось, что бандиты (те самые, которых Вова распотрошил) ушли в портал, милиция (деды называли органы власти по старой памяти) отступилась. Назад-то не выйдешь. Илья, за бурную геологоразведочную жизнь так и не обзаведшийся детьми, сильно переживал. Во время побега пострадал его внучатый племянник. Парень поймал несколько нехороших пуль и находился в коме. Врачи поддерживали жизнь, но сказали — надежды нет... Тем же вечером Илья засел за интернет, начал читать про порталы, собирал новости по всей России. Все говорили, что годы сбрасываются, возвращается здоровье — и Илья решил сам догнать бандитов — и отомстить. Друг Кадарчан поддержал его. Сложность была в том, что Илья давно передвигался только с ходунками, а Кадарчан уже четыре года был парализован, двигались только руки. Дочь (сама уже бабушка) боялась, что бандиты ошиваются рядом с порталом и убьют отца, поэтому не соглашалась его отвезти.

Как деда уговорили младшего правнука Кадарчана собрать им рюкзаки, тайком

доставить обоих до портала и помочь перебраться через черту — отдельный шпионский роман. Потом они день сидели у входа, потому что побег отнял последние силы. Потом уснули — а наутро поняли, что могут идти! Кадарчан вёл друга по следам; всё ж таки всю жизнь в тайге, охотником, проводником был. За второй день одолели километров пять. Устали очень. Потом полегче стало. Должно быть, десять прошли. Спали, как сурки — оба довольно засмеялись. На пятый день смогли весь день по тайге идти, сила немножко появилась, однако. Так они прибавляли километров по пять в день, потом по десятке. Вчера за день лосями отмахали сотку, пока не наткнулись на то место, где бандиты напали на Степана. Кровь видели, и что пришлые люди увели людей и скот, — и побежали снова, надеялись догнать. Следы ложились на следы, и деды подумали, что это, может быть, вторая часть банды. Как я поняла, они явились в лагерь вскоре после нашего ухода, в самый разгар веселья. Увидев толпу ликующих детей, слегка растерялись, но были встречены весьма радушно.

Когда я спросила:

— Кадарчан, а сколько вам лет? — тунгус хитро прищурился и ответил:

— Однако, в паспорте написано — девяносто восемь...

Илья, на правах младшего (аж на три года), только усмехнулся.

Бабушка, которую все наши эльфята дружно называли «тётя Гуля», постучала ложкой по kazanу и заявила:

— Каша сварилась, готовьте миски! — а потом, когда молодёжь, притащившая свои плошки, вместе со всеми дружно расселась по кругу, спросила, — А где ещё одна?

— Кто? — не поняла Маша.

— Ну, ещё одна ваша девочка. Любопытная такая, подсела с утра сегодня ко мне, семена смотрела, всё выпрашивала: что я садить буду, да как?

— Точно-точно, — тоже вспомнила Валентина, раскладывая по тарелкам лепёшки, — любопытная! Всех козлят посмотрела, всех потискала, с коровами обнималась. Светленькая такая. А коса богатая, в пол!

— Светленькая? — девчонки уставились друг на друга. Да уж, наши эльфочки все меченые — волосёнки разноцветно крашенные...

— Однако, была светленькая! — Кадарчан подтвердил, для усиления эффекта делая утверждающий жест кружкой, — Танцевала с нами!

— Да! — Илья тоже вспомнил, — С зелёными такими глазами. И поёт хорошо!

На лицах у эльфов отразилось понимание.

— Ну, я вас поздравляю! — сказал Вова, — не каждому удаётся лично познакомиться с богиней!

Когда удивлённые возгласы стихли, мы смогли спокойно объяснить нашим пенсионерам, что танцевала, пела и разговаривала с ними сама Леля-Весна.

Пока собирали ночной лагерь и паковались, Стёпа с Марком успели вернуться, так что весь табор был в сборе. Разговор пошёл за то, кто где планирует осесть и эльфики внезапно попросились, мол: а можно с вами? Мне лично это показалось неожиданным — они ж хотели, вроде, детьми леса стать? Тем не менее, мы с Вовой обрадовались: больше народу — лучше! Да и переживала я за них, я уж говорила.

А вот Валя со Стёпой захотели присоседиться вполне ожидаемо. Ещё бы, после таких событий.

Кто-то ляпнул, что Вова поведёт нас в светлое будущее, как князь Владимир (Красно

Солнышко), на что Владимир Олегович ответил, что князь — сильно жирно, а вот барон — самое то.

КОГО НАМ ЖДАТЬ?

Всё тот же день, 08 число второго месяца 0001 года, Новая Земля, дорога к острову, остров

По натуре я смешливая, даже очень. Поэтому, стоит мне задуматься о чём-то серьёзном, муж сразу начинает волноваться и спрашивать — что случилось? Вот и в этот раз.

— Любимая, о чём задумалась?

От места нашей ночной стоянки до заветного острова осталась всего пара километров, и наш внезапно разросшийся отряд шагал бодрячком.

— Думаю, милый. Посмотри на наш народ. Кто здесь? Категории, так скажем?

— Ну, во-первых романтики.

— Ага. Причём романтики двух сортов. Первые — как мы с тобой — романтики, я бы сказала попаданческого толка. Прагматичные, что ли. Идеологические попаданцы, вот! Вторые — как эльфа — сплошное восторженное фэнтези, розовые волосы и один топор на всю компанию. Или вон, как Алёнка. «Хочу в прекрасный светлый мир!» — и понеслась! Сюда же — всякие анимешники, косплееры и прочее.

— Так, — подбодрил мой мыслительный процесс Вова.

— Потом — случайные, как Димка с Пашкой. Растяпы. Или по дурости. Потом — люди долга. Долг бывает разный: у Кадарчана с Ильёй — справедливое возмездие. У Стёпы с Валентиной — внуков успеть поднять. Бабушка — за внуками. Света опять же.

— Ну со Светой — я бы поспорил. С её заболеванием...

— Заболевание — это понятно! Но изначально-то она собралась из-за сына.

— И всё-таки!

— Хорошо. Внесём её сразу в две категории. Вторую обозначим как «безнадёжные больные». Травмированных сюда тоже можно включить — как Ильина племяша.

Тут надо сказать, что Кадарчан с Ильёй пошли по уже натопанной дорожке к Иркутскому порталу: подать о себе весточку родичам и постараться договориться о транспортировке Ильина племянника до Иркутского портала. Или же до Якутского, но тогда им придётся двигать обратно на север. И было у меня опасение, что травмы, как и возраст, не слетят одномоментно. А что будет, если вся аппаратура отключится, а человек не исцелится — объяснять не надо. Но это я отвлеклась.

— Ну и всякая бандитская мразота. Вот. Уже пять. Просто, понимаешь, милый — я пытаюсь представить: кого нам ждать? Кто повалит в открывшиеся порталы?

Вова притормозил и поправил перевязь волокуши.

— Думаю, в первую очередь это будет всё же молодёжь. Большинство ломанутся совершенно бестолково. Прогнозирую, что вокруг выходов начнут образовываться целые лагерь, которые будут жить тупо подачками с той стороны.

— Почему?

— Да потому что они ничего не умеют!

— А что они сюда-то попрутся? Из любопытства?

— Конечно! Экзотика и прочее. И невнимание к условиям.

— Я знаешь что думаю? Будут ещё романтики-ролевики. Ролеплейщики. Не которые про волшебство, а такие... Древняя Русь, славянские обряды... Или: мы теперь викинги — настоящие, посмотрите на нас!

— Да. В Америке есть целая община таких товарищей. Толи под восемнадцатый, то ли под девятнадцатый век.

— А — эти, которые живут городами-то? Что-то такое на границе викторианской эпохи? Там вроде даже две ветви: в одной совсем запрещено электричество, зато можно алкоголь, а в другой — наоборот.

— Да-да-да, эти.

— Предполагаю, что они прям дружно снимутся с насеста и ломанутся туда.

— Причём они будут наиболее организованные. У них уже отлажен быт, есть транспорт, лошади, скот и прочее.

Солнце стояло уже довольно высоко, становилось жарко. Мы шли впереди, за нами неспешно катилась наша повозка, которой браво правила бабушка и для компании рядом на облучке сидела Света (обе уже азартно обсуждали какие-то индетерминантные помидоры, о господи...), потом весёлая толпа: эльфы с примкнувшими к ним Мишкой, Алёнкой, Пашкой, Димкой и всеми мелкими детьми, потом телега, которой правила Валя, завершало процессию стадо, подгоняемое Стёпой и овчарками. Где-то в конце тащились бывшие зэки.

До сих пор не отошедшие от эйфории эльфы снова запели полубившуюся «Надежду». Да, надежда — это то, что ведёт нас вперёд.

— Всё же, я не думаю, что народ прямо потечёт валом. Многие привязаны к гаджетам. Настолько, что не мыслят без этого жизни. Я тут (ну, то есть, там) пока неделю сидела, в соцсетях послушала, что люди говорят. Многие совсем не молодые и совсем не здоровые — боятся. Это же во многом психологический барьер. Люди боятся лишиться привычного. Даже не зоны комфорта, просто привычной зоны. Многие пожилые говорят: "Мы своё отжили", "Молодые пусть..." и всё в таком духе. Да, молодость — это здорово, но старики прекрасно понимают — какой впереди будет труд и ответственность. Когда ты настроен пройти десять шагов и прошёл уже девять — не каждый захочет начинать заново. Некоторые хитрожопые перцы хотят дожить в техно-мире до старости, накопить бабла, золотишка и прочее, а потом враз помолодеть, да ещё и всех обставить. Уже обсуждают варианты механического оружия, что-то типа пружинных самострелов, я подробности не поняла...

Муж хмыкнул:

— При таком соотношении времени даже через тридцать лет — тут пройдёт сто двадцать, установятся государства, все социальные отношения и прочее! Кому они будут нужны со своим золотом?

— М-м. Кто ещё?

— Преступники.

— Ну да, желающие скрыться от закона, это мы уже видели. И авантюристы всех мастей, надеющиеся обмануть систему. Или обмануть людей и хитро встроиться в систему.

— Ага. А вот *потом* пойдут уже такие... с телегами, серьёзные ребята...

— Настоящие переселенцы?

— Да. Всё по-взрослому, с подготовкой, организованными группами. Кто-то, конечно, и поодиночке двинется, на свой страх и риск.

— Я вот думаю: по-любому придётся нам столкнуться с такими, знаешь, узкостратифицированными группами населения: всякие там последователи различных сект, философских учений, коммуны, родовые поселения, оголтелые эко-активисты, эмо-коммунисты, опять же... очень разношёрстная компания. Ой, и, конечно, дураки — куда же без них.

— И профессиональные выживальщики.

«Надежда! Мой компас земной!» — радостно орало два десятка глоток. Я невольно начала подпевать припеву.

— Вов, как думаешь, что-то типа наёмников будет?

— Со временем — конечно! Вплоть до охотников за головами. Возможно — скиптрейсеры, частные сыщики или какой-либо подобный вариант.

— Или все эти варианты вместе.

— Мгм. Смотри: сейчас за поворотом будет наш остров!

Я обернулась и крикнула назад:

— Ребята! Подходим!

Народ оживился и ускорился.

А ВОТ И ОН!

Бывает такое — видишь место или впервые попадаешь туда — и всем существом чувствуешь: тут здорово! И не просто здорово — обалденно!

Остров был прекрасен! Его зелёная спина поднималась из воды пологим бугром, местами поросшим кустарником и пятнами леса, среди которых выделялись несколько вовсе уж исполинских, казалось, цепляющих облака своими кронами деревьев. В глубине угадывалось возвышение с плоской верхушкой. Сквозь отделяющее остров от основной суши обширное мелководье просвечивала приподнятая полоска брода. Узкая полоса вдоль противоположного берега разноцветно блестела, словно раскрашенная акриловыми красками. Интересно, что это?

Народ рассыпался по берегу, пробуя воду. Эльфы, а за ними и остальные дети уже дружно раздевались до пляжной формы номер раз* и запихивали в рюкзаки вещи.

**Армейская шутка: форма номер раз — трусы, противогаз)*

Стёпино стадо, не теряя времени, усердно дегустировало сочную траву.

Все взрослые собрались в кружок.

— Вов, чёт глубоковато, по-моему. Я очкую... Ты пешком-то хоть ходил? Или плавал только?

— И ходил, и плавал. В самом глубоком месте тебе по грудь будет.

— Да-а-а... — Степан озадаченно сдвинул кепку на затылок, — Боюсь, наша-то тележка поплывёт... Сносить начнёт в сторону большой воды — чё делать будем?

— А расстояние здесь какое? — уточнила старшая Галя.

— Да метров двести пятьдесят, даже чуть меньше.

— Ого!

— Так! Без паники! — Вова начал командовать, — Сюда все подошли! Слушаем внимательно! Перебираться будем в несколько приёмов. Женщины и девушки — первыми. За ними идёт фургон, Степан, ты ведёшь впереди, я страхую сзади, на случай если поплывёт. Трёх самых мелких садим на козлы. Чтoб держались там крепко! — мелкопузые вытаращили глаза и закивали.

— А я с кем? — подняла руку Ангелина.

— Ты — с девушками, рост позволяет. Держись рядом с бабушкой.

— А я тогда почему с маленькими?! — возмущённо взвился Серёжка.

— Во-первых, потому, что приказы не обсуждаются! — Вова добавил в голос командирских ноток, — Ясно, боец?

— Ага... — похоже, Серёга слегка струхнул.

— Во-вторых, за младшими необходим присмотр. Понятно?

— Ага, — приободрился пацан.

— Не «ага», а так точно, господин барон!

Серёга вытянулся солдатиком, выпятил грудь колесом и гаркнул:

— Так точно, господин барон!

— Ну вот, теперь пойдёт! Дальше: парни, вы страхуете. Шестеро — женщин, по одному на двоих, двое — к козлам, смотреть за детьми, трое — к повозке ниже по течению, если начинает сносить — помогаем. Ясно?

Пацаны нестройно загудели.

— Дальше пятеро из вас остаются на разгрузке, дамы — активно помогаем! Шестеро парней — с нами назад. Желательно, кто умеет плавать. Вторым рейсом — телега. Третьим — скотина. Коров, я надеюсь, удастся перевести, а вот коз и баранов придётся грузить. Всё. Рюкзак — в фургон, там дверь герметичная. И выдвигаемся!

ПЕРЕПРАВА

Лошадей второй повозки пришлось привязать к дереву: увидев, что все люди уходят, они попытались войти в воду самостоятельно. А привязанные — тревожно ржали нам вслед. Степан, как мог, постарался успокоить животин, но вышло не очень.

Рабам (странно это слово звучало, непривычно, приходилось делать над собой усилие, чтобы его произнести) Вова велел взять по подростшему барашку и идти в конце.

Вода была довольно приятная. Особенно на мелководе у берегов. Теплющая, с ледяной Ангарой не сравнить! Считай, курорт, Чёрное море.

Первый переход прошёл довольно спокойно, не считая того, что маленький Дёмка увидел огромную рыбину, проплывшую сбоку от повозки, зазевался и едва не свалился в воду, но был вовремя подхвачен братом. Дёмка получил выговор от деда, а Серёжка — благодарность от барона, чем остался чрезвычайно доволен.

На подходе к острову стало ясно, что пёстрые полосы вдоль берега — это яркая разноцветная галька. Глазастая Василиса приподнялась на козлах:

— Ух ты! Мама, смотри, какие красивые камушки! — Вася у нас — чисто сорока.

— Смотри, Василиска, — Вова ссадил её с козел и широко повёл рукой, — какая красота! Камушков тут целые горы, можешь целую коллекцию собрать. А на другом берегу есть ещё заливы, там песочек и вода тёплая-тёплая. Сейчас лагерь поставим, и я вам обязательно всё покажу, хорошо?

— Ага!

Вова указал ориентир — высокое дерево, под которым была разбита его временная стоянка, и велел нам двигаться туда, а сам со Степаном и шестерыми парнями развернул назад.

Едва они вошли в воду, Степан прищурился:

— Глянь-ка! Кажись, ходит кто-то.

— Точно, человек! — зашумели парни. После вчерашних страшных приключений появление любого человека казалось подозрительным.

Действительно, среди сбившегося стада ходил какой-то человек. За животными было плохо видно, лишь время от времени мелькала русая голова. Призывно заржали лошади. Все невольно ускорили ход.

— Так, я поплыл! — плавает Вова, как и положено КМС по подводному плаванию, всяко быстрее, чем прошёл бы полкилометра вброд. Тем более с прибавившейся силой!

Выскочив на берег, Вова бросился к дереву, у которого были привязаны лошади. Вокруг уже столпилась вся остальная скотина, коровы теснились, взбрыкивали и мычали, овцы орали, козы скакали, гвалт стоял невероятный! Протолкавшись через эту кучу, он увидел невысокую девушку, обнимающуюся с уже отвязанными лошадьми.

— Добрый день! А можно поинтересоваться, что вы здесь делаете?

Девушка посмотрела на него глазами странного цвета — ярко-зелёными, как молодые тополиные листья. И в этом взгляде было что-то... явно не от мира сего. Какие-то совсем непривычные, необыденные приоритеты.

— Они испугались и очень нервничали. Они звали — и я пришла. Я — Анdle, — она словно вдруг вспомнила правило и протянула узкую ладошку. Вова подумал — и пожал руку.

— Владимир.

Она не сказала ничего типа «очень приятно» или ещё чего-нибудь в этом духе. Просто кивнула.

— Это твои животные?

— Наши. Нашего поселения.

— А где оно?

— Будет вон там, — Вова показал рукой, — На острове.

— А как же они? — Анdle подняла козлёнка, который настойчиво стремился на ручки, и почесала между ушей, — Смешные, безрогие... Они здесь останутся?

Была в этом разговоре какая-то странная сюрреалистичность, как в анимешке, когда в наш мир попадает особенно сказочная магическая няша. С трусов капала вода. Вова терпеливо ответил:

— Коров и лошадей переведём вброд. Телегу разгрузим и в ней перевезём коз и овец. Придётся, наверное, их связать, чтоб не попадали в воду.

Девушка погладила бычка, подумала и кивнула каким-то своим мыслям:

— Я вам помогу. Чтобы они не боялись.

Степан с парнями наконец выскочили из воды. Вова представил их девушке. Анdle подала Степану поводья:

— Можете идти, они пойдут спокойно.

После этого она по очереди обошла всех коров (включая бычков, конечно же), о чём-то поговорила, поглаживая их морды, и все рогатые неторопливо двинулись за телегой к броду. Анdle уселась на пригорке и объявила, что подождёт телегу, чтобы помочь с остальными. Вокруг немедленно развалились козы и овцы, стайкой носилась мелочь. Прямо пастораль.

— Так, мужики! Зря шли, что ли? Берём по одному козлёнку — и на тот берег. Обратное уже не возвращаетесь, поможете на разгрузке.

— О-кей, босс.

— Не босс, а барон! Всему вас учить надо, салаги!

— Как скажете, господин барон! — Марк явно скопировал Серёжку.

— Ну, маленько потренируешься — и нормально будет! — все дружно заржали, — Всё, поехали. Я страхую телегу.

Увидев, как парни пытаются поймать вёртких козлят, Анdle засмеялась и стала помогать. Она подзывала их — и они шли! — а потом поглаживала их по голове, и брыкающиеся бармалеи чудом становились сонными и послушными. Какой полезный навык, однако...

На третью ходку Вова взял меня с собой — познакомиться с чудной девчонкой. Я наблюдала, как она приглашает коз запрыгивать в телегу, а потом укладывает рядочками и усыпляет — и тихо охреневала. Нет, понятно, что мир волшебный. Но человека разговаривающего с животными мы ещё не видели, можно и поудивляться, в конце-то концов. Как назвать этот дар? Лес и звери. Друида?

Мы упаковали овец, и даже маленькая телушка влезла.

Андле стояла на берегу и смотрела вслед уезжавшей телеге. Я задержалась тоже.

— Анdle, а где ты живёшь?

— В лесу, — просто ответила она.

— В лесу — в смысле: в домике в лесу?

— Да нет, просто в лесу, — она широко повела рукой.

— Сурово. А зимой как же?

Она вздохнула.

— Честно — не хочется думать. Дом я всё равно не построю. Шалаш? Толку-то с него. Наверное, поищу какую-нибудь пещерку...

— Ну, мать, это вовсе уж несерьёзно! Какую пещерку, ты вокруг посмотри! Зима будет со снегом. Минусовые температуры — как пить дать. И это я ещё оптимистичный прогноз даю!

— Не знаю... Попрошусь к кому-нибудь...

Я решилась.

— Знаешь что? Пошли с нами! Зверинец наш ты видела. Есть ещё три лошади, две овчарки и маленький алабайчик.

В этом месте Анdle заинтересовалась.

— Совсем маленький?

— Месяца полтора-два. А что?

— Видишь ли, есть одна мысль, по поводу развития интеллекта у животных... Но надо, чтоб не старше трёх месяцев был.

— Вот! Значит не даром мы встретились! Я его с документами купила, двух месяцев точно ещё нет. Могу конкретно дату посмотреть. И ещё человеческих детёнышей несколько. Тут уж все старше трёх месяцев, ничего не попишешь, — мы вместе посмеялись, — Если честно, чего я опасаясь — это нападения хищников на детей. Тут ты тоже могла бы нам помочь. М? Давай! — Анdle колебалась, — Пойдём хоть в гости, наши вон уже кушать готовят, — над кустами поднимался прозрачный дымок.

Она решилась.

— А пойдём!

Наверное, ни одного высокого гостя не встречают таким дружным ликованием, как наша скотина встретила Анdle. Как же, сто лет не виделись!

Акташ сразу проникся к друиде доверием. Она увлечённо тискала его, а потом поражённо обратилась ко мне:

— На нём метка богини!

— Да, Леля-Весна вчера с ним играла, — фраза прозвучала, как нечто само собой разумеющееся, и я сама себе поразились, — Точно! Она же сказала, что будет он большим и сильным!

— Оля! Что же ты молчала! Я просто обязана остаться у вас!

— Ты знаешь, не подумала как-то... Но всё же выяснилось. Значит, всё хорошо!

11. ПЕРВЫЕ

ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

Лагерь кипел и бурлил. Расставлялись палатки, натягивались тенты, разжигались костры. Дети бегали с поручениями, усиливая ощущение разворошенного муравейника. Со всех сторон раздавался стук топоров, кто-то чем-то колотил, глухо ударялись в землю тяжёлые мотыги, перекликались и что-то обсуждали люди. Скотина разбрелась между кустами, наслаждаясь свободой и сочной травой. Пахло древесной щепой, вскопанной землёй, животными, дымом...

Посередине этого бурлящего котла уже стояла наша восьмиместная палатка с тамбуром. Я заглянула внутрь и увидела Вовин рюкзак. Часть наших вещей, выгруженных из повозки, была свалена горой рядом. Намёк ясен. Тут же натянули маленький тент (шесть на четыре), уже поставили чей-то туристический раскладной стол и даже успели завалить его какими-то листочками с планами и чертежами. Похоже на командирское место, понятно. Вокруг стола стояли напильные чурбаки. Вместо табуреток, видимо.

Под кухню определили площадку под двумя гигантскими соснами, организовали два костра и притащили мойдодыр из нашей повозки — и это правильно, терпеть не могу посуду мыть в тазах. Шестидесятилитровая, самая большая из имеющихся ёмкостей, уже была полна воды. Да, на такую ораву маловато, конечно, нужно будет большой бак заказывать.

Рядом между деревьями был натянут самый длинный наш тент, двадцатиметровый (четыре метра в ширину) — видимо, под будущий стол. Меня, конечно, смущало, что в случае дождя (и особенно ветра) под него будет всячески заливать и вообще всё это будет неуютно, но пока погода благоприятствовала.

Под навесом тоже кипела жизнь. Там лежало несколько неошкуренных сосновых брёвен и в качестве благ цивилизации стоял Светин кухонный столик и две табуретки. Сейчас на кухне распорядилась Валентина. Вкусно пахло варящимся копчёным мясом. Четыре эльфочки чистили картоху в разномастные котелки. Это волшебное слово «обед»! Как любят говорить рекламщики: «Уже скоро!»

В два ряда от «столовой», на небольшом отдалении друг от друга, заканчивали расставлять палатки. Распределился народ натурально как в коммуне. Всю молодёжь и детей объединили и рассортировали: три четырёхместки для парней, туда заселились эльфы, Димка с Пашкой, Мишка и Серёга; две — для девушек: шесть эльфочек, Алёнка и Ангелина. Стёпе с Валею, у которых туристического снаряжения вовсе не было, Света предложила свою двухместку, а сама она, вместе со старшей Галей, как холостые, заняли ещё одну четырёхместную, поселив с собой «для присмотра» и Василису с Дёмкой. Англе заявила, что пока есть возможность, она будет спать в лесу. Никакими силами не было возможности загнать её в палатку. В конце концов в качестве компромисса мужики соорудили ей шалаш, в который сразу же набились дети и стали его активно обживать.

С обратной стороны от нашей палатки парни городили навес для инструментов. За ним поставили повозку и телегу, в которой всё ещё временно проживали куры в клетках.

На ровной, свободной от деревьев луговине Света со старшей Галей втыкали какие-то кольшки, обвязывая их верёвочками. Судя по доносящимся обрывкам фраз — размечали будущий огород.

Чуть в отдалении строился загончик для коз, а рядом — наиважнейшая в новом

поселении конструкция — туалет типа «сортир».

Все при деле, молодцы!

Завидев меня, зеленоволосая Лика бросила картошку и побежала навстречу:

— Госпожа кельда! Барон велел вас дожидаться!

— Что случилось?

Она заговорщицки оглянулась:

— Мы хотим посадить мэллорны!

— Прекрасная идея. А где?

— Он сказал: с вами посоветоваться.

— Так. Я думаю, это дело важное и общее. Так что мы с тобой по закоулочкам прятаться не будем. Я подумаю про место, и вы тоже подумайте. Сегодня вечером все вместе посадим. Идёт?

— Ага! — Лика радостно захлопала в ладоши и побежала сообщить новость подружкам. Чисто дитё.

Чувствуя, что потом времени может и не быть, я полезла разбирать и раскладывать вещи. Заодно надо было найти тетрадки-ручки и прочую канцелярию.

Где-то тут, кстати, был мой талмуд с заметками. Хроники, тысызыть, в которые я начала записывать всё подряд, когда открылись порталы. Пока светло и в памяти свежо, надо успеть увековечить последние пять дней для благодарных потомков.

Из глубин литературного творчества меня выдернул звук поварёшки, настойчиво стучащей во что-то железное и весёлый голос Валентины:

— Обед! О-о-о-бе-е-ед!

Народ потихоньку начал стягиваться к кострам. Уголовникам отнесли пластиковую бутылку воды и полбулки хлеба. Вова сказал: неделю на хлебе и воде, пусть проникнутся.

Меня терзали мысли относительно нашего выступления перед телевидением, и очень не хотелось прийти... к несовпадению ожиданий, так скажем. Да, мы вместе оказались немного случайно. Но думать и действовать должны в одну сторону. Ещё дедушка Крылов писал, помнится, про разновекторные усилия.

О! Вон Вова идёт!

Я поделилась сомнениями с мужем и предложила сразу прояснить ситуацию.

— Согласен! Чтобы без обид.

Дождавшись, пока все рассядутся, он объявил, чтобы после обеда никто не уходил, поскольку есть несколько важных вопросов. Навык перекрывать голосом толпу здесь был как нельзя кстати.

ФЕОДАЛЬНАЯ КОММУНА

Наш первый общий обед

Народ сидел широким полукругом и выжидательно смотрел на нас.

Я не знала, как они отреагируют на наши слова и изрядно волновалась. И всё же — лучше решить сейчас, сразу, чем получить конфликт потом. Сердце стучало прямо в горле. Я начала:

— Итак, дорогие мои. Сейчас и сразу мы хотим расставить все точки над и, чтобы не было кривотолков, недоразумений и обид, — хотелось что-то перебирать и комкать руками... рассердившись на себя за эту нервозность, я заставила руки спокойно опуститься вниз, — Сегодня утром мы с мужем выступили с публичным заявлением, в том числе через телевидение, о том, что мы берём под защиту определённые земли и проживающих на них

людей.

Вова поднялся со своего чурбака:

— Фактически мы на полном серьёзе объявили себя бароном и баронессой земли, которая будет носить имя Белого Ворона. Это значит, что мы будем защищать людей нашей земли, их права, их жизнь, честь и их имущество любыми доступными нам способами. Вплоть до собственной жизни. В свою очередь, это же обозначает, что мы ожидаем от наших людей по отношению к нам: безусловного признания главенства, личной преданности, честности и искренности в отношениях. Всё, как в благородных рыцарских романах — отношения, построенные на клятве чести.

Мы будем прислушиваться к вашим словам и советам, но последнее, решающее слово всегда будет оставаться за нами. Это первое. Если кого-то не устраивает такое положение дел — уйдите сейчас, сразу, стройте свой новый мир, как нравится только вам.

Второе. Мы не видим способа выжить и крепко встать на ноги, ведя отдельные хозяйства и живя каждый своим двором. Потом — да, конечно. Но первые три, пять лет, может быть больше — я не знаю — мы будем выживать, можно сказать, колхозом. И всё ваше имущество, кроме сугубо личных вещей, станет фактически общим. И в этом мы делаем первый шаг — ожидая того же от вас. Позже, когда будет выстроена крепость и мы усилимся настолько, что защита Белого Ворона будет распространена не только на близлежащие территории — вы сможете уйти на вольные хлеба, взяв с собой столько же, сколько у вас было, а может и больше. Я думаю, что мы, всем миром, будем помогать вам: отстраивать поселения, расчищать поля. Но пока — коммуна под управлением барона. Если кто-то против — я настаиваю, чтобы эти люди покинули нашу землю. Поймите: мы не обидимся, не сочтём этих людей врагами, не будем строить козни. Просто это значит, что нам не по пути. Наш новый мир огромен, и каждый идёт в нём своей дорогой.

Барон (теперь уже в полном смысле слова барон!) сел, а я обвела глазами ряд ожидающих лиц:

— К сегодняшнему вечеру будет готов текст нашей взаимной клятвы. И мы её заключим. Я хотела бы услышать ваше слово.

— Госпожа кельда! — Марк поднял руку, — Господин барон! Эльфы давно всё решили. Мы с вами, навсегда.

Эх, молодость, максимализм!

— Да и мы с вами! — встал Степан, — А то что же: как помощь принимать — так мы рады, а как самим помогать — в кусты чтоль побежим? Не-е-ет, товарищи, такому не научены.

Вокруг загомонили. Я похлопала в ладоши.

— Тише, прошу! Я повторяю ещё раз: мы настаиваем, чтобы к вечеру на острове остались только те, кто согласен дать клятву и заключить союз верности. Вечером мы посадим мэллорны и станем единым кланом. Фактически — одной семьёй... — я постаралась унять бешено колотящееся сердце, — Ещё один срочный вопрос: нужен человек, хорошо умеющий рисовать, — поднялись две руки, — Хорошо, вас прошу задержаться, остальные могут вернуться к прерванным занятиям.

РАЗМЫШЛИЗМЫ

Вова пошёл делить фронт работ между мужчинами, а я осталась с художниками:

— Ребятюшки, с именами у меня плохо, напомните, пожалуйста...

— Лэриэль, — волосы у девушки были нежно-розовые, — Можно просто Лэри.

— Колегальв, Коле.

— Мудрёно, чё сказать.

— Это на синдарине, языке лесных эльфов, — розовея остренькими ушками пояснила девочка, — На самом деле просто: мы в основном имена выбирали, чтобы на наши первые было похоже. Лэриэль — потому что я Лариса. Лари — Лэри.

— А Коле — потому что Коля?

— Угадали.

Вот так попутно я выяснила, что:

Маша имеет эльфийское имя Маэтрил, коротко — Маэ,

Аня — Анариэль (в обиходе успешно редуцирующееся до Нари),

Ли́ка — Тиликалад,

Лена — Ориэлин (Элин),

Таня — Истаннэ (Танэ),

а Марк — Амаркондир; был ещё мальчик, немножко выбивающийся из общей парадигмы — Глирдан, — этого парня помню, всё время на гитаре играет, — Дан, если коротко. А по паспорту — Данил. Глирдан — значит «бард». Поня-а-атно.

Коля оказался вполне сложившимся художником, предпочитающим карандашный рисунок, тушь или ручку. Родители прочили ему карьеру архитектора, и парень последние пять лет профессионально натаскивался у весьма неплохих преподавателей. Лэри, закончившая второй курс художественного училища, наоборот отдавала предпочтение акварели, пастели или акриловым краскам.

— Так, ребята. Техническое задание у меня для вас такое: нужны зарисовки, много: остров, портреты, люди в работе, как мы устраиваем лагерь, природа вокруг, наши животные — рисуете всё подряд! Все художественные материалы, какие у меня есть — в вашем распоряжении. В ближайшие дни подумайте и напишите — что ещё надо прикупить, мы поедем и оставим заказ. Каждый день минимум три часа тратите на это. Идеально — полдня. Если нужно — и весь день! Время выбираете разное: утро, день, вечер. Пусть даже ночь будет, по памяти, наверное — но быть должна. Это — наша новая история и наше лицо для всех заинтересованных. Поэтому — на вас огромная ответственность! Начать я прошу прямо сейчас. Через пять дней мне нужны рисунки, чтобы из них можно было несколько выбрать и опубликовать — в интернете, например.

Кажется, прониклись. Выдала материалы и пошла искать Вову.

Муж нашёлся под навесом с инструментами, терзаем тяжкой думой: как распределить шесть лопат на тринадцать человек?

— Ну и что ты мучаешься? Выдай лопаты, а остальные пусть сходят черемши наберут, пока она не изросла. Просто покажи — где. И детей пусть с собой возьмут, нечего им привыкать болтаться.

— Любимая, ты — *ГЕНИЙ!*

— Будешь надо мной издеваться — стукну. Давай скорее, у меня к тебе ещё дело есть.

Мы выбрали три места для трёх орешков мэллорна (всё время на оставляет меня настойчивая ассоциация с «Тремя орешками для Золушки», блин!); итак, места: недалеко от переправы (на стороне острова, конечно же), потом у будущего южного входа в наш будущий, так скажем, острог (со стороны «внутри») и самое главное — на холме, где воображение рисовало нам очертания нашего будущего зámка. В итоге получилось даже

символично: первый — в том месте, где мы впервые ступили на берег, второй — там, где был первый лагерь и третий — в будущем сердце нашего баронства. Вот так. Немножко пафоса, да — иногда это полезно.

— Милый, я хочу выписать то, что я сегодня наговорила и попросить Аню прямо выложить текстом. Как думаешь, что-то ещё нужно добавить, чтобы потом нам не говорили: ах, вы нас не предупредили, да вы нас обманули?..

— Да хрен его знает, что добавить, любимая. Напиши, что место — шикарное, работы полно, мир новый, и люди, вроде, вменяемые подобрались... Ну не знаю, что добавить...

— Ты подумай: смысл собирать всех подряд, чтобы потом чистить? Набежит всякая шушара. Вон эти, за права человека которые... Хотя... этих должно остановить заявление о неизбираемом единовластном правителе. Ну или склочники какие-нибудь. Извращенцы. Лесбы и гомики.

— На счёт склочников — согласен. Таких просто удалять, пока всех не перессорили. Извращенцев типа маньяков и педофилов сразу укорачивать на голову. А по поводу сексуальной ориентации... Да мне, в принципе-то, всё равно...

— А мне — нет! Никаких нахер извращений!

— Ладно-ладно, чё завелась-то? Нет — так нет. Ещё я с женой из-за этого не ссорился!

— Вот и нечего выступать за свободу психических отклонений!

— Ну-у-у... У меня среди знакомых есть несколько женщин, которые были би или лесбы, а потом благополучно вышли замуж, детей родили.

— Не знаю, — я сердито надулась, — Вот прямо внутри у меня всё против.

— Любимая... Как по мне — чем люди у себя дома заняты — их личное дело. Есть среди них и талантливые люди, что же — всех гнать, под одну гребёнку?

— Сам подумай. Вон в старом мире: только дали им послабление — и сразу как прорвало. Сумасшествие какое-то. Как в сказке про лисичку со скалочкой: сперва «с краю под лавкой посижу», а в конце всех сожрала бы, если бы не собака.

— Я считаю так: никаких преимуществ, никаких привилегий...

— Я вообще против афиширования. Запретить любую пропаганду надо сразу.

— Пожалуй...

— И я категорически против разрешения на усыновление для таких пар.

— Вот с этим я совершенно согласен! Ребёнок должен жить в нормальной, полноценной семье.

— Всё равно по ходу дела придётся что-то корректировать. Правила общежития прописывать и всё такое. Ладно, это всё потом. Я надеюсь, что никакие психованные феминистки нам не будут досаждать.

— Для психованных феминисток есть прекрасное лечение: хотите равноправия — пожалуйста! Получаем ломы и кувалды и идём долбить камень. Или лес валить. Равноправие же.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

К вечеру никто не ушёл. Это радовало. И немного пугало ответственностью (по крайней мере, меня; хотя чего уже — поздненько метаться...).

Все остались здесь — все двадцать девять человек.

Помните анекдот: «Накануне битвы у Хельмовой пади:

— Так, сколько у нас эльфов?

— Пятьсот человек.

— Эльфов???

— Ну я и говорю: пятьсот человек эльфов и один человек гном...»

Двадцать девять, в общем. Уголовников, естественно, с собой никто брать не стал.

Мы посадили мэллорны (именно в том порядке, в котором определились с местами для них: сначала на берегу, потом в лагере, и последний — на холме). Эльфы сразу ограждали места посадки заботливо приготовленными заборчиками, чтобы козы случайно не съели будущие ростки и никто не затоптал.

С вершины холма распахивался офигенный вид на расстилающиеся вокруг острова нетронутые земли. С севера, по ту сторону Бурной, тайга стояла непролазной стеной. Впадающая в Бурную река, которой мы ещё не придумали название, с юга подходила к острову длинным, на несколько километров, заливом, разделяющимся на два рукава: более широкий, мелкий и потому совсем тёплый восточный (через который мы как раз-таки переправлялись вброд) и более узкий и глубокий западный. В горловине этого западного рукава, почти ровно посередине между островом и матерым берегом, был ещё один островок, небольшой, с пару школьных стадионов размером, с торчащими кое-где скалами, покрытый зарослями кустарников.

На восточном берегу нашей безымянной реки тайга тоже была довольно густой, лишь кое-где разреженной полянами. Тут и там над колышущейся крышей леса поднимались хвойные исполины, цепляющие своими кронами облака... Наверное, в дупле такого дерева могла бы разместиться целая изба!

На западном же — наоборот, покрытые цветущим разнотравьем луга занимали изрядное пространство. Медлительный тёплый ветер время от времени наносил оттуда густой медовый и немного пряный запах.

Заходящее солнце красило облака, верхушки леса и рябь на воде розовым и сиреневым. Небо казалось огромным.

Мы не стали резать руки, капать на ладони раскалённым свинцом и всякое такое. Просто призвали в свидетели богов и принесли наши клятвы.

В этом мире слово было настоящим.

И ещё я поняла, что холм был правильным местом для зámка. Казалось, что здесь особенно хорошо, словно из земли идёт добрая, поддерживающая нас сила. Уходить не хотелось.

Лица подошла ко мне, нахмутив свои тоненькие бровки.

— Что, зайка? Что хочешь спросить?

— Госпожа кельда, как вы думаете... — она помялась, сомневаясь, — Мне кажется, я могла бы позвать его.

— Росток? — угадала я.

— Да! По-моему он услышит и быстрее проснётся. Стоит ли мне...

— Конечно, попробуй! Это же дар самой богини Весны! — я оглянулась по сторонам на свой клан, мечтательно разглядывающий окрестности, — Ребята, идите сюда! Лица хочет попробовать пробудить мэллорн. Давайте попробуем ей помочь! Леля же сказала нам: просите — и получите.

— А как просить? — деловито подошла к поставленной задаче Вася.

— Я не знаю, правильно ли я думаю. Сильно хотеть, для начала. И сказать об этом — можно даже внутри себя, наверное. Или вслух. Например, так: «Леля, помоги Лице»

пробудить мэллорн!» — я думаю, так можно.

Ли́ка отодвинула заборчик и встала на колени у ямки, положив ладони по обе стороны от зарытого орешка. Губы её шевелились, глаза были закрыты, брови нахмурены. Мы стояли вокруг и болели за Ли́ку и за наш мэллорн. Кто-то шептал, кто-то переживал про себя, кто-то молитвенно складывал руки. Эльфы неожиданно запели на каком-то очень мелодичном языке. Эльфийский, должно быть? По лицу Ли́ки текли крупные капли пота. Сколько куплетов было в песне? Пять или, может быть, семь? Я не посчитала. Эльфы закончили одну песню и начали следующую. Я малодушно подумала, что если ничего не выйдет — все будут страшно разочарованы и начала просить уже о том, чтобы у Ли́ки всё получилось — ради того, чтобы люди не потеряли надежду и веру...

Песня неожиданно прервалась радостным криком. Ли́ка обессиленно легла на траву прямо у ямки. Рядом с ней из земли торчал маленький серебристый прутик с тремя крупными нежно-зелёными листочками.

У неё получилось! Маша аккуратно поставила защитный заборчик и крепко обняла сестру. Да и вообще все вокруг кричали, скакали и обнимались! Чудо! Наше первое чудо на острове.

Мы спустились в лагерь, и я сделала своему клану массовый выговор.

Объясню.

Всю дорогу они заботливо поддерживали Ли́ку, помогали ей, едва ли не несли на руках. Та тряслась и еле шагала. И никому — *НИКОМУ!* — не пришло в голову позвать на помощь целителя. Меня.

— Дорогие мои, вам что — заняться нечем? Если каждый будет назавтра помирать, мы так много не нарботаем. Объявляю читерский режим включённым! Каждый вечер, перед ужином, все подходим ко мне за подкачкой. Если надо раньше — подходим раньше! Если что-то болит, отбили, порезали или чувствуете себя странно — бежим ко мне бегом. Сразу! Никакого дурацкого стеснения! От этого зависит наш общий результат — и скорость, с которой мы его достигнем. Все поняли?... Начинаем медосмотр. В колонну по одному становись!

Остаток вечера мы провели, мирно сидя у костра, слушая песни и попивая чаёк.

А ночью Ли́ка исчезла.

ЛИ́КА И ПАНИКА

Новая Земля, наш остров, 09 число второго месяца 0001 года

Под утро Маэтрил проснулась, не обнаружила сестру в палатке и сперва решила, что она пошла до заветного домика. Подождала. Решила сходить сама — а её там нет! Маэ рысью примчалась назад и заметалась по лагерю. Ли́ки нигде не было. Куда ночью ходить? В панике она начала звать сестру, и тут уже народ начал просыпаться массово. В пять утра в наползающем с реки тумане было свежо, и я натянула свитер.

— Маша, а она не лунатила никогда?

— Не знаю, я не видела...

Народ разбежался в разные стороны, выкрикивая имя.

Я прислушалась к себе. Если всё нормально — ничего не почувствую. Если что-то не так — скорее всего, как на дороге, сумею уловить направление. Закрыв глаза, я медленно поворачивалась вокруг себя. Вроде бы... Вот! Открыла...

— Она на холме!

Все, кто были вокруг меня, немедленно устремились вверх. Я побежала за ними.

Ничего критичного, на самом деле не произошло. Сильное истощение и глубокий обморок, что при наших нынешних возможностях лечится в два счёта. И серебристый мэллорн, в суматохе незамеченный нами из лагеря на фоне серого утреннего неба. Мэллорн, выросший на десяток метров вверх. И потихоньку продолжающий расти.

Первое, что она сказала, когда пришла в себя:

— Скажите барону, что не надо рубить деревья на частокол! Я смогу вырастить ограду!

12. НОВЫЕ ЦЕЛИ, ДЕЛА ВАЛОМ И РАЗНЫЕ СЮРПРИЗЫ

ДЕДУШКА ЛЕНИН

Всю ночь (до начала паники, конечно) мне снилось, что я, как дедушка Ленин, захватываю почту, телеграф и телефон. А всё к чему? Если мы хотим привлечь людей — нужно дать им не только текст, но и картинку. В нашей ситуации это слегка затруднительно, поэтому надо сильно стараться, чтобы выжать из возможного максимум.

Вот почему с утра по причине великолепной жаркой и солнечной погоды художники получили особенное задание: нарисовать красивый разноцветный пляж рядом с бродом с весело купающимися и играющими детьми. И щенком. Щенок — это важно! Все любят забавных детёнышей, как бы это цинично не звучало.

Дети получили задание играть и купаться от души. И набрать мне несколько ну сильно красивых камешков (подозреваю, что припрут целый мешок, сколько смогут поднять))).

Андле получила задание присматривать за всей компанией, чтобы их не сожрали лютые звери и попутно работать с Акташем.

В итоге я надеялась получить (выражаясь холодным капиталистическим штилем) качественный рекламный контент. Представьте себе: хорошая, сочная написанная акрилом картина: кусок лесистого берега, разноцветный пляж, прозрачная вода, солнечные блики, счастливые дети, весёлый пушистый щенок (и может быть даже изящная зеленоглазая девушка, присматривающая за всем этим великолепием). Поворачиваем картинку чуть по диагонали (на натуральном основании: дерево, камень или песок), раскладываем сверху несколько цветных обкатанных водой камней с нашего пляжа (обязательно покрытых прозрачным лаком, чтобы сохранить как бы «мокрость»), фотографируем. Теперь сбоку помещаем несколько карандашных чёрно-белых зарисовок из того же куска времени, кадры (минимум четыре) располагаем друг под другом, чтобы добавить ощущение живого, движущегося момента. Можно взять даже больше рисунков, если включить эффект движущейся плёнки (снизу вверх, например).

Шикарно получится, я считаю.

Пока я рожала идею и записывала для Ани всю эту инструкцию, остальные занимались делами гораздо более приземлёнными. Старшая Галя со Светой окончательно окопались в огороде. Валя учила Маэ с Ликой доить коз, Алёна с парой добровольцев обихаживала лошадей, остальные девчонки кашеварили.

Поскольку с фортификацией никто кроме Вовы знаком не был, ему и досталось решать: где пройдёт граница внутренней ограды острога и наружной — самого острова, в каких местах в ней будут предусмотрены проходы и как они будут выглядеть.

Лопат, как вы знаете, у нас было всего шесть, да три мотыги, две из которых постоянно были заняты на постепенно разрастающемся (силами рабского труда) огороде, итого получилось семь эльфов-копальщиков, которые начали рыть цепочку лунок для саженцев будущей стены острога по Вовиным меткам. Димка с Пашкой, вооружившись маленькой автомобильной лопаткой, какой-то совсем уж смешной крошечной садовой копалкой и тачкой, отправились на добычу листовенных саженцев. Стёпа с Мишкой городили загон для овец.

К обеду Коля с Лэри притащили мне вполне годный материал. Я прикинула и решила, что должно получиться хорошо.

Явились Пашка с Димкой с полной тачкой лиственничек и новостью, что по северу острова, на маленьких, поросших травой холмиках полным-полно спелой земляники. Так что после обеда моя творческая группа выдвинулась уже туда с супер-креативным заданием, аналогичным утреннему. Только вместо купания было полезное для общества собирание ягод, а вместо Акташа (убеганного до отвала и дрыхнувшего в тамбуре нашей палатки) — два симпатичных ягнёнка, для антуража.

Вот представьте только с картинками:

Яркая зелень травы, красные крапины земляники, дети, барашки — разместить картину на полотенце с традиционной ручной вышивкой (я знаю, у Ани есть, она с этим рушником иногда свадьбы ведёт) и можно ещё ягодки сверху красиво разложить; рядом — ряд карандашных моментов. До кучи — берестяной туесок с земляникой сфотать. Ваще красота!

Потом мы все участвовали в закладке стен острога — ну невозможно пропустить такой момент, хотя бы по одному саженцу каждый из нас должен был собственноручно посадить! — а Лика их подталкивала расти. А я ходила за ней и не давала ей откинуть кони от усердия. В общем, все были молодцы.

Вечером Вова взялся учить детей играть в шахматы. Потому что ну нельзя же быть такими дремучими! А я с ним играть не стала, чтобы не ронять его авторитет в глазах общественности. Шучу, шучу...

Пошла карябать последние новости в своём талмуде.

А ещё, кстати, сегодня я волевым решением распределила пляжи для мытья: тот, что от брода направо, если на остров смотреть — мужской, тот, что налево — женский. Потому как жить без гигиены, пока баня отсутствует — ну решительно невозможно!

ПРОДОЛЖАЕМ ОБЖИВАТЬСЯ

Новая Земля, остров становится острогом, 09–13 число второго месяца 0001 года // а на Старой Земле всего-то вечер четверга и пятница прошли, вот что удивительно!..

Размеченный под острог прямоугольник (приблизительно сто восемьдесят на двести метров) на нашей рабочей карте острова казался крошечным, но я утешала себя тем, что по размеру наш острог вполне сопоставим с большим Илимским. Южная стена, за исключением планируемых башен, была закончена и мы уже перешли на восточную. Само собой разумеется, закончены были посадки. Последние из пересаженных лиственничек были ещё тоненькими, едва с руку, но самые первые весьма радовали. Между изрядно подросшими деревьями ещё виднелись просветы, кое-где доходящие до десяти сантиметров, однако это была уже такая преграда, которую сходу не проскочишь. Тем более что деревья, с которыми «договорилась» Лика, продолжали расти. Набравшись достаточно терпения, можно было заметить, как потихоньку отрастают новые веточки, раскрываются пухлые почки, и свежие иголки сменяют вроде бы состарившиеся предыдущие. Земля вокруг стены нашего живого острога была усыпана пожелтевшей мягкой хвоей, источающей совершенно обалденный аромат.

Лэри носилась по острову и писала пейзажи, особенно ей удалось несколько видов с холма. А Коле делал портретные и бытовые зарисовки. Каждый из нас уже имел в активе пару-тройку рисунков со своей персоной (кстати, неплохо бы людям подарить что-то типа фотоальбомов, возродить традицию), после чего я велела ему переключиться на более

масштабные сцены.

Пока прочие парни-эльфы (числом семь) во главе с Ликой (которых втихаря кое-кто начал называть «Белоснежка и семь гномов» — ну как же: такой случай и пропустить!) продолжали выращивать ограду, Вова с остальными мужиками начал рубить южную башню острога. Прямоугольная в основании башня была довольно большой, десять на восемь метров (десять — вдоль стены; сперва хотели меньше, но потом задумались про большие повозки и пару метров прибавили), из огромных, в два моих объёма, брёвен — и мы, женщины, рассудили между собой, что на крайний случай (пока нормальных домов нет) можно будет использовать её и как временное жильё или как укрытие на случай какой-нибудь лютой непогоды. Дело шло споро, ведь у нас был Вова, который работал и краном, и бульдозером, и молотобойцем, и до кучи тяжёловозом, хотя практически все инструменты не соответствовали его нынешним возможностям.

Огород был почти полностью посажен. Здесь мы решили, что не стоит прибегать к волшебству, ведь нам нужно было проверить — что (и как хорошо) успеет вызреть. Единственное о чём пришлось попросить Лику — выгнать нам рассаду (помидоров, перцев и прочих теплолюбивых товарищей), поскольку момент для их нормального проращивания был категорически упущен. Лика работала на износ, и как минимум пару раз в день мне приходилось вытаскивать её из предобморочного состояния. В один из дней, после четырёх подпиток подряд, Маша, увидев её за обедом, воскликнула:

— Лика! Что у тебя с глазами?

Прозвучало это так панически, что все невольно встревожились. И Лика тоже.

— Что? Что с ними?

— Они стали зелёные! Совершенно как у Андле!

Действительно, голубые Ликины глаза приобрели чудный цвет молодой тополиной листвы.

Друида, услышав этот разговор, удивилась:

— Зелёные? У меня — зелёные глаза?

Все вокруг наперебой начали подтверждать, что глаза у неё совершенно зелёные, вот в точности такие, как сейчас у Лики.

— Странно, а всю жизнь были серые...

Эта двойная новость породила множество домыслов и рассуждений. В конце концов мы пришли к общему заключению, что это, должно быть, признак особенного сродства с природой. И — да, глаза у обеих девушек так навсегда и остались зелёными.

Гораздо позже, спустя много лет, мы выяснили, что наше предположение оказалось правильным, и у особо одарённых природных магов (друидов и ботаников) от рождения пронзительно зелёные глаза — как молодая трава или нежные тополиные листья. И вообще даже у слабых у природников проявляется такая прозелень — у кого хвойная, у кого малахитовая.

За эту неделю мы наварили несколько вёдер земляничного варенья (и извели на это почти весь наш сахар). Теперь целый ряд банок ждёт своего часа во временном, наспех выкопанном погребе. Попробовали ещё посушить, чтобы зимой варить компоты, но немного, поскольку ни у кого не было опыта долгого хранения таких сухохрюктов. Посмотрим, чем окончится наш эксперимент. Всю остальную ягоду мы с удовольствием съели (а если быть честными, бессовестно сожрали))).

Все, даже самые светлые, загорели так, что стали походять на испанцев, особенно дети.

Подозреваю, что к концу лета мы станем и вовсе маврами! Таким образом, никакой рахит нам точно не грозит)))

Не обошлось и без травм: целая куча ушибов, несколько ожогов у печки и один почти целиком отрубленный палец. Ну вот что бы вы без меня делали, а?

Наконец-то доделали загорожку для кур, сквозь которую они не могут просочиться во внешний мир. Теперь все счастливы: и мы, и куры, и особенно петух, который от избытка чувств первые три дня орал почти не переставая — удивляюсь, как мы ему башку не отрубили, ведь были уже так близки...

Копчёная косуля кончилась, а на охоту решительно не было ни минуты времени. Ладно хоть пару раз мужики нам надёргали из реки каких-то дивных, никогда не виданных мной рыб: серых в мелких чёрных пятнышках, с большим красноватым пятном на спине и с огромным, красивым веерообразным спинным плавником. Все плавники у рыбы тоже были красноватые. Вова сказал, что это хариус, и что в Сибири рыба вовсе не редкая, хотя, дескать, таких крупных не встречал ни разу. Мы наварили ухи и насолили. Вкусно! Всё остальное время пришлось пробавляться консервами.

Зато на местных травах козы и коровы прибавили удои, Валя прям не нарадуется. Молока у нас стало, как у кота Матроскина. В умывальник мы его, конечно, не наливали, зато пили вволю, снимали сметанку, делали творог. С магазинским не шло ни в какое сравнение, это точно!

Стояла летняя теплынь, и мы пристрастились вечерами жечь костры на пляже. Вообще, собираться у костра вечерами стало приобретать характер традиции. Это не значит, что мы сидели, как на собрании! Иногда круг получался большой, иногда — несколько мелких, люди неторопливо общались, пели, играли в шахматы или шашки. Купались, конечно же. Неизбалованные тёплой речной водой сибиряки просто блаженствовали! Это было такое время, когда никто никуда не бежал, и можно было спокойно обсудить какие-то события или планы; любой человек мог наконец подойти к Вова (которому целый день реально было не до разговоров) со своими идеями — и случалось так, что баронское командное: «Так, тихо всем! Слушаем человека! Думаем!» — прерывало наши неспешные беседы, и праздный вечер на какое-то время и вправду становился собранием.

Вот, например, на этой неделе каждый божий день поднимались разговоры о том, чего нам недостаёт и что обязательно нужно заказать. И не только вечером — и днём, и за едой, и за всяким делом! Однажды я даже раздала листочки и каждый набросал свои соображения, вечером я села и немного систематизировала эти записки, а на другой день мы всё это дружно обсуждали. Срочное — не срочное. По степени важности. Да по-всякому. Завели даже тетрадку в столовой (на верёвочке, чтоб никто в задумчивости не упёр), в которую каждый может вписать, что нужно вспомнить.

Кроме этих записок мне пришлось корректировать и начисто переписывать наш «манифест». Помните наше первое собрание? Всё, что мы тогда сказали, плюс наши последующие обсуждения с мужем, а потом и с нашими первопоселенцами — всё это стало основой для «первого слова» к желающим влиться в наши ряды. Не согласен с любым пунктом — прощаемся, сразу. Вова, конечно, использовал другое слово, но больно оно непечатное.

Но суть-то от этого не меняется!

Некогда нам с вами нянчиться, уговаривать, доказывать. Или так, как мы скажем — или никак. Один месяц — испытательный срок. По окончании: или клятва — или мы вам

«показываем путь». Основания для этого обычно серьёзные: склочный, провоцирующий конфликты человек, лютый сектант или феминистка-психопатка...

Хотя, если человек развернул свой характер во всей красе, чего зря месяц ждать? «А вот тебе, девочка, чтобы лучше шлось — волшебный пендель...»*

**Цитата из древнего КВНовского номера про подстаканники.*

А ещё мы решили, что в двадцатикилометровой зоне нашего влияния селятся только наши подданные. Никакие «вольные города мастеров» нам рядом не нужны. Мир большой, будем дружить издали, не обессудьте.

Предчувствую, что будет много недовольных, да и пофиг. Пусть усираются в своё удовольствие. Здесь, слава богам, мы ничем никому не обязаны.

Ещё я выписала для нашего предполагаемого блога описание нашего места, которое показала нам Леля, с временами года — как запомнила. И календарь.

КОПТИЛКА

Новая Земля, наш остров-острог, 14 число второго месяца 0001 года (напоминаю, второй — это не февраль, это второй месяц лета!)

Сегодня мы весь день коптили рыбу.

Нет, начну с начала.

С утра (вот прямо-таки ни свет, ни заря) все мужики и даже часть примкнувших женщин и детей... Звучит как сводка о партизанах, но я даже не знаю, как по-другому писать! Отдельно «девочки-девушки-женщины» — это же пипец как долго получается! «Дамы» — сильно превыспренне. Чё делать? Ума не приложу. Короче, все кроме занятых на неотложных работах пошли на рыбалку. Кто умел — учил тех, кто не умел.

Нет, ещё раньше надо начать. Накануне прошёл качественный такой дождь и немного поломал мужикам планы, зато у Вовы наконец образовался целый свободный день и он научил нас (буквально всех) плести морды. Или, как их ещё называют, корчаги. Ловушки, короче, для рыбы. Наплели мы их за день громаднее количество: и всяких форм, и с разным шагом ячейки, и пробовали делать из готовой сетки, короче — извращались, как могли. А вот назавтра пошли их дружно пробовать. А поскольку просто так ждать — скучно, то набрали ещё всяких спиннингов и удочек.

В итоге рыбы получилось просто неэпическое* количество. Полдня мы её обрабатывали, а потом коптили. Запах по всему острову стоял просто одуряющий!..

**Сленговое слово, обозначающее нечто, не укладывающееся в стандартные или бытовые рамки по своим масштабам...*

Да, предвосхищая ваши умные замечания об отсутствии холодильников, напомним: завтра мы идём к порталу, а Вова же умудрился набрать кучу заказов на копчёную рыбу (да ещё планировал заслать кое-кому на пробу, начать, тысызыть, формировать клиентскую базу). Так что мы старались.

Потом мы решили, что надо иногда и отдыхать, и два часа плюхались на песчаных пляжах Узкого рукава, отлёживаясь в тенёчке под черёмухами.

Там же, «на пляжу», у нас разгорелись нешуточные дебаты относительно движущегося (и ещё более — предстоящего) строительства. Прежде всего нужно было определиться: будем ли мы заказывать со Старой Земли пиломатериалы, и если да — то какие.

Если со срубом из кругляка особых проблем не возникло, то вот с настилом пола,

дверьми и тем более окнами оставались большие вопросы.

Вот, например, окна. Просто так вставить стеклинку, подперев её с двух сторон брусками — по-моему, не лучший вариант. А как проветривать? А мыть, если это, например, хотя бы на втором этаже?

Полы Вова предложил делать из половиц — колотых напополам повдоль брёвен, поскольку заказывать половую доску в потребных нам объёмах — это ж с ума сойти! Но для обработки шершавостей нужны были дополнительные инструменты (из которых я лично запомнила только фуганок, да и то непонятно, зачем мне в голове эта информация...).

Городить пилораму не было не то чтобы смысла — элементарно, времени. А технология изготовления доски расколом предполагала просто огромное количество отходов...

В итоге мы сошлись на том, что полы у нас будут самодельные, струганную доску на двери и всякое такое прочее мы пока закажем, закажем также и окна (рамы по моему настоянию деревянные, в комплекте со стеклопакетами).

Помимо этого, из наших ежедневных опросов, листочков и заветной тетрадки сформировался трёхметровый список крайне необходимых внашей нынешней жизни вещей, в который вошли и фуганки, и дровяной водонагреватель, и такая банальная вещь как сетчатые стальные подставки для тарелок, и какие-то специальные краски-кисти, и прочее, прочее, прочее...

Я хотела было подбить Вову выдвинуться к порталу с вечера, чтобы не проспать, но он не одобрил мою гениальную идею.

Во-первых, нас в любом случае по утрам будил петух — тот самый, которого все хотели запихать в суп сперва за непрерывный ор днём, а потом за побудку в четыре-пять утра ежедневно. В итоге Андле сжалилась над нами (а зная её причуды, скорее над ним) и как-то с ним договорилась или подкрутила что ли какие-то колёсики у него в башке — но петя перестал орать по ночам и весь день. Зато исправно будил нас в шесть утра, секунда в секунду, серьёзно! В конце концов мы даже наш единственный механический будильник начали по нему сверять. Вот этот, кстати, будильник, который можно было завести на шесть часов и был во-вторых.

А в-третьих, у Вовы в голове есть натуральный будильник, который будит его за одну-две минуты до заведённого. Всегда так было.

— Так что нечего паниковать! — сказал мне муж, и я не стала.

Кроме того, он обещал мне завтра какой-то сюрприз. И не говорит, блин, какой!

СЮРПРИЗ

Новая Земля, остров-острог — Иркутский портал, 15 число второго месяца 0001 года // СтЗ, вторая суббота августа, утро

Петух не подвёл, заорав вместе с советским будильником, секунда в секунду! Я открыла глаза — мужа в палатке уже не было. Ну вот! Всё, как он и говорил!

Потом мы попили чай, и Вова посоветовал мне одеть не юбку, а брюки, потому как *в брюках мне будет несомненно удобней*. Вот сразу надо было мне насторожиться, дак нет!

Я уложила в пакетик пухлую папочку, в которой за неделю накопилось изрядное количество рисунков (с инструкциями по их оформлению для интернет-блога), а сверху до кучи новый список нужного, запечатанное письмо от Коле с надписанным номером телефона получателя, Манифест Белого Ворона и Календарь Новой земли — и объявила, что готова.

Ой, ребяташки, знали бы вы, что это был за сюрприз!

Для начала у брода обнаружился плотик, на котором Вова дотолкал меня, свою одежду и рюкзак (огромный сто сорокалитровый рюкзак, с копчёной рыбой, конечно же) до противоположного берега. Чтобы я зря ножки не мочила, понимаете ли.

Потом он оделся, коварно затолкал мою папку к себе за пазуху, навьючил рюкзак и говорит: садись, мол, мне на шею. Я сперва как-то оторопела. Как — на шею? А он, мол: не менжуйся давай, у меня силы много, быстрее получится... Уговорил, в общем. Надо было мне насторожиться на словах «держись крепче», а я что-то... Ничего не дрогнуло, что называется. И тут он как рванёт! Он и раньше был лось, ну правда! А теперь с этой силушкой, блин, богатырской... Короче, только ветер в ушах свистел — домчались за пятнадцать минут! Ржал ещё надо мной всю дорогу! Я ж всю дорогу пищала... Самый ужас был, что разогнавшись как следует, он начал ещё и прыгать, пролетая метров по двадцать! Слышали бы вы, как я орала! Особенно когда внизу пролетали мелкие речушки! Коротким путём он меня повёл... повёз!.. там, где бродов не было!

В гробу я видала такие сюрпризы! Я так ему и сказала: я — существо нежное! Меня надо сперва подготовить. Дак он говорит: мол, я же и подготовил! Сказал же, дескать — будет сюрприз. Зашибись, конечно.

Хорошо, что этот феерический аттракцион закончился за триста метров до портала. Я слезла с мужа и пошла тихонечко, приходя в себя... Ножки тряслись и сердце долбило где-то в горле. Твою мать, твою мать... Но как оказалось, порция стресса на сегодня ещё не закончилась.

КАК НАС ХОТЕЛИ НА ГОП-СТОП ВЗЯТЬ

Вова аккуратно задвинул меня за спину, и только тут я увидела, что дорогу нам перегораживает кучка неприятных личностей. Да будем честными — кучка бомжей! Всё было как положено: грязная одежда, опухшие рожи (даром что помолодевшие), а запа-а-ах... Я сразу вспомнила Светину паранойю. Да, такую запашину в лесу за сотню метров можно было учуять без особого напряжения! Держались они нагло, видимо по причине явного численного превосходства: двенадцать против двоих, как же! Прямолинейность намерений демонстрировали зажатые в руках палки и булыжники. Рожи принюхивались, раздувая ноздри и неприятно напоминая кино знаменитой студии Би-би-си про горилл.

— Рыба! — просипел кто-то.

Конечно, рыба! Даже упакованная в несколько пакетов, она одуряюще пахла на весь лес. И я, всю дорогу сидевшая фактически на рюкзаке, теперь пахла так же вкусно. Стоявший впереди рослый широкомордый парень — видимо, главарь сей банды — скомандовал:

— Слышь, ты! Рюкзак снимай! — и шагнул ближе, уже протягивая руку...

— На*уй иди! — без малейшего промедления отшил его Вова, сопроводив напутствие щедрым толчком в грудак. Неудавшийся Робин Гуд полетел кубарем, сшибая сзади стоящих подельников, метров через пятнадцать смачно врезался в дерево и остался там лежать, хрипло подвывая. Бóльшая часть банды, как и положено шакалам, сразу испугалась и начала смещаться в кусты, но ещё один особо одарённый решился-таки сильно выступить и, подбадривая себя хриплой матерщиной, бросил в нас хороший такой булыжник. Вова булыжник поймал. И демонстративно раздавил, как и поймал — одной рукой, выдавливая крошащуюся щёбёнку сквозь пальцы. Скрежет стоял такой, у меня аж зубы занули. А потом он сбросил рюкзак и помчался за этим уродом. Остальные бомжары с треском ломанулись по кустам. Потом, судя по вою, меткий метатель совершил первый и последний в своей

жизни полёт, и всё стихло.

Остальных Вова вышаривать не стал, громко пригрозив, что если ещё раз встретит хоть кого-нибудь из этих **доров, то завяжет их кишки вокруг деревьев. Прозвучало убедительно.

Чем ближе к portalу, тем сильнее натоптана была дорога. Через некоторое время муж сказал, как выплюнул:

— Смотри!

Почти на самом краю просеки, буквально за двумя деревьями, стояло три чудовищно замызганных палатки. Лес вокруг был щедро замусорен, а судя по доносившимся запахам — ещё и засран и заблёван. Да едрит-мадрит! Мне стало обидно за этот кусочек нового молодого мира:

— Вот уроды!

— Я в прошлый раз с другой стороны подошёл, не видел этого говна, а то бы разобрался сразу... Поймаю — руки поотрываю нахер!!! — громко посулил Вова. Лес был подозрительно тих.

13. ЕЩЁ СЮРПРИЗЫ, ПРИЯТНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

ИЛЬЯ, КАДАРЧАН И ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

На месте бывшего лагеря Светы, Димы и Пашки стоял шалаш, за которым обнаружился костерок с закипающим чаем и радостно приветствовавшие нас Кадарчан и Илья. А я-то уж решила было, что они ушли к Якутскому порталу!

Мы уже потихоньку попривыкли к происходящим с людьми обратным изменениям, так что обрётённая молодость мужиков не очень нас поразила. Хотя откат от девяносто восьми до двадцати пяти впечатляет, конечно!

До назначенного времени оставалось ещё почти полтора часа (спасибо сюрпризу!), и мы с чистой совестью присели к костру выпить чаю — тем более, мне показалось, что для Кадарчана и Ильи это важно: принять нас, как добрых гостей.

Вова с удовольствием отхлебнул крепкого чая из подкопчёной кружки:

— Ну что, мужики, рассказывайте: как вы тут?

— Сидим вот, ждём известий, — Илья досадливо пошурудил палочкой в костерке, — Надоело тут торчать. Да ещё шакалы эти одолели...

Оказалось, что все эти дни они провели здесь, поскольку начиная с первого же звонка домой их попросили не отходить далеко от портала, чтобы иметь возможность пригласить к телефону в любой момент. Так они и сидели тут, как пришитые: «сто раз туда-сюда бегаем, сколько раз уже звонили!» На самом деле — звонили много. Аж двенадцать раз! Им организовали даже видеоконференцию! При этом какие-то мутные личности периодически приходили что-нибудь клянчить, и даже однажды спёрли чай и печенье, потом какие-то ханьги пытались наезжать, но были отшиты. Вижу, оба перецепили солидные охотничьи ножи на видное место — должно быть, чтобы сразу отсечь ряд вопросов у шакаля.

— Вот, теперь спим по очереди, чтоб не нагадили исподтишка.

Да уж, дела...

Что касается Максима — не знаю уж, кто и за какие верёвочки дёрнул, но бывшие деды сумели убедить всех, что для впавшего в кому Ильина племянника нет другого шанса, кроме как доставить его сюда, где есть человек, способный оказать помощь.

— Я сказал: женщина — великий шаман, однако! — Кадарчан утверждающе повёл кружкой с чаем, — Отрезанный язык вырастила! Глаз вырастила! Поломанный голова сложила! Человека из кусков собрать может! Другой шанса нет.

Илья согласно кивал. Специальный медицинский вертолёт МЧС летел из Якутска с двумя дозаправками — по-другому не получалось никак.

— М-гм... — Ну, что деды немного приукрасили мои умения, чтобы быть более убедительными — это понятно... Хотя, почему «приукрасили?..» Голову сложила же. Две головы! — И что, когда будет вертолёт?

— Мы сообщили время, — Илья заметно нервничал, — что вы подойдёте в субботу к восьми. Если они опоздают, скажите — вы сможете задержаться?

Я вопросительно посмотрела на мужа. Он согласно кивнул:

— Я думаю, раз уж вы такую махину запустили — мы сможем с ними связаться, узнать точнее. И мы останемся. Или вернёмся позже, к нужному времени.

Мы с Вовой пошли к порталу.

— Что думаешь, Вов?

— Ну, якутские как минимум имеют материалы дела: твои показания, Степана, Марка, этих следаков, опять же. Куча народу видели, как отрос отрезанный язык, даже на видео зафиксировали. Так что не доверять дедам оснований не было.

— Прям, думаешь, прилетит?

— Конечно, прилетит! Да может быть ещё и не один.

— А что это за нищие, интересно?

— Да всякая шваль! Ломанулись кто за молодостью, кто за здоровьем. А кто и просто по дурости. И сидят, ждут... А тут кроме молодости и возможного долголетия других ништяков на блюде нет! Никто не кормит, не одевает! Бомжары вон тоже залезли. Работать-то мы по-прежнему не хотим — типичные побирušки! «Помогите, люди добрые, мы отстали от поезда»...

Ну, бомжей мы уже имели счастье лицезреть, а на «несчастливых пострадавших» сейчас посмотрим.

Эта до омерзения неприятная прослойка людей толклась у портала со стороны Новой Земли — человек десять совершенно попрошачьего вида ушлёпков бродило вдоль столов, выпрашивая «что-нибудь покушать», а ещё иногда «посмотреть в телефончик» у слоняющейся публики. И ведь находились такие, кто им сочувствовал. Приносил еду. И даже выпивку. И соцсети для них листали, а кое-кто из ушных блогеров вели их «дневники» в специальных разделах.

Я припомнила — точно! Когда мы переходили, была у портала парочка таких субъектов, даже вроде бы кто-то им что-то подавал; я была слишком возбуждена, чтобы обращать внимание на такое... И когда с отрезанными бóшками вернулись — парочка неопрятного обличья девиц в уголке за столом сидела. Но тогда они к нам не сунулись — уж больно вид у Вовы зверский был. Да и у всех нас, наверное. К тому же — полиция. Попрошайки полицейских инстинктивно сторонятся. А уж когда головы полетели...

Завидев нас с Вовой, к нам метнулись несколько таких «нищих», но шарахнулись от Вовиного рыка. Вот что угроза переломать ноги животворящая делает!

Весь временной полукруг вокруг портала был уже изрядно потоптан. Хуже того — в примятой траве там и тут виднелись продукты жизнедеятельности отирающихся рядом попрошачек, мусор, обрывки упаковок, рваные пакеты... Ну не сүки?

ДОВЕРЕННЫЕ ЛИЦА

У портала творилось фирменное столпотворение! Маленькая площадка напротив была битком набита народом. Только что без залпов орудий, а так — кони, люди, и всё смешалось в кучу, прямо по Лермонтову. И народ всё прибывал и прибывал. Зевак и празднующих было просто много множество, не смотря на ранний час. До чего же у нас народ падок на «поглазеть», да если ещё и на халяву!

Люди стояли и группками, и поодиночке, кто-то тупил в телефоны, кто-то разговаривал, кто-то мигрировал от скопления к скоплению и что-то расспрашивал... Честно, ребята, я такого вообще не ожидала. Тем более, что до назначенного времени оставалось ещё двадцать минут! Видимо, не ожидал этого и наряд полиции, скромно наблюдающий за порядком со стороны, изредка пресекая попытки особо наглых граждан въехать на площадку на личном транспорте, и работница МФЦ. Зато знакомая уже нам съёмочная бригада наслаждалась моментом, успевая снимать, брать интервью и организовывать опросы. Занятно было, что кроме них было ещё изрядное количество людей, снимавших на различные камеры, в том числе на очень приличные, со штативами и без.

Однако, блогеры работают, м-гм...

Площадка, кстати, украсилась двумя большими досками объявлений по обеим сторонам. Надо взять на заметку.

За длинным столом сидел мой кум со всем своим семейством и как раз сейчас рассказывал кому-то (на камеру!) невесёлую историю своих злоключений. Гали с Кирей пока не было видно, зато был чей-то незнакомый фургон, запряжённый четвёркой лохматых рыжих лошадок. Из трёх подъехавших коневозов (в одном я узнала Андрюхин) выгружались какие-то жеребята. Вон тот, кажется, наш... За кустами угадывалось движение и по-моему слышалось ржание и всхрапывание волнующихся лошадей. Так-так... Вон и сам Андрей, машет Вова рукой, и кричит что-то, кажется, «сейчас подойду»... Ладно, разберёмся.

Масса, масса людей пришла просто поглазеть (или не просто, всё же мы приглашали желающих к... эм-м... сотрудничеству и типа для раздачи информации, да). На уголке крайней лавочки сидела Аня. Я поскорей устроилась напротив.

— Анечка, привет!

— Привет, дорогая! Вова, здорово! Ой, ребята, какие вы молодые стали, обалдеть! Ну, как вы устроились? Как дела?

Вова уселся рядом со мной, перекинув одну ногу через лавку:

— Как видишь, живы-здоровы, потихоньку строимся. Ольга там картинок навывбирала, сейчас посмотришь, как мы живём.

Мне было немного неловко:

— Ань, сегодня прежде всего дело — ты не обидишься? Народу сколько...

— Да ты что оправдываешься, с ума сошла, что ли? Давайте, какие дела?

Я как смогла объяснила своей лучшей подруге нашу острую потребность во-первых, в доверенном лице, во-вторых, в товарном посреднике, а в-третьих — в официальном представителе. Понимаю, что одному всё это тяжело, но у неё есть старший сын, который выучился как раз-таки по специальности медиа-технологии и что-то там связанное. Права опять же есть, что-то купить-привезти-передать — без проблем. А Аня — мозг. Вдвоём потянут. Анна позвонила сыну, чтоб не получилось, что «без меня меня женили»... Прозвучала команда «бегом»! Живут они в пяти минутах. Пока Лёня мчался в нашу сторону, я раскрыла папку со вложенными инструкциями и прочими бумагами. Анна восторженно перебирала рисунки:

— Боже мой, ребята! Какая красота!.. А это что?

— Это мы садим стену острога. А это первая башня строится, южная. Видала какие брёвна!

— Как думаешь, кто носил? — повесил интригу Вова.

— Ты?!

— Ка-анеш-шно! — да уж, любит наш барон пофорсить.

— Аня! — вклинилась я, — Отсканировать, сфотографировать — и вернуть! Это наша история, наша память. Я бы тебя попросила ещё всё это заламинировать. Сделай, а?

— Ага... Ага... О-бал-деть, место какое! Жалко, что нельзя сфотографировать!

— Да можно, наверное. На старые аппараты. С проявкой только сложности — там же красная лампа нужна, выдержки всякие, ещё что-то. Я не представляю, как это без электричества сделать.

— А если тут проявлять?

— Я думала... Видишь, с цветной плёнкой надо уметь работать. Чёрно-белая проще,

мама же у меня раньше всё время снимала. Найди плёнку — попробуем. В конце концов, что мы теряем-то? Может, у Васи красный свет получится.

Лёня примчался, как будто у дверей на низком старте стоял. Был представлен Вове. Послушал наше предложение, посмотрел материалы, подумал. Реально, что мы можем сейчас предложить — десять процентов от совершаемых торговых операций за покупку и доставку. И пять — за участие в реализации продукции (поиск конкретных заказов и клиентов). За блог пока платить нечем. Будем считать, что это наш общий проект, нам он принесёт славу (зачеркнуть) известность и много хороших подданных, а Лёне — популярность и денежки в будущем (но это не точно). В качестве компенсации я предложила доверенность на управление грузовиком. Мы его не продали как раз из этих соображений. Маленький японец, к которому подходят легковые права.

Вова предъявил сопутствующие условия:

— Уход, техобслуживание, все ремонты и последующие страховки на твоей совести, — когда муж начинает вот так подчёркивать свои слова указательным пальцем, я всегда непроизвольно начинаю смотреть на его кончик и глаза у меня сбегаются в кучку, — Зато на нём можно зарабатывать. Перевозки и прочее. В случае форсмажоров — мне неважно на чём, но груз должен быть доставлен. Твоя маржа — всегда десять процентов. Крутись, чтобы тебе было выгодно.

— Вот наш первый заказ, — я вытащила список, — По максимуму нужно завтра к восьми утра.

— Ни фиги себе!

— Нет, стоп. Неудобное время, — я взяла листок с расписанными часами, — Смотри, Вов! Мы сегодня пол светлого дня потеряем. А если вот эти часы взять? Энергию я тебе подкачаю. В темноте ты видишь отлично. А вернёмся как раз к утру. Что думаешь?

— Пойдёт.

— Значит, Лёня, сегодня к шести вечера! — мысли у меня неслись просто во все стороны разом, — Я понимаю, что весь заказ ты, скорее всего, не осилишь. Для первого раза постарайся собрать по максимуму, что сможешь. Ты пойми, у нас пройдёт почти двое суток, учитывай это! Я думаю, со временем ты набьёшь руку и ускоришься до двенадцати или даже шести часов — как делать нечего. Привозишь товар — немедленно получаешь возврат по чеку плюс твои десять процентов.

— Я вообще считаю, что при наличии грузовика занять эту нишу — милое дело, — Вова заметил интерес неких праздношатающихся личностей к нашему разговору и понизил голос, — Это сейчас народу мало, а потом будет такой товарооборот, мама не горюй. Многие сейчас уходят и рассчитывают на родственников. Но тут есть одно большое «но»: люди не учитывают время! Там всё в четыре раза быстрее! Человеку регулярно нужно будет что-то купить, продать, заказать — а у оставшихся здесь родственников свои дела-заботы. Кто сможет беспрерывно бегать к порталу, потом собирать заказы, снова сюда?.. Только специально обученные люди. Решай.

— Договорились! — Лёнька потянулся пожать Вове руку, но мать его вовремя поймала, — Извините, привычка...

Все посмеялись.

— Заказ большой, я считаю — надо предоплату выдать, хотя бы примерно, — Вова вытащил бумажник и начал отсчитывать купюры, — Ты вот ещё что, — он взял листочек и черкнул пару строк, — Позвони вот в эту контору, у них готова для нас телега, здоровая —

прицеп тракторный переделанный. Пусть её к шести вечера сюда доставят, в неё и будем перегружать.

— Ромку попрошу, наверно, помочь выгрузиться, — Лёня посмотрел на мать, — И отца? — но Вова его остановил:

— Никого не надо! Телегу закатят, ты потом на грузовике задом в портал сдашь — я быстро всё перекидаю.

— Понял.

У меня прямо камень с души свалился!

— Ребята, как всё хорошо получилось! Не знаю только, что с нотариусом делать. Я Галю просила...

— Да не нужен сейчас нотариус! — успокоила меня Аня, — Разрешили такие документы через МФЦ оформлять.

— Точно?

— Абсолютно, тебе говорю! Даже на «Госуслугах» объявление было, типа: никому не платите, не доверяйте мошенникам.

— Ну, тогда пошли, чего время терять!

ЛЮДИ, ГРУЗЫ, ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА...

Все бумаги в мини-офисе МФЦ оформили с завидной оперативностью. Каждому выдали мультифорку с документами. Дежурная регистраторша смотрела на нас с любопытством, сказала, что мы по этой форме — первые, поздравила даже. Я передала ей письмо Коли-Колегальва. Чуть не забыла, блин!

Мы вышли на улицу и встали тут же, рядом с фургончиком, благо тут было поменьше народу.

В широкий проём между столами и фургоном вкатывался запряжённый парой крупных лошадей коневоз. За ним, осторожно принюхиваясь и прядая ушами, шёл целый косяк... или табун?.. не разбираюсь я, короче, в группах лошадей, а так же в их породах и даже половую принадлежность с разбегу, издали, не определяю... Толпа, так скажем, лошадей, всяких мастей, вперемешку с жеребьями — всего штук двадцать. Вова оставил нас и пошёл помочь Андрею.

— Лёнька, доставай телефон, снимай скорее! — у Анны загорелись глаза. И верно, такие кадры! Лошади разбредались по лугу, жеребята носились вокруг матерей, смешно вскидывая ножки.

Я посетовала:

— Жаль, что нельзя передать запах на камеру. Вы не представляете, как тут сладко и медово пахнет цветущим разнотравьем! — внезапно накрыло чувство, что времени осталось мало, я заторопилась: — Лёня, снимай всё, потом выберешь лучшие кадры! Ребята, пробуйте по всем фронтам: блог, видеоканал, интернет-магазин. Сегодня у вас будет ещё несколько сюжетов: наш манифест, новые поселенцы, рыба — мы рыбы копчёной привезли, дадим вам попробовать, как раз и сделаете обзор! — и если я не ошибаюсь, сейчас приедет мне работа. Это близко снимете только вы, по моему личному разрешению. Вот сколько эксклюзива, зайки мои. Сегодня же всё обработать, выложить, сфотографировать — покажете завтра, как получилось! Если есть возможность — на планшете или ноуте, ещё лучше. Лёня! За заказами поедешь — тоже снимай. Возьми кого-нибудь из девчонок в долю (семья у Ани большая и дружная). Снимайте и выкладывайте всё подряд, народу будет очень любопытно, точно вам говорю. Завтра приедешь — я тебе персональное интервью дам. И Вову попросим. Может,

ещё кого с собой притараним, — вдалеке послышался вой сирен, — Во, кажись, это то, что я думаю. Стойте здесь, никуда не отходите! Лёня — снимай всё! Потом ненужное вырежешь-сократишь.

— Я понял-понял!

Из-за обрамляющих площадку тополей глыбой айсберга выворачивала громоздкая угловатая машина с красным крестом. Не гражданская, замечу. Резкий голос матюгальника потребовал от граждан освободить место для санитарного транспорта. Вслед за белой машиной показался камуфлированный Урал. Фу, блин, хорошо, что лошади успели пройти. Лошадь — существо трепетное, вот бы они ломанулись по кустам... Санитарка (это я её так про себя назвала) остановилась почти впритык к порталу, Урал — подальше, из него сразу выскочило человек двадцать в форме и вежливо начали оттеснять народ метра на три-четыре от машин.

Съёмочная группа с телеканала попыталась сунуться к белой машине, но, видимо, была отшита и теперь развернулась чуть поодаль, снимая общий вид на фоне голенастой репортёрши.

Дежурный наряд полиции приосанился и выдвинулся навстречу. О чём они говорили — слышно не было, однако буквально через пятнадцать секунд в будку МФЦ пробежал парень в камуфляже, и колокол (подвешенный, оказывается, под крышу с нашей стороны будки) разразился торопливым звоном. Парень выскочил из фургончика и обратился к Ане с сыном:

— Пожалуйста, пройдите за оцепление, после отъезда транспортов вы сможете вернуться.

Аня дёрнулась. Вот ещё! Сейчас я буду гневаться.

— Так, стоп! Все стоим! Эти люди тут по моему личному приглашению.

— Извините, у меня приказ.

Тут меня заусило:

— Знаешь что, дорогой, иди и скажи своему командиру, что эти люди: конкретно вот эти два человека — будут тут стоять и снимать. Иначе пусть он сам лечит своих больных. Иди-иди, посмотрим, что он тебе скажет.

Вова подошёл ко мне.

— Что?

— Да... Пытались Аню с Лёнкой выгнать.

Парень исчез за бортом Урала, а через минуту подбежал к нам снова.

— Извините, эти граждане могут остаться. Больше никого не будет?

— Вот, молодец! Больше никого, иди.

Из-за портала вывернули Илья и Кадарчан, подошли к нам поближе.

— Приехали, однако! — Кадарчан упёр руки в бока и слегка прищурился, — Вон, Мирон идёт.

Мирон был чрезвычайно похож на Илью: среднего роста, русоволосый, серые, чуть с прищуром глаза, походка чуть враскачку — только старше нынешнего Ильи лет на сорок.

На нагрудном кармане его камуфляжной формы, как у остальных, крупно было вышито: «МЧС». Приблизившись, он, видать, автоматически решил поздороваться за руку, но мы со стороны Новой Земли дружно в четыре глотки гаркнули: «Руки!!!» Мирон вздрогнул, резко затормозил и приложил уже протянутую ладонь к козырьку.

— Здорово, дядь Илья, дядь Кадарчан... Добрый день, уважаемые, — кивнул остальным нам оптом.

По хмурому лицу Мирона сложно было что-то понять, и Илья нетерпеливо спросил:

— Ну, как Макс-то? Живой?!

Тот покивал, и тяжело вздохнул, словно не зная, с чего начать.

— Максим жив, только... Нету у него никаких шансов, говорят. Вроде как мозг начал отмирать. Если бы не Маринка, его бы уже позавчера отключили. Не дала, ревела, от палаты не отходила. Документы подписывать отказалась. А тут ваш звонок! Мать, считай, с коляской во дворе больницы жила всё это время, чтобы она кормить могла.

Оп-па... кормящая — это значит, что ребёнку не больше года, а скорее меньше... Надо прояснить.

— Минуточку! — я подняла руку, — Так вы *привезли* Максима?

Мужик вопросительно глянул на Илью, получил какой-то сигнал и хмуро покивал:

— Да.

— А Марина — это, я так поняла, его супруга — она где?

— Здесь, — Мирон кивнул в сторону машин, — От мужа не отходит.

— А ребёнок?

— Оба с ней, — ещё интересней! — Как с ума сошла, не отпускает от себя, боится, что семью разделят.

— Так у ней двойня?

— Нет, старшему уже три годика.

— Тяжело ей будет при нашем неустройстве, хотя... Короче, что яйца мять — везите Максима, и девушка пусть подойдёт, я хочу с ней поговорить.

Мирон хотел сказать ещё что-то, но передумал, кивнул и решительным шагом пошёл к машинам.

14. «ПРЕДЧУВСТВИЯ ЕГО НЕ ОБМАНУЛИ...»

МАКСИМ И МАРИНА

Из санитарной машины выкатили каталку, всю обвешанную какими-то трубочками и датчиками. На лице лежащего была прозрачная пластиковая маска с подводными трубками — искусственная вентиляция, должно быть. Или ещё какая байда, я не разбираюсь. За каталкой шёл врач.

Марина оказалась вовсе не такой, какую я успела себе представить. Почему-то я ожидала увидеть девушку, похожую на Одри Хэпберн, такую тоненькую, с аккуратным чёрным каре и обязательно с чёрными кругами под глазами. Из совпадений были: круги под глазами и цвет волос, жгуче-чёрных, заплетённых в две простые толстые косы. Марина оказалась крепкой, широкой в кости, с шикарных размеров бюстом и раскосыми якутскими глазами на совершенно зарёванном лице. Одной рукой она судорожно цеплялась за каталку, второй держала крепко сбитого черноволосого мальчонку. Младенец спал в слинго-рюкзаке на груди.

Я пыталась разглядеть Максима сквозь стену портала, отделяющую один мир от другого. Неудивительно, что врачи сказали об отмирании мозга... при таких повреждениях... было плохо видно, как сквозь плёнку, и я постаралась максимально сосредоточиться. Параллельно мне хотелось разглядеть душу — а вдруг парень и вправду уже ушёл, и все эти показатели жизнедеятельности — всего лишь результат усилий современной медицины, поддерживающей безжизненную уже плоть? Да нет, вон он! Душа, спасаясь от нестерпимой боли, спряталась так глубоко, что перестала отражаться в жизненном плане. Смотреть одновременно в обе транс-реальности оказалось как... вот если бы перед глазами стояла вертикальная стена — и один глаз смотрит с левой стороны, а другой — с правой. И слева, например, подводный мир кораллового рифа, а справа — лес ночью. Кошмар, мозг чуть не сломался. Я так ушла во внутренний план, что забыла поддерживать себя и повалилась, едва не треснувшись лбом в стену портала. Вова поймал, спасибо ему.

— Камлает, однако! — прокомментировал Кадарчан.

Врач чопорно поджал губы.

Миرون смотрел на меня настороженно, а Марина — с безумной надеждой.

— Марин, такое дело... Мужа я твоего вылечу, в конце концов, я обещала. А на счёт тебя — я предлагаю сперва с мужем посоветоваться. Вдруг он не захочет к нам в посёлок? — Илья хотел было что-то возразить, даже рот уже раскрыл, но передумал и нахмурился, — Двое малолетних детей — это тяжело. Если бы малому было хотя бы пять лет... Опять же, пока здесь ему станет пять — у нас пройдёт двадцать. Решать вам.

Губы девушки упрямо сжались.

Я кивнула Мирону:

— Отключайте всю вашу аппаратуру и закатывайте.

Врач помедлил.

— Поскорее, пожалуйста, нас ждут дела! — ещё я на спектакли под названием «вы не настоящий врач» не смотрела!

Я отвернулась и отошла в сторону. Кадарчан что-то прикрикнул, бряканье оборудования разом приобрело гораздо более бодрый характер, что-то тревожно тоненько запикало.

— Любимая! — муж всегда контролирует ситуацию лучше меня. Носилки были уже на нашей стороне. Максим начал хрипеть и стремительно синеть. Я привычно уже попросила Вову:

— Держи меня!

Положила руку на лоб своего пациента и провалилась внутрь. В принципе, страшно, но не очень. Аккуратная, тщательная работа с телом, а потом с душой заняла у меня около десяти минут по времени «снаружи». Время «внутри» я не взялась бы оценивать, там всё и всегда было не так. Я вышла, разом почувствовав тёплые поддерживающие меня мужнины объятья.

— Спасибо, милый, я уже стою, — Максим спал, всё ещё пристёгнутый к носилкам страховочными, видимо, ремнями, — Распутай его, пожалуйста, и я его разбуду.

— Хорошо.

Он начал выполнять работу санитаря, Илья и Кадарчан с энтузиазмом к нему присоединились. Приезжий врач взволнованно подавал советы из-за черты. Ну, и где ваш пафос, доктор?

Пока мужики были заняты, я присела на лавочку и маленько подпиталась сама. Всё время забываю про себя, иногда от внутренних усилий аж подплющивает...

— Готово, однако!

— Иду! — я положила ладонь Максиму на лоб. Особой нужды в этом нет, но на камеру я думаю, так эффектнее, — Проснись!

Максим открыл глаза, сел, ничего не понимая. С трудом узнал помолодевших, радостно хлопающих его по плечам Кадарчана и Илью. Откуда ни возьмись появился пакет с одеждой...

— Максим! Макси-и-им!!! — Марина, ревела, послушно стоя по ту сторону границы миров. Надо же, какая внутренняя дисциплина!

Кадарчан и Илья успели сказать Максиму о невидимой стене. Так, пошёл с женой разговаривать, посмотрим.

Мирон откашлялся, привлекая моё внимание. Гляди ты, деликатный какой!

— Вы можете обращаться ко мне «госпожа баронесса». Слушаю вас внимательно. Только недолго. Кто там у вас ещё?

Мирон аж поперхнулся.

— Откуда вы знаете?

— Вижу, — я не стала пояснять, что вижу по его поведению, основываясь к тому же на предположениях Вовы. Ну серьёзно! Не думаете же вы, что мне беспрерывно хочется залазить к каждому человеку в голову? Пф-ф-ф... Но впечатление это произвело нужное. Мирон сдёрнул фуражку и вытер проступивший на лбу пот.

— Девушка... госпожа баронесса, погодите! Сперва – спасибо вам за сына!

Сын! Так я и думала.

— На здоровье! Обращайтесь.

— Так вот, я и хотел...

— Дорогой Мирон! Предлагаю прекратить невнятные телодвижения и начать выражаться со всей пролетарской искренностью! — Мирон крикнул, — Кого вы ещё привезли?

— Трое сотрудников, сильно обгорели при тушении...

— Стоп! Таких подробностей не надо. Какой прогноз дают врачи?

— Да никакой... — Мирон угрюмо уставился в землю, — Как с Максимкой же: мы работаем... Работают-работают, а...

— По-нят-но. И вы решили спасти их, перекинув нам? А семьи?

— Семьи согласны.

— М-м... А мужики-то сами согласны? Они вообще в сознание приходят?

— Да там наоборот, обкалывают их, чтоб спали.

— Сильные боли, я так понимаю...

Мирон кивнул.

Со стороны оцепления раздался странно усиленный и слегка искажённый Галин голос:

— Мам!.. Ма-ать!..

— Так, Мирон! Во-первых, дайте проезд моему ребёнку или вам придётся платить за дополнительное время крану.

— Мы заплатим.

— Хорошо. Тогда скажите своим, пусть её сюда пропустят.

Мирон обернулся и проорал: «Петров! Пропусти девушку!»

— Во-вторых, сейчас вы выгружаете своих пострадавших, и они должны услышать наш манифест. Обращённый ко всем манифест, Мирон. То есть они должны быть в сознании, понятно? Если ваши парни согласятся принять наши условия — мы их принимаем в поселение как подданных — и я их исцеляю. Донесите до них эту мысль, пожалуйста. Если нет — по каждому случаю мы будем договариваться отдельно: возьмусь ли я лечить, когда и за сколько. Можете начинать. И снимите оцепление, чтобы люди могли подойти и слушать.

— Мать! — слегка запыхавшаяся взбудораженная Галя осторожно, чтобы не залипнуть раньше времени, протянула мне рупор, сваянный, по всей вероятности, из картона, скотча и прочих подручных материалов, — Это тебе от тётъ-Наташи подгон, её на продлёнке выручал!

— Классная штука!

— Вова, привет! Ой, тётя Аня! Лёня! — все активно бросились здороваться, — Там это! Крановщик волнуется.

— А пускай не волнуется! — Вова решительно пресёк панические настроения, — Скажите ему, что зато его покажут по телеку и на официальных ресурсах баронства Белый Ворон будет его бесплатная реклама, аж на целый месяц! Если он вас аккуратно в портал загрузит, конечно.

— Ладно!

МАНИФЕСТ

Галя умчалась, белая и пятнистая машина перестроились, парни в камуфляже тоже сместились, отделив собой небольшой уголок вблизи прохода, на который уже выкатывали первые утыканые приборами носилки, а я залезла на стол. Не возмущайтесь так, я сняла свои любимые кроссовки и расстелила на столешнице несколько чистых листков, чтобы не натоптать. Примерилась к рупору.

— Граждане бандиты!!!* — народ на площадке замер, я засмеялась прямо в рупор, — Всегда мечтала так сделать! Жаль, Высоцкий умер — ушёл бы с нами!

**Место встречи изменить нельзя. Бессмертный фильм.*

— Итак, начнём сначала! Добрый день! Вам пришлось немного подождать сегодня. Не расстраивайтесь, ваша малая жертва спасла жизнь одному хорошему парню. Многие из вас, должно быть, в курсе произошедших с нами после перехода событий. Не исключая, что вы

могли слышать разные варианты, слухи, домыслы и так далее. В связи с этим баронство Белый Ворон заявляет об официальном открытии собственных информационных ресурсов: блога, страниц в соцсетях и видеоканала. Там вы сможете не только прочитать всю настоящую правду о нас, но и увидеть прекрасные картины и рисунки, выполненные нашими художниками! На этих произведениях искусства — окружающий нас мир, наши повседневные заботы, наши люди. Также начнёт принимать заказы интернет-магазин! Милости просим!.. Рулить этим великолепием будет вот этот молодой человек, Леонид Стольников. Лёня покажись! — Лёня помахал одной рукой, второй продолжая снимать меня на телефон, — Уже завтра он разместит все интернет-адреса наших ресурсов на этих прекрасных досках объявлений!.. Возвращаясь к началу! За эти дни с нами столько всего произошло, что мы несколько пересмотрели и упорядочили наши взгляды на развитие нашего поселения. Всё это вылилось в определённую концепцию. Манифест. Сейчас глава нашего поселения вас с ним ознакомит. Если кто не в курсе — барон Владимир Воронов, собственной персоной!

Я сунула рупор под мышку и захлопала. Народ по инерции присоединился, вышло так неплохо.

Вова помог мне спуститься со стола, отказался от рупора и залезать никуда не стал, только расправил плечи и руки положил на ремень. А потом зачитал людям обновлённый манифест. Вот у него командирский голос, скажу я вам!

ЕЩЁ ТРЁХСОТЫЕ

Сам манифест вызвал у публики совершенно разные эмоции. Кто-то одобрял, кто-то спорил, а кто-то и начал ворчать и даже возмущаться. А вы как хотели? Как говорила одна моя знакомая, «я не сто долларов, чтобы всем нравиться». Сейчас, конечно, поговорка про доллары не особенно актуальна, но смысл-то...

Среди МЧС-ников усилилось движение. Видно было, что люди, стоящие у изголовий лежащих, о чём-то разговаривали с ними, плакали, кивали, всплёскивали руками. Врач метался между каталками, совершал какие-то манипуляции.

Я поискала глазами Мирона и снова взялась за рупор.

— Так, товарищи. Сейчас вы подумаете, сформулируете свои вопросы. Не торопитесь, дайте им созреть. Все ваши вопросы вы сможете задать в названных мной интернет-сервисах. Леонид их соберёт, систематизирует и представит нам, а потом запишет наши ответы. Небольшое интервью получит пресса, немного позже, — я убрала говорильник и спросила Мирона, стоявшего по ту сторону стола, — Господин Мирон, ваши люди слышали наши слова?

— Да, госпожа баронесса!

— Есть кто-то, кто согласен с нашим манифестом?

— Все трое согласны. Жёны хотят пойти с ними.

— Не вижу препятствий. Закатывайте. И одежду не забудьте подготовить.

— По очереди?

— Нет, зачем людям мучиться! Всех троих катите, — каталки тронулись с места, каждую толкала женщина; мне пришлось в очередной раз приложиться к рупору (действительно, удобная штука), — Дамы и господа, если кто-то хочет переговорить конкретно по переселению, просим обождать — у нас трое тяжёлых с ожогами. И, ПОЖАЛУЙСТА, ДАМЫ И ГОСПОДА, освободите дорогу крану, я вас прошу... Гал

заезжайте!

На площадку крадучись начал заруливать заждавшийся кран-борт, гружённый большой, до отказа набитой всяким нужным барахлом повозкой.

Я заторопилась к подоспевшим каталкам. Если с той стороны портала был асфальт, то здесь — не сильно гладкий прибитый луг. Илья, Кадарчан и подошедший Андрей помогли женщинам подтащить носилки на весу и аккуратно поставить, чтобы они не загоразивали проход, и всё равно лица лежащих искажались от боли при каждом покачивании. Незачем это. Я повела рукой и усыпила всех троих. Пристально посмотрела на жён.

— Девочки, не мешаем, не дёргаемся — понятно?

Все три женщины напряжённо кивнули и замерли в изголовьях. Я прямо чувствовала бешеный стук их сердец и безумную надежду...

Вова уже стоял позади меня, страховал:

— Держу?

— Ага.

Проваливаюсь во внутренний план.

Вот новость! Оказывается, я могу видеть троих лежащих рядом больных одновременно. Это весьма ценно. И могу параллельно лечить! Чрезвычайно полезная опция!

Ну, поехали!

Я рывком выскочила из транса и сразу спросила мужа:

— Сколько?

Почему-то мне всегда интересно.

— Двадцать две минуты, — Вова знает этот мой прикол и каждый раз засекает время.

— Нормально.

Мои пациенты уже проснулись и вместе с жёнами обрушили на нас поток благодарностей.

— Спокойно, товарищи! Запомните это чувство, переживём его немного позже! Сейчас ваша задача — сместиться в сторонку, например, за портал — и привести себя в порядок. Хотя бы относительно. Стереть с себя эти корки, лекарства и прочее. У ваших медиков должны быть какие-нибудь влажные салфетки. Помыться, к сожалению, можно будет только на острове, в дороге останавливаться не будем. Придётся пока потерпеть.

ПОПОЛНЕНИЕ

За двадцать две минуты моего отсутствия:

Галя с Кирей торжественно вошли в портал, наша большая повозка была помпезно подана кран-бортом и ожидала Вову для отбуксировки — чем он, кстати, немедленно и занялся, обставив событие чрезвычайно театрально: сперва Галя, Кирилл и присоединившийся Андрей громко сокрушались, что нет подходящих лошадей, способных вытянуть вес такого большого фургона, а потом красиво вышел Вова и не напрягаясь оттащил его в сторону, произведя на зевак глубочайшее впечатление.

Максим успел выслушать подробный рассказ о своём пребывании в коме, приключениях дедов и наших с Вовой подвигах, воссоединился с женой и детьми — и теперь тоже стоял в очередь с благодарностями. Потом, всё потом.

Замечательный мужик и отличный мастер Никита, владелец четырёх рыжих лошадок и

прекрасной наковальни, смущённо ждал возможности официально влиться в наши ряды.

Конниковы тоже перебрались на эту сторону и, оправдывая свою фамилию, вовсю знакомились с Андреевым табуном.

Аля, оказывается, должна была дожидаться сына Петьку из какого-то хитровыдуманного санатория, в котором тот отдыхал по инвалидной путёвке, во-вторых встретить заказанных нами жеребят, которые приедут только через три дня. Староземных, конечно же. Остальные две дочки Савельевых предпочли остаться на Старой Земле, с бабушкой. Ясно.

Больше новостей не было.

Вова раскрыл рюкзак и в считанные минуты распродал бóльшую часть рыбы. Остатки мы вручили Анне с Лёней — для обзора, я же говорила. Пока эти трое между собой сговаривались и уже снова записывали видео с Вовиным рассказом про рыбу, я вспомнила про обещание ответов для прессы и подошла к переминающейся репортёрше.

— Три вопроса, — я посмотрела в девственно-пустые глаза... не поймёт... — Я разрешаю вам задать три вопроса. Первый?

— А!.. Почему вам не нравятся феминистки?

— Ну почему же, мне нравятся настоящие феминистки. В определённом смысле я и себя считаю феминисткой, поскольку выполнять рядом с мужчиной исключительно декоративную функцию я бы не смогла. А вот тех истерических психованных бабёнок, которые весь мир наводнили своими нездоровыми идеями, я действительно не уважаю. Потому что они — тупые курицы, которые не видят, что все люди — разные, что это хорошо, и именно в этом сила социума. Второй?

— Вы действительно не принимаете курящих?

— Вы невнимательны. Мы принимаем и курящих тоже. Только для курения нужно будет пройти за границу поселения.

— То есть, как вы сказали, за двадцать километров?

— Нет. Не за границу баронства, а за границу, допустим, посёлка, понятно? И это был третий вопрос.

— Ой, нет-нет, ещё один, пожалуйста!

Я посмотрела: Вова всё ещё что-то вкусно рассказывал про рыбу.

— Ладно, давайте.

Репортёрша закусил губу и мелко затряслась, видимо, выбирая из сонма роящихся в её головёнке вопросиков:

— Вы поставили в своём... э-э-э... обращении... довольно жёсткие условия. А вот если люди, например, не со всеми пунктами согласны, и захотят защитить свои интересы, м-м-м... права... например, представители сексуальных меньшинств тоже хотят иметь детей...

— Какие молодцы! — с жизнерадостным кретинизмом воскликнула я.

Оператор хрюкнул.

— Что? — не поняла девица.

— А вы знаете, я ведь слышала о некоем занимательном эксперименте. Страну только забыла. В Африке, кажется, во всяком случае президент был однозначно чёрный. Так вот, когда к нему пришла парочка геев с аналогичными претензиями, он посадил их в тюрьму. Гуманно, в общую камеру. Сказал, как только кто-либо из них забеременеет — сразу отпустит обоих. Вот такая вот загогулина... — репортёрша приоткрыла рот и захлопала приклеенными ресницами, — Меня как-то возиться с тюрьмами не прёт, поэтому жить — пожалуйста. Бороться за права — увольте. С правами — на йух. Читайте по буквам. Вы же

средство массовой информации, всё должно быть цензурно. Так что все борцуны за права дружно идут на йух. И там пусть имеют свои права в своё удовольствие. Всего доброго.

Хватит. Идиотия должна быть строго дозирована.

Я мило улыбнулась и пошла перекинуться напоследок парой слов с подругой, однако (вот оно, влияние на меня речевых традиций малых северных народов!) была снова перехвачена Мироном.

— Госпожа баронесса!

— Слушаю вас!

— Благодарю вас за моих ребят!

— Ну, теперь это — наши ребята, так что — вам спасибо.

— И тем не менее. Мы бы хотели поддержать ваш посёлок.

— Чем?

— Палатки, спальники, тушёнка... — он начал перечислять, широкими жестами загибая пальцы.

— Так, Мирон, пойдёмте-ка сядем, а то я всё время за вас переживаю. Стол широкий, там у вас будет меньше шансов случайно зацепиться. Я, конечно, рада буду видеть вас на нашем острове, но рады ли будете вы так же сильно как я — что-то я сомневаюсь, — мы сели, — Итак, вы хотите дать за своими людьми, так скажем, приданое?

— Ну, можно сказать и так. Что там они сами решат — их дело, но от себя нам бы хотелось, да.

— Дайте-ка я догадаюсь... Вы даже что-то привезли с собой в этой прекрасной камуфлированной машине? Да?

— Так точно, привезли.

— И на чём мы всё это богатство повезём? — Мирон подвис, — Вы, видимо, не в курсе, что до нашего острова добрый десяток километров по прямой. А с обходами и бродами больше пятнадцати выходит.

— Та-а-ак... И что делать?

— Могу предложить вам подождать нас. Мы доедем до острова, разгрузимся — и вернёмся где-то к двенадцати-часу. Или (я посмотрела в листочек с соотношением часов) к шести часам вечера.

— Давайте к двенадцати.

— Сейчас муж освободится, по времени уточним — вдруг у него уже какие-то планы.

— Я бы хотел ещё касательно сына переговорить: что нужно, чтобы устроиться? Может быть что-то конкретное, большое — на всех, раз у вас так организовано?

— Ой, это вам нужно втроем сесть, мужикам. Может, как раз когда мы второй раз вернёмся? Я только с женской стороны могу сказать: быт у нас пока прихрамывает. Сейчас народу станет больше — нужны баки, типа столовских. Представляете себе? Здоровенные такие кастрюли. Как их на костёр мостырить, я опять же не представляю. Может быть, котлы? — я незаметно для себя пустилась в рассуждения; Мирон, на удивление, раскрыл планшетку и начал делать какие-то пометки, — С мытьём опять же пока что сложно. Ну, сейчас пока тепло, на речку ходим. Вот острог закончим — тогда баня на очереди. Столько всего надо, хоть разорвись! — я посмотрела в сторону луга, где периодически проносились ускоренные в четыре раза лошадиные силуэты. Солнце уже почти забралось в зенит. Блин, неправильное время мы выбрали, это точно! Полдня уже прошло.

— А вот этот фургон, я смотрю — с окнами.

— Да! Он как домик сделан. Говорят, до пятидесяти градусов мороза держит.

— Серьёзно?

— Ага. Там внутри печка установлена, встроенный шкаф, мебель кой-какая — это уже по выбору.

— Вы заказывали? Или готовый брали?

— Заказывали, но я думаю, сейчас есть и готовые — спрос рождает предложение, как говорится. Я вам адрес могу сказать, если интересно.

— Конечно, интересно. Давайте! — Мирон начал записывать.

Подошёл Вова.

— Любимая, нам, наверное, сегодня придётся сюда ещё раз вернуться.

— Я только хотела тебе то же самое сказать! У тебя какая причина?

— Ребятам нужно решить вопросы с документами, имуществом и прочее. Это время, мы столько не можем здесь сидеть. А у тебя?

— Вот, товарищ Мирон предлагает нам спонсорскую помощь, только её некуда грузить. Я предлагала вернуться в двенадцать или вечером в шесть, смотри, — да, по первости нам сложно было ориентироваться в смещении времени, так что я снова взяла листок с часами, — как мы хотели, чтобы светлый день не терять. Но до двенадцати, боюсь, они мало что успеют. А сидеть тут целые сутки...

— Извините, уважаемые! — вклинился Мирон, — В таком случае давайте договоримся на восемнадцать ноль-ноль. И вам, и нам спокойней.

— И Лёня как раз подъедет, — согласился Вова.

— Вы хоть чай людям организуйте, — заперезживала я, — Да мужикам хоть как-то воды да полотенца, чуть-чуть хотя бы обмыться. Если целый день-то сидеть...

Ну реально, что они после своих ожоговых корок да мазей влажными салфетками обтёрлись, смех и грех. Сами подумайте. Ощущение... не очень.

— На этот счёт не беспокойтесь, сейчас организуем. И я бы хотел, Владимир, вечером обсудить с вами некоторые хозяйственные вопросы. Общественные и личные тоже.

— Без проблем, обсудим, — Вова поднялся, — Руки не жмём, до вечера!

— До вечера!

Напоследок я посоветовала девушкам не торопиться с гардеробом — особенно, если хотят что-то покупать — поскольку неизвестно: кто какого размера станет после отката. А вот купальники будут нужны прямо сегодня, желательно к вечеру их сразу и подождать.

Кстати, вот парни в камуфляжке торопятся, тащат вёдра с водой. По ходу дела, не заморачиваясь, сбегали до залива, что тут — метров пятьдесят всего. Ну, молодцы, конечно.

Ладно, всё! Домой, домой!

15. НОВОБРАНЦЫ

ДЛИННОЙ ДОРОГОЙ

Наконец-то мы выдвинулись! Из фургона выпустили нашу кошку, которая по причине её глухости не имела постоянного имени и обзывалась то Прухой (за любовь повалиться пузом кверху), то Белоснежкой (за свою белоснежную пушистую шерсть), но чаще всего — просто Кошей. Теперь она сидела у меня на руках, страусиным пером распушив свой шикарный хвост, ошалело таранилась по сторонам огромными голубыми глазами, периодически мяукала и дёргала розоватыми просвечивающими ушами. И по-моему, она начала слышать (надо будет Андле попросить проверить)!

Разогнанные Вовой побирušки не показывались, бомжи тем более. Я с досадой отмечала вблизи портала замусоренные следы ночёвок, пятна кострищ. Раздражение охватывало чрезвычайное. Что, нельзя в одном месте лагерь поддерживать? Или так: засрала одно — переходим к следующему? Уроды, блин. Радовало одно — стремление этих паршивцев кучковаться ближе к «цивилизации», так что через полкилометра пути свидетельства их пребывания исчезли вовсе.

Время уже подпирало к двенадцати, дети запросили есть, и Даша раздавала всем припасённые из дому бутерброды. Весьма кстати. Мы ж ушли в шесть утра, не позавтракав — мне в такую рань вообще кусок в горло не лезет.

Вова вёл нас длинной дорогой, чтобы повозки могли пройти через броды. Всё-таки удивительно и непривычно было смотреть, с какой лёгкостью он тянет тяжело гружёный фургон, на облучке которого к тому же сидели я, Галя и Даша. За ним шли лошади, потом коневоз и в конце — Никитин фургон, куда посадили Марьяну. Алексей вёл коневоз. Парни помогали Андрею, чтобы лошади не разбежались. Так мы тихим ходом добрались за два часа.

У брода сидела и ждала нас Андле. Коша, завидев её, начала орать и выдираться — и не успокоилась, пока ей не разрешили забраться к девушке на плечи.

— Я так и думала, что будет нужна моя помощь! — воскликнула друида и пошла обниматься с лошадьми.

Андрюшин коневоз оказался самым уязвимым звеном нашего поезда — в силу своей низкой посадки и негерметичности. Пришлось выгружать из него всё, что рисковало испортиться при промокании, и перекладывать на плотик.

Что меня порадовало — это то, что народ был на стрёме. Наше приближение заметили издали, и к тому моменту как мы вышли на берег острова, там собралась бóльшая часть нашего поселения. Всем не терпелось узнать новости. Вот что значит малое информационное поле! Среди многоголосия я различила Галино:

— Баба! Какая ты маленькая!

Алёнка ревела, повиснув на шее у отца. Знакомые обнимались, незнакомые знакомились. Оказалось, что они не обедали, ждали нас. Приятно.

Из кухни вкусно пахло борщом и пирогами с земляникой.

Мы дома!

Нам удалось совместить обед, выпуск новостей и совместные представления. Потом — это уже фактически традиция — каждый вновь прибывший посадил по одному лиственничному саженцу в стену нашего острога, а Лика запустила их расти.

Торжественное вступление «в клан» мы решили отложить до прихода якутских, чтоб уж заодно.

Вова забрал Никиту и ушёл разбираться с кузней, а потом уложил несколько венцов из ошкуренных и подготовленных брёвен в южной башне.

Андрей с Алёнкой помчались обустраивать лошадей.

Лёха на правах агронома взял нашу рабочую карту и пошёл делать пометки относительно организации будущих полей.

Кирию отправили на усиление к эльфам (шанцевого инструмента у нас теперь поболее!).

А мне достались хозяйственные хлопоты: разместить людей, решить насущные бытовые проблемы, вникнуть в повседневные заботы. И ещё нам с Галей надо было разобрать наш большой фургон, забитый просто до отказа. Всё, я пошла!

После ужина мы всем миром городили шалаши для вновь прибывших, поскольку с палатками образовалась напряжёнка. Получилось весьма.

Потом городили шалаши для огромного количества бутора, которым был забит наш фургон. То есть — был забит до того, как мы с Галей всё это повытаскали на улицу и разложили по тематическим кучкам (единственное, что я вообще не стала на улицу выкидывать — увязанные книги; боялась, что отсыреют и попортятся). Надо было всё это как-то временно пристроить.

Потом обсуждали наши будущие поля и всякие теплицы.

Потом купались.

Вечером, сидя у костра, я посетовала на сложности преодоления брода. Ну правда, каждый раз думаешь — пройдёт повозка — не пройдёт? А через пару месяцев станет прохладно...

— Ладно! — объявил муж, — Включим мост через брод в список приоритетных целей.

РАЗГОНЯЕМСЯ

Новая Земля, остров-острог, 16 число второго месяца 0001 года

Наконец-то, наконец-то у нас появился человек, который разбирается в севооборотах, плугах, боронах и всякой такой хрени!

С раннего утра наши доблестные агрономы (Лёха и приданные ему в усиление Пашка и Димка) гремели железяками, переделанными для нас из старого мотоблочного плуга и борон. Андрей и Алёна тоже были с ними, поскольку отвечали за движущую часть. На первый выезд собрался поглазеть весь колхоз. Нет, наверное бывает лучше — но нам понравилось! Мы хлопали в ладоши, кричали «Ура!» и бросали чепчики в воздух. У кого были, конечно.

Художники опять рисовали как заведённые. Поле, лошади, стройка, прирастающий острог, увеличившийся лагерь, шалаши, кухня, дети, лица... Коле похудел, и вокруг глаз легли тени от недосыпа. Иногда я ловила его за рисованием вечером и даже ночью. Ругалась, конечно. Однако я видела, что что-то происходит. Линии его рисунков становились всё более живыми. Иногда мне казалось, что они трепещут и хотят вырваться с листа. Что-то будет. Поглядим.

Никите выделили место — условно говоря, угол — где он установил наковальню и

прочие причиндалы и с утра до вечера там тюкал и звенел. Пацаны стояли в очередь, чтобы «подмогнуть» ему кочегарить совершенно чудной горн с цепями, велосипедными звёздочками и ручкой-«мясорубкой».

Вова ещё ускорился, хотя мне казалось, что это уже невозможно. Дело в том, что Киря привёз ему первые инструменты по новой силе: топор и молот — и лесозаготовка на правом берегу безымянной реки приобрела просто эпические масштабы.

Наш барон валил лес — здоровые, в два его обхвата дерева. Четверо помощников (отряд лесорубов, так скажем) обрубали сучья и верхушку, ошкуривали, пилили на нужные куски. Рядом с деляной образовался своеобразный склад: брёвна на башни, брёвна на сваи для будущего нашего моста, брёвна на дома, потом всё, что шло на менее значимые постройки типа сараяк (тоже несколько размеров), и, наконец, дрова.

Башенные брёвна Вова тащил в острог. Степан с командой подручных парней — отряд плотников! — готовили их для укладки: выбирали пазы и всё такое прочее; когда несколько брёвен было готово, за Вовой посылали кого-нибудь из ребятишек, наш ходячий кран приходил и укладывал парочку венцов.

Андле караулила детей и занималась с Акташем. Щенок за прошедшие двенадцать дней сильно прибавил в росте. Пёр, как на дрожжах. Я в алабаях вовсе не секу, но Вова говорит, что он сильно крупный для своего возраста. Такие прям лапищи! Ничем другим, кроме благословения Лели я этот феномен объяснить не могу.

Мелкие наши поселенцы (общим количеством шесть душ от семи до четырнадцати лет), всё больше смахивающие на коричневых индейцев в трусах и кепках, сформировали боевой отряд собирателей. Черемша уже отошла, но земляники ещё было полно, в редколесье неподалёку от песчаного пляжа обнаружился довольно большой пятак вовсю поспевающей малины, а в большой повозке прибыли несколько кулей сахара — все звёзды сошлись, как говорится! Тем более что картинка с ягодами должна была разместиться в блоге, и я сильно надеялась, что она выстрелит. Всё это вдохновило нас на новые подвиги. Точнее, вдохновило меня, а я уже задала вектор нашим юным индейцам. И снова лагерь наполнил сладкий аромат варящегося варенья. Теперь ещё и малинового!

С обеда та же мелкая банда решила переквалифицироваться из собирателей в рыболовов — мужики-то все заняты на тяжёлых работах! Немного попрепившись, пацаны согласились, что Ангелина с Василисой тоже могут принимать участие в таком серьёзном деле как рыбалка — и дружно свалили за добычей.

К ужину наши мелкие архаровцы припёрли четыре ведра рыбы, которую мы и засолили с мыслью назавтра к обеду наварить картохи и устроить пир горой — в прошлый раз уж больно хорошо получилось! Все шестеро мелких за ужином получили баронскую благодарность и надулись от гордости, как эти... птички такие с пушистой яркой грудкой, название забыла, а интернета посмотреть тут нет, вот блин...

В женском лагере всё оставалось без изменений: готовка, куры, козы и прочая живность... А ещё стирка, о боги. Благодаря стоящей жаре, её было хотя бы немного!

Если позволяло время, мы тоже ходили по ягоду. Огород радовал первыми проклюнувшимися ростками. Выкопанные с бабушкиной дачи саженцы-кусты тоже вроде прижились, хотя и не поняли, почему приближающаяся осень внезапно сменилась началом лета. Лица, конечно, с ними поработала, но сказала, что урожая от них в этом году ждать не стоит, пусть спокойно акклиматизируются. Ну и ничего, лишь бы перезимовали хорошо.

«Лица переведённые в зависимое состояние» рыли погреб, чтобы было нормальное

прохладное место для продуктов.

О! Чуть не забыла! Ещё веники! Мы сильно ждали баню и готовили берёзовые веники с прицелом на весь долгий год.

После ужина Валя торжественно продемонстрировала Воле целый ряд пол-литровых и литровых баночек с земляничным вареньем, предназначенных для отправки «за бугор». Оставалось сообразить: как их ловчее доставить. Из возможных вариантов был всё тот же огромный Вовин рюкзак или садовая тачка.

Я вспомнила «сюрприз» и представила себе, как лихо мы будем смотреться: я у Вовы на плечах, и он несётся сквозь лес с тачкой наперевес... Или ещё круче: я сижу в тачке в позе коровы в бомболоке, и мы со свистом рвём ночной воздух... Фу блин... Однако Вова тачку отмёл, заявив, что прыгать через речки с ней неудобно. Мама дорогая, ещё же речки!

Пришлось все баночки тщательно упаковать в полотенца и взять с Вовы обязательство прыгать максимально мягко.

Степан задумчиво почесал бороду:

— Сундук тебе надо вместо рюкзака. Короб ли. С ремнями. Тогда можно будет и банки, и что хошь таскать. Сеном проложил, чтоб не скакало, не брякало — и вперёд. Иль войлоком.

— На спине, наверно, давить будет, — запереживала я за мужа.

— Можно подкладку пришпандорить. Поролон подложить, овчину... — Степан очевидно загорелся идеей.

— Реально, можно попробовать! — Воле по ходу идея сундука тоже понравилась, — Во-первых, выигрыш в объёме. Во-вторых, заказы среднего размера, которые мы будем получать — не в руках же их тащить? А каждый раз телегу гонять тоже резона нет.

— Во-от! И я говорю!

Мужики подтягивались, высказывали свои гениальные идеи.

Понятно, закипели инженерные мысли. Главное, чтобы сундук не превратился в боевой ланкрский нож*.

**Изобретение Шона Ягга из вселенной Плоского мира сэра Терри Пратчетта, штука настолько многофункциональная, что переплёвывала любой навороченный мультитул на порядок.*

Я заглянула в тетрадку для записи всяких нужных вещей, не обнаружила ничего нового и пошла купнуться перед вылетом.

А БЛОГ ПОЛУЧИЛСЯ ХОРОШО...

Новая Земля, Иркутский портал — Остров-острог, 17 числа второго месяца 0001 года // СтЗ, в Иркутске вечер второй субботы августа

Как там Тютчев писал? «Но далёко в область ночи день объятия раскинул...» Вот уж точно. В одиннадцать Вова скомандовал отбой, хотя небо было всё ещё густо-синим, а не чёрным, а лагерь казался сумеречно-серым. Но в лесу нас сразу же обступили чернильные тени. Меня, надо поправить. Вовка в темноте видит почти так же хорошо, как днём. Всегда так было.

Ночной лес меня немного пугал. Нет, до усрачки пугал, на самом деле. Но муж мне заявил, что никого страшнее него в этом лесу нет — и я как-то сразу поверила и

успокоилась.

— На шею сядешь?

Я внутренне содрогнулась:

— Только давай без скачков, а? Боюсь глаза повыколоть...

— Ла-адно, — кажется, это нотки разочарования?

— И про варенье не забудь! Побьём банки — девки нам не простят.

— Я буду нести вас нежно, как пушинку!

— Вас — это меня и банки?

— Да, дорогая!

Юморист, блин.

На подходе к portalу я усиленно вглядывалась в лес — но так и не увидела ни огонька.

Portal на фоне бархатно-синего неба светился, как монитор. То что он не привлекал мошкú и комарьё со всей округи, я могу объяснить только божественным вмешательством.

С той стороны происходило что-то интересное. По крайней мере, я видела большую доставленную повозку и наш грузовик, в которых стояли несколько парней в форме и бодро перегружали пиломатериалы. Ага. Мирон и Лёня как-то наладили взаимодействие. Хотя — что тут удивительного? Они же утром наверняка друг друга видели.

Лёня, Мирон и все наши новенькие сидели за столом, чаёвничали. Идиллическая картинка. Ну как не похвалить?

Все три новых пары, что характерно, оказались чисто якутскими. Не потому что националисты или ещё что — просто, так совпало. Они мне потом переписали на листочек свои имена (ну, боялась я напутать): Куряковы Мичил и Туяра, Бойдоевы Буотур и Уйгуна, Делгеевы Эрсан и Сардаана. Вот такие новобранцы.

При виде нас Лёня подорвался почти по стойке смирно, протягивая Вова мультифору с вложенными бумажками. Вова сгрузил на лавку рюкзак, всем кивнул, взял бумаги, поручкался со всеми сидящими с нашей стороны мужиками.

Ну, что там? Мне тоже интересно.

Перечень купленного, в табличке, с ценами, всё посчитано. И чеки все пришилины. Неплохо. Вова покивал, отсчитал нужную сумму.

— Остальное завтра, так же в шесть. Успеешь?

— Воскресенье... Хотя чё там — с утра всё работает. Успею. Кроме рам! Рамы заказал — будут через три дня только.

— Нормально.

Мне не терпелось узнать:

— Лёня, с блогот-то что-нибудь успели?

— Я пока по городу носился — мама начала. Я уже объявления на досках повесил — там и там, — Лёнька махнул рукой.

— Вапше красиво получилось! — Кадарчан вставил своё веское слово.

— Мы с ноутбука заходили — хорошо смотрится, — пояснил Мирон, все одобрительно покивали.

Ноутбук обнаружился тут же, на лавочке — и даже открытый на нужной нам вкладке.

Под длинной шапкой с панорамным видом нашего острова и обрамляющих его окрестностей висела стилизованная под средневековые надпись: ЗЕМЛИ БЕЛОГО ВОРОН. с завитушкой в конце — Коле нарисовал, специально для блога; рядом герб — белый ворон

на лазурном поле и... надо же! Наша с Вовой фотография — должно быть, где-то в соцсетях выкопали, с ролевой игры — в парадном: у Вовы камзол с кружевами, я в бальном платье... Мы переглянулись. Муж вынес вердикт:

— Ну, неплохо.

— А ниже что-то уже есть? — я сильно переживала за своё дистанционное детище.

Так-так... Манифест, заметка о климате — рядом сканы рисунков. Картинки с пляжем и с ягодами... Ой, как хорошо смотрится.

— Мы дома сняли обзор на рыбу, — Лёня достал телефон, показал фрагмент, — обработать времени не было. Я остатки сюда привёз, хотел типа дегустацию провести. А тут ребята.

— Да, мы с удовольствием продегустировали! — мечтательно произнёс Максим. Остальные бурно согласились.

— Поделили по-братски, — подвёл итог Мирон, — Парням моим тоже попробовать дали. Всё сняли. Очень всем понравилось!

Лёня выключил телефон:

— Я сегодня посижу, обработаю, утреннее тоже — за ночь всё залью.

— Так! — Вова раскрыл рюкзак, — Вот тот пустой поднос подвиньте, пожалуйста, — выгрузил три литровых банки с вареньем и подвинул Мирону, — Во-первых: это вам. Варенье земляничное, — он затянул вязки рюкзака и переставил его через срединный бортик, поближе к Лёне, — держи. Одна банка — вам, на пробу.

— Тоже дегустацию снимите, за чашкой чая, — предложила я, — Остальное — на реализацию. Там я бумажечку положила, всё расписано.

— Понял.

Хороший парень, понятливый.

— Ты перегрузи, чтобы нам рюкзак сразу забрать.

— Ага!

Лёня попробовал поднять рюкзак и тихо крякнул.

— Погоди! — Мирон попытался его остановить, — Я парней в помощь позову.

— Да ничего, я сам! — Лёня примерился, подсел под рюкзак... Вот сразу видно в человеке борцовское прошлое. Вроде и не высокий, и не сильно крупный, а вес осилил!

Мужики начали передвигать лавки, чтобы устроить совет. С той стороны остался один Мирон, а с этой — аж семеро, вот они и ставили лавочки уголком, чтобы ловчее видеть друг друга. Большой хозяйственный хурал начался, а я отвлеклась на разгорающийся у фургончика МФЦ скандал. Точнее, наверное — семейную сцену.

ЧТО-ТО ЗНАКОМОЕ...

Высокая, ухоженная женщина кричала пытающемуся её удержать мужчине:

— Серёжа, ты что — не понимаешь?! Что значит — успокойся?! Он ушёл, Серёжа!.. Навсегда!..

Он пытался поймать её руки, обнять:

— Эля, Элечка, но что же мы можем сделать? — она зарыдала и уткнулась ему в грудь, комкая в руках лист бумаги. Что-то мне показалось подозрительно знакомым...

— Милый, я до МФЦ отойду, не теряй, — предупредила я мужа.

— Хорошо, любимая.

К дверце фургончика приделали звенящую висюльку из трубочек, как в некоторых

магазинчиках. Нахохлившаяся дежурная встрепенулась, и тут же заполошно всплеснула руками, глаза её округлились:

— Это вы! Погодите! Не уходите! — она вылетела из фургона, забыв прикрыть дверь.

Ладно. Не буду.

Я присела на стул рядом с широким, разделяющим миры столом. Не прошло и двадцати секунд, как в приоткрытую дверь вбежала давешняя женщина. Губы, нос, веки её были припухшими от слёз, кожа, как это бывает у очень светлых людей, пошла выраженными красными пятнами. Она воткнулась в разделяющий нас стол и наклонилась вперёд, жадно вглядываясь в моё лицо:

— Это вы привезли письмо моего мальчика?!

Мужчина, вошедший следом за ней, добавил:

— Добрый день! Простите нас, пожалуйста. Мы были уверены, что сын с друзьями отдыхает на Байкале, так что для нас это известие стало шоком.

Да уж понятно, что не рождественской открыткой. Дежурная заглянула в фургончик, деликатно решила не входить и прикрыла дверь снаружи.

— Добрый день! Да, мы привезли — я и муж. С вашим мальчиком всё в порядке. Да вы садитесь, поговорить же, наверное, хотите?

Я смотрю на неё — как это называлось у Пратчетта: вторым зрением? Не злая. Не дурная. Очень умная. Очень амбициозная и немного холодноватая женщина. Она мечтала о карьере для своего мальчика. О его успехе. Вкладывалась в будущее сына по полной программе. Единственного сына, кстати. О, вообще единственного ребёнка! Им обоим (сыну и матери) повезло, что её представления о ступеньке к удачной карьере совпадали с его пламенной страстью — рисованием.

Женщина достала из сумочки рисунок — не смятый! — бережно провела по нему пальцем:

— Скажите пожалуйста, что это?

На рисунке — Коле. Он кажется таким живым, словно вот-вот заговорит. Смотрю на точку рядом с элегантным, покрытым гель-лаком ногтем.

— Вы имеете в виду уши? — эльфийские заострённые уши. Как у всех наших эльфов.

— Да.

Ей, пожалуй, будет трудновато это принять.

— Видите ли, ваш сын очень хотел быть архитектором, — две пары глаз напряжённо впились в меня; конечно — я вовсе не открыла им Америку! Америка будет сейчас, — Но ещё больше он хотел быть эльфом.

Вы когда-нибудь видели «снег» в старом ламповом телевизоре? У меня было полное ощущение, что в мыслях у обоих родителей Коле происходит то же самое.

С минуту они молчали. Потом отец спросил:

— Извините, вы хотите сказать: это — не бутафория? Он сейчас... вот такой?

Я немного оскорбилась:

— По-моему испытывать ксенофобию по отношению к собственному ребёнку — это слишком!

— Нет-нет, ни в коем случае, что вы! Просто это... очень странно. Необычно.

Мать молчала. Она смотрела на рисунок, слегка сдвинув брови. Я думала, что она снова заплачет, но нет — сдержалась, бережно сложила рисунок в сумочку, извинилась, высморкалась...

— Коля... он пишет, что вы их спасли, верно?

— М-м-м... Если вы посмотрите новости за одиннадцатое августа с пометкой «Иркутский портал», то мне не придётся пересказывать эту ужасную историю. Правда, мне не хотелось бы. Сейчас всё нормально. Ребята с нами, в безопасности. По крайней мере, я думаю, что на территории радиусом в пятьсот километров вряд ли найдётся более безопасное место. Вы, кстати, можете увидеть наш посёлок. Там, на доске объявлений, есть адрес нашего блога. Сегодня в нём размещены первые статьи. Коле сделал для него шрифт и главную надпись, значительная часть рисунков и иллюстраций — его.

Они слушали меня, как пророка, даже неудобно, честное слово.

Эля комкала платочек.

— Вы так странно произносите его имя.

— Кóле? Полное имя — Колегальв. Это эльфийское. Он вам не говорил?

Она всё-таки заплакала. Пятна на щеках стали ярче:

— Извините.

На столе рядом с моей рукой появилась маленькая огненная саламандра. Она смотрела на женщину сквозь невидимую стену миров и задумчиво шевелила хвостом.

Эля (Эльвира, видимо) замерла с рисунком в руках.

— Что это?..

— Кто. Это — огненная саламандра, помогающая видеть и целить души. Подарок Лели, богини весны. И она сожалеет, что не может вам помочь.

Саламандра выпустила струйку огня, которая достигла границы между мирами и размазалась по ней огненным пушистым кружком.

Эльвира потянулась к маленькому пламени... остановилась... подняла на меня глаза:

— Скажите, я... мы когда-нибудь сможем его увидеть?

— Конечно! — я немного подумала, — Если не будете закатывать ему истерик, конечно. В этом случае мы будем категорически против. На самом деле, я думаю, что лучше начать с письмá. Нескольких писем, чтобы успокоиться и привыкнуть к новому положению дел. Подумайте, что вы хотите сказать своему мальчику, чтобы он захотел написать ещё одно письмо. Я же вижу, что он скучает. Он ведь первый, кто решился написать домой... — я перевернула руку ладонью вверх, и саламандра спряталась в ладошку, — Мы приедем завтра, в это же время.

Эля задумалась, словно ушла в себя.

— Извините, — ну очень интеллигентный папа... — А вещи мы сможем передать?

— Если немного — без проблем.

— А если много?

— Тогда нужно заранее договариваться, чтобы мы были с повозкой.

Дверь фургона открылось, заглянул муж:

— Любимая, ты скоро?

— Милый, зайди на минутку! Познакомьтесь, пожалуйста: это барон земель Белого Ворона, Владимир. А это — Эльвира и Сергей, родители Коле.

— Очень приятно, — по виду Вовы сложно было сказать, что ему так уж приятно, и Эля с Серёжей проямлили ответную любезность несколько неуверенно.

— Вы нас извините, — как могла дипломатично выручила я, — Нас уже ждут. Не забудьте про блог. Всего доброго.

А на улице...

Офигеть, что они тут нагородили! Хитрые товарищи МЧС-ники, не имея в запасе живых лошадиных сил, но отметив лёгкость, с которой наш барон обращался с большим фургоном, решили воспользоваться его даром. Вова мне похвастался, что они уже успели всячески поэкспериментировать на глазах у любопытной публики, и — конечно же! — он произвёл очередной фурор.

И вот теперь к нашей гружёной телеге за (оказывается) имеющийся фаркоп был прицеплен фургон. Не такой большой как наш, но тоже вполне ничего себе.

За ним, таким же макаром, фургончик поменьше.

За ним небольшая телега, метра два на четыре, гружёная каким-то скарбом, прикрытым тентом и привязанным верёвками.

А за ним, как самая маленькая матрёшка — чудо военной инженерии! — полевая кухня!!! Вот это — моё почтение — масштаб мысли! Красавцы! Я была в полном восторге, но когда муж мне сказал, что маленький, обшитый деревом фургон — это, оказывается, передвижная баня, я поняла, что до этого восторг был совсем не полный, а вот теперь!..

Лёня стоял недалеко от границы, на случай если будут ещё инструкции.

— Ой, Лёня! Я совсем забыла! Нужно вывесить предупреждение, что в окрестностях портала бродит банда бомжей, на нас в прошлый раз пытались напасть.

— И что, чем дело кончилось?

— Да... Двое отправились летать, остальные разбежались. Но об этом лучше не писать, я думаю.

— Понятно.

— Ты ещё, знаешь,ними, как Вова поезд потянет! Должно получиться впечатляюще!

— Точно, щас настрою! — Лёнька побежал выбирать позицию.

— Пока! Маме привет и всем домашним! — крикнула я ему в след. Судя по всему, Вова сейчас скамандует выдвигаться. Ну, точно!

16. ВОТ ЭТО ПОДАРОК!

ПРОГУЛКА С ПОЕЗДОМ

Мы вышли из круга равного времени (полукруга, конечно, но так быстрее — редукция, понимаете, штука *такая*) в сумрак раннего предрассветного утра. Остро пахло лесом и было свежо. Холодно даже! Якутским-то ничего, они вообще к холодам привычные. У нас парень с Якутии в институте учился — так он всю зиму в осенней курточке ходил, иногда ещё и нараспашку. «Тепло у вас!» — говорил. А я вот по жизни шибко мерзлявая, ещё и не подумала, что обратно в четыре утра топать, свитер не взяла. Хорошо, девчонки поделились. Ещё немножко спасало подпитывание от земли, но ненадолго. В итоге я сделалась очень бодрая и очень замёрзшая.

Муж посмотрел на мои клецанья зубами и спросил:

— Любимая, а ты не хочешь залезть в фургончик? В большой или в баньку, например?

Они внутри тёплые, весь день же под солнцем стояли.

Ну, нет! Энергия из меня сейчас так и пёрла, не до сидения в запертой клетушке!

— Если я буду сидеть, меня порвёт на сотню маленьких медвежат*! Мне наоборот сейчас охота побежать, заорать!

**Изящная (я надеюсь) отсылка*

*к советскому мульту про Маугли,
серия про бандерлогов.*

— Тогда пойдём бодро! На ходу будешь греться.

— Вот! То, что доктор прописал!

— И можешь даже поорать.

Люблю его, блин! И ценю! Особым пунктом — за то, что он снисходительно прощает мне мои закидоны и придури. Я потихоньку подкачала энергией и его тоже — всё ж таки ночь не спал — и мы рванули с места бодрым аллюром.

В сумеречном утреннем лесу было тихо, только изредка перекликались ранние птицы. Но не успели мы пройти и ста метров, как Вова вдруг затормозил, бросил телегу и углубился в лес. Метрах в десяти от дороги он остановился, уперев руки в бока и что-то разглядывая. Любопытная я побежала за ним.

— Ты что тут... — я хотела сказать «нашёл», но язык не повернулся. На небольшой полянке расплзалась вонючая мусорная куча. Особенно много было бутылок — и стеклянных, и полиэтиленовых полторашек от самого беспонтового пива, — Вот уроды... — только и смогла сказать я.

— С-с-с-скоты, бл**ь, — ощерился Вова, — Найду — изувечу!.. Пошли!

Я топала по дороге и думала. Мало того, что эти козлы ударными темпами загаживают окружающий лес! Каждая бутылка — это же дополнительная опасность пожара. Непонятно? Изогнутое стекло — фактически, линза. Удачный луч солнца — и всё, сухая трава уже горит. А вы думали, это специальные диверсанты поджигают лес во множестве мест по весне? Конечно-конечно...

Вова пёр вперёд как паровоз. Я, переполненная энергией, бежала за ним, не отставая. Наши новопоселенцы растянулись вдоль поезда, потихоньку смещаясь к полевой кухне.

Спустя сорок минут форсированного марш-броска Максим, ещё в самом начале перевьючивший на себя слинго-рюкзак и посадивший сына на шею, ускорился и догнал

Вову:

— Командир! Женщины устали. Может, привал? Хотя бы минут на десять...

Вова остановился, длинно провентилировал лёгкие. Максим выжидательно смотрел на него. Лицо у него покраснелось, из-под кепки по вискам стекали капельки пота. Вова тоже сдвинул кепку на затылок:

— У тебя в фургоне место есть? Посадить их?

Максим кивнул:

— Влезут.

— Так, грузим женщин в фургон. Любимая, ты как?

— Не-е-е, меня до сих пор прёт. Перестаралась я. Наверно, сёдня до вечера носиться буду.

Вова удивлённо покачал головой. Ещё бы! Обычно я — черепашка. И даже не ниндзя. Просто.

Девушки подходили к фургону. Стремление не отстать, действительно, изрядно их умотало. Я посмотрела, с каким кряхтением они забирались в набитую вещами повозку и измученно притыкались к кулям — и мне стало стыдно. Вот уж точно: сытый голодного не разумеет! Я запрыгнула на подножку:

— Девочки, дайте-ка мне руки, по очереди!

Между прочим — очень приятно, скажу я вам, смотреть, как лицо твоего пациента на глазах свежеет и уходят морщины усталости! И вообще я люблю, когда меня благодарят!

— Максим, пупсиков своих давай сюда!

— Да я нормально.

— Не спорь с кельдой. Детям спать надо, пусть хоть немножко возьмут.

Мелкая Аришка возмущённо закряхтела, да и пацан, которого, оказывается, звали в честь деда, Мироном, тоже не хотел уходить от отца, но я шепнула обоим: «Спать!» — и Марина с благодарностью устроила их на вытянутом из тюка одеяле.

Мужики, избавленные от необходимости поддерживать женщин, вздохнули с облегчением и прибавили ходу. Вот лоси!

Солнце как раз взошло, прорёзав лес бесчисленными золотистыми полосами и разбудив множество птиц; навстречу солнечным лучам в подлеске раскрылись целые поля саранок, источающих нежный сладковатый аромат — так что остаток пути мы прошли в весьма романтической обстановке.

Класс! Обожаю гулять с мужем по лесу, даже если он тянет за собой поезд!

ОБНОВКИ И ГОСТИНЦЫ

На острове у брода происходило какое-то движение.

— Что там, Милый?

Муж прищурился:

— Лика. Похоже, колдует над орешком мэллорна.

Как только наш поезд выдвинулся из леса, из тени деревьев рядом с Ликой выступила ещё одна фигура и помахала нам рукой.

— Глёрдан. С гитарой.

Экспериментируют с музыкой? Кто знает, в прошлый раз эльфы пели — мож, и вправду помогает? Вода донесла резкий свист. Нам? Нет, там, по ходу целая кодла караулит. Вон, выползают, машут! В лагере, заслышав свист, радостно заорал петух. Вот скотина! Люди могли бы ещё минут сорок спать!

Вова вытянул поезд на берег и остановился.

— Всё, расцепляемся!

Из фургона выбирались придремавшие женщины. Все новенькие с жадностью всматривались в свой будущий дом.

Вот так, ребята, как жизнь-то иногда внезапно поворачивает, нежданно-негадано...

Мои философские рассуждения прервал разнёсшийся над заливом азартный визг вылетевших из-за кустов юных индейцев. Ну точно — разбудил весь лагерь петушара позорный! Они едва не снесли Глирдана, торопливо поднявшего повыше гитару, поднимая тучи брызг, пронеслись по мелководью и наперегонки поплыли к нашему берегу. На несколько минут стало потише, только плюхи разносились над водой.

Между тем берег с той стороны наполнялся людьми. Мужчины что-то, видимо, переговорили между собой и тоже пошли переходить брод.

Вова, посмеиваясь, следил за пловцами. Вот они достигли совсем уж мелкой воды, повскакали на ноги, и побежали, высоко задирая колени и пыхтя.

Вова приосанился и принял серьёзный баронский вид. Мокрые индейцы выскочили на берег. Серёга оказался первым. Он добежал до Вовы и вытянулся солдатиком, остальные, толкаясь, построились шеренгой.

— Господин барон! За время вашего отсутствия никаких происшествий в посёлке не случилось!

Вова с серьёзной миной пожал пацану руку и специальным командирским голосом сказал:

— Молодцы! — а потом обычным, — Дед научил?

— Ага!.. То есть — так точно, господин барон!

— Назад на кóзлах поедете. Вольно!

Настоящие индейцы умчались обживать указанные насесты. Новенькие смотрели на эту сцену с некоторым изумлением. А из воды уже выходили... ну пусть не тридцать три богатыря, но всё же. Кадарчана с Ильёй встречали уже как старых знакомых, с новенькими знакомились, рукопожимались. Я уже говорила, да, что у мужчин это сильно длинный ритуал? Очень древний, наверное.

Ну вот. Короче, мужики рассмотрели, что кроме больших есть и маленькие повозки, и решили впрячься гуртом, чтоб быстрее было. И потом всё-таки опасение было, что такой поезд течением начнёт сносить.

Я посмотрела на толпу мужчин, решила, что моя бесценная помощь тут вовсе не нужна и сблатовала баб переправиться налегке, посадив малышей на плотик. Несмотря на утреннюю прохладу, вода была довольно тёплая. Красота!

На нашем берегу нас встречала расширенная женская группировка. Матриархи баба Галя, Света и Валя немедленно выстроились в очередь понянчиться с малышами. Поскольку женщин было трое, а детей двое, мгновенно образовался дефицит. Думается мне, что сегодня Марина наконец-то отдохнёт.

Наши замечательные мужики умудрились переправить транспорты в один приём! Большую телегу всё-таки обратно соединили с бóльшим фургоном. Этот маленький поезд тянул, конечно, Вова, четверо страховали. Маленькую гружёную телегу, баньку и полевую кухню остальные распределили между собой. Ну молодцы же?

А потом мы разбирали грузы. Надо было видеть эти лица! Никакие подарки под ёлкой не идут в сравнение!

Во-первых, баня. Баня — это просто прекрасно! Она, конечно, небольшая — зато полностью укомплектованная, с печечкой, баками для воды и всё такое прочее. Можно теперь судорожно не метаться между целями, а сосредоточиться на первых: острог и мост. А что касается пропускной способности — расписать очередь на неделю, чтоб сутолоки не было — и вся недолга!

Во-вторых, в бане обнаружались сюрпризы: целая куча защитного цвета тюков, красных и чёрных сумок и коробок, которые (вот всё это вместе) при ближайшем рассмотрении оказались палатками с пометками «Рособоронснаряжение». Четыре здоровенных двенадцатиместных палатки! Не низеньких, как туристические, а полноценных, в которых можно ходить в полный рост — два с половиной метра в коньке. Внутри была предусмотрена конструкция для деления на боксики. Тряпочные, правда, и всё же. Двенадцать крохотулечных спаленок в каждой палатке! Две печки, удобные двери без дурацких молний, укреплённый противоснежный каркас. И окна, ребята, окна, аж восемь штук! Проживание до минус пятидесяти! Охренеть! Палатку в сборе могут переносить два мужика. Сильно. А когда Максим сказал мне, что где-то там уложены ещё и кровати для этих палаток, я вообще впала в экстаз (фигурально выражаясь, конечно)).

Это же просто песня! Вы понимаете, что появление пусть и временного, но жилья решает половину наших текущих проблем с размещением народа ну просто автоматически! Я не могу перестать ставить восклицательные знаки! На совсем крайний случай в этих палатках можно даже уйти в зимовку и таки не особо мёрзнуть!

Немедленно нашлась инициативная группа товарищей, захотевших собрать «ну хотя бы одну палатку». И они ведь её собрали, минут за двадцать — до полного товарного вида! И её реально можно таскать в два лица — без печек внутри, конечно.

Парни немедленно захотели в ней жить. И быстренько собрали вторую, поскольку все вместе в одну не входили. Теперь обиделись девочки, так что срочно пришлось собирать и третью палатку, девчачью. Все незамужние наши девки (и женщины, и даже девочки) ровненько вписывались в эту палатку (конечно, с учётом того, что Андле категорически хотела продолжать жить в шалаше).

Все, конечно, хотели посмотреть: что за кровати спрятаны где-то вот тут? — и полезли их искать. Если честно, я бы сразу и не поняла, что прямоугольный десятисантиметровый фанерно-трубковый сэндвич габаритами девяносто пять на шестьдесят пять сантиметров — и есть кровать, если бы их не было так много. Упаковки были упрессованы в телегу, накрытую тентом, между ящиками с тушёнкой и сгущёнкой из госрезерва. Вот Мирон — красавчик! Угодил так угодил! И конечно, к каждой кровати прилагался шикарный холлофайберовый спальник, разворачивающийся в двуспальное одеяло. На ярлычке спальника было написано: комфортная температура до минус одиннадцати. Но ведь их предполагалось использовать в отапливаемых палатках! Шикарно, просто шикарно!

— Тарщ командир! — мы с Вовой наблюдали за сборкой третьей палатки, когда подошёл Максим, — Там в фургоне ещё маленькие палатки, их куда?

Ещё сюрприз!

Маленьких палаток оказалось десять штук. Парни буквально за пять минут собрали образец. По сравнению с первыми палаточки были реально маленькие — максимум на пятерых, если по полу в спальниках разложить. Но если ставить печку, то на троих. А если порядочно поставить две кровати и тумбочку, ну или там столик — да просто барахло сложить! — то уже на двоих.

Вова велел расселить в них семейные пары — и дело с концом! Действительно — почему нет? По сравнению даже с лучшими нашими туристическими они выигрывали. Во-первых, всесезонные и сразу с печкой. Во-вторых, высокие, в полный рост. Да там полно ещё пунктов было, если перечислять: не промокают, нормальная дверь, два окошечка и даже москитная сетка в комплекте. И для семейных пар всё-таки уединение, очень уж мне не хотелось их в большую палатку кучей селить.

Жилья (пусть и временного) было у нас теперь даже с избытком!

Кто-то метко ляпнул, назвав маленькие новые палаточки малосемейками. Народ сразу начал ржать, что большие тогда — общаги. Так и зацепилось в итоге.

Ещё (с сопроводительной запиской) нашлась предназначенная для нас двухкомнатная палатка, нечто среднее между этими двумя по размеру. С другой стороны — у нас же был ещё фургон.

Ой, с фургонами этими вышла дискуссия...

Судите сами. Вот есть большой фургон. Ну, как большой — внутри комната три с половиной на пять с половиной метров. Но за неимением других построек он кажется довольно таким большим, тем более, что на колёсах — возвышается. И вроде как по статусу нам — барону и баронессе — положено *кагбэ выделяющееся* жильё. И всё бы ничего, если бы не мама. Мне было пипец как неудобно: я буду жить в домике, а мама моя — в палатке-общежитии. Однако, стоило мне заикнуться, я услышала в ответ:

— Ну, вот ещё! Я теперь молодая! Я хочу с людьми, а не как бабка старая, да ещё чтоб надо мной тряслись! И вообще бабушкой меня не зовите! — и всё это на пять минут с вариациями на тему.

— А как звать? — спросил Вова, дождавшись, наконец, паузы.

— Просто зовите «Галя».

— Путаница будет, — проворчала я, — Галя да Галя.

— Тогда — Гуля. А то все по именам и одна я — бабуся! Не хочу!

— Не «Гульчачак Нугмановна»? — уточнил Вова.

— Нет, Вовочка, просто «Гуля».

— Тогда и вы, дорогая тёща, меня на людях зовите не «Вовочка», а «господин барон». А то, понимаете ли, роняете мой авторитет в глазах общественности.

Наша молодая бабушка посопела.

— Ладно, договорились!

Надо было видеть, как торжественно они пожали друг другу руки! Договор о дружбе и сотрудничестве на высшем уровне, блин. Любая встреча в верхах отдыхает.

Васю я тоже в фургон забирать не стала. Ну как? Все обживают новую прикольную палатку, сейчас будут ставить интересные раскладные кровати, всем уже раздали спальники с леопардами и снежными барсами — и вдруг сказать, что всё веселье пройдёт мимо неё? Все дети — с народом, а она — нет? Несправедливо будет. Так что — пусть.

— Ну что, милый: в фургон заселяемся или как?

Вова, прищурившись, оглядел царящий вокруг нас бедлам. Туристические палатки сворачивались. Кто-то собирал вещи. Кто-то куда-то бежал. Было шумно и почему-то весело.

— А ты бы сама как хотела?

— Честно — в фургоне. Там нормальный стол, шкафы, и топчан... — очень хотелось захихикать, — очень крепкий...

— Вот ты какая, а!..

— Ну что?.. Хоть закрыться нормально можно. Ломиться же будут к нам без конца!

— А палатку под что определим? Или пусть сложенная лежит?

— Да можно и поставить. Типа дежурной совещательной комнаты. Туда правда сильно много народу не войдёт.

— Человек двадцать-тридцать спокойно войдёт, — Вова что-то прикидывал, — Посмотрим. Потом поставим лавки, а может и столы.

Макс, кстати, тоже сильно выступил. Хотел с семьёй прописаться в малосемейку — типа как все. Но Вова сразу сказал, чтоб он не трахал людям мозги и нормально заселялся в фургон. Ну правда, с двумя малышами — куда в палатку-то? Ладно бы ситуация безвыходная была! Артист, в общем...

Дальше я убедилась, что написанное в сопроводительных бумажках относительно таскания большой палатки двумя мужиками — чистая правда. Феерическое было зрелище, когда люди с палатками по команде барона начали перемещаться так и сяк. Танец маленьких домиков! Мы пытались придумать, как будет удобнее расположить палатки, чтобы рядом, и не сильно кучно, и удобно... Каждый высказал мильён соображений, разве что Акташ молчал, и ему сразу всё нравилось. Строились мы влево от кухни (если глядеть на план острога) — или на запад, если так понятнее.

В конце концов получилась пятиметровой ширины улица, входами к которой с южной стороны выстроились: наш фургон, совещательная палатка, три больших палатки и меньший фургон Максима. Это если справа налево смотреть.

С северной стороны ровным рядком через двухметровые промежутки стояли малосемейки. Сразу стало похоже на военно-полевой лагерь и довольно симпатично.

А дальше «Он сказал: «Поехали!» — и махнул рукой»*.

**Древняя, можно сказать, песня про Гагарина.*

Про того, который космонавт.

В смысле — Вова велел парням выгружать кровати и расставлять в палатки. А девок послал распределить спальники. И всем заселяться.

Я смотрела, с какой детской радостью мой клан растаскивает обновки, и чувствовала себя еврейской матерью. Еврейскую маму всегда радует, когда дети тепло одеваются и хорошо кушают. Кстати, а не пора ли покушать? Со стороны кухни давно уже расползались такие ароматы, что я начинала непроизвольно глотать слюни.

ЕЩЁ ПОДАРКИ

На завтрак были сырники со сметаной. Боже мой, какая вкуснятина! Валя готовит всё лучше. Как бы исхитриться и сделать так, чтобы она всё время готовила? Хотя, вроде бы, она даже находит в этом своё удовольствие — иначе стала бы она каждый день печь пирожки на такую ораву?

После завтрака Вова дал всем час на обживание палаток; и пока народ был занят, мы наконец получили возможность продолжить разбираться с заказами и подарками в атмосфере, меньше напоминающей цирк.

Валя получила полевую кухню, и только что не обнималась с ней, периодически начиная лихорадочно читать инструкцию. Почему-то мне кажется, что тут никаких проблем не будет.

В подаренной телеге (что само по себе уже неплохо) помимо складных кроватей было восемь ящиков армейской госрезервной тушёнки, плюс ещё по четыре ящика сгущёнки,

сайры в масле и шпрот (что меня несказанно порадовало — нашего любимого рыбколхоза «За Родину!»). Потом ещё были упаковки, как из армейского сухпайка: мясо с овощами, солёный шпик в баночках, паштеты, яблочное пюре, гречка с мясом, кабачковая икра. Ладно, Валя разберётся. В конце концов, нам ещё и этих, блин, невольников кормить. Всё в дело пойдёт. Так, что там дальше? Несколько коробок шоколада и конфет. Шесть кулей сахара. Мешки с гречкой, макаронами и прочей разной крупой. Спички. Розжиг для костра, много.

О, боги! Большие кастрюли для столовой! И сковородки! И формы для хлеба! Какие молодцы! И туалетная бумага, четыре коробки. Очень предусмотрительно.

Ещё коробка с перевязочными материалами, жгутами, антисептиками. Большая аптечка. Хм. Ладно.

Я было подумала, что аптечка — лишняя, но по зрелом размышлении рассудила, что вовсе нет. Ведь может так случиться, что меня не окажется рядом. А если травма? Отравление? Лихорадка? Так что — пусть будет.

Через полчаса Вову пришли звать, чтоб принял две мужеские общаги. Ну, как всегда — девки копуши, за час бы хоть управились!

Если, по моим подсчётам, в женской палатке все места должны быть заняты, то у мужиков вышло попросторнее (в каждом общежитии две-три койки пустовали), и перемешались они изрядно. Получилось нечто среднее между геологической партией и пионерским лагерем. Эльфы расселились между прочими совершенно хаотически, и это было хорошо; почему-то мне казалось неправильным выделять их пока что в отдельную диаспору. Пусть лучше так: дружба народов, один за всех и все за одного и всё такое.

У девчонок в общежитии было довольно плотно, зато на стенке у входа уже висела парочка симпатичных картинок с цветами, а вдоль центрального прохода была расстелена пёстрая вязаная дорожка. Уют, ё-моё!

В малосемейки поселились сёмьи: Стёпа с Валею, Галя с Кирей, Лёха с Дашей, три новых якутских пары и в седьмую — Андрюха; скоро же должна Аля приехать — ну вот, пусть уже обживает.

Три маленьких палатки оказались свободны. Одну сразу же забили запасными складными кроватями и спальниками, вторую — привезёнными консервами, крупами и прочим, а в третью сгрузили все туристические палатки и спальники, которые сейчас не использовались. И новящие большие кастрюли. До поры. Валя смотрела на них и вздыхала. Кастрюли были подозрительно тяжёлые, и заглянув внутрь, мы обнаружили стопки глубоких и средних тарелок (или, скорее, мисок), ложки, вилки, а в другой — кружки. Всё стальное, завёрнутое в бумажечки. А вот это мы сразу возьмём! Чего ждать-то?

Из большого прицепа с нашим заказом мужики выгрузили два водогрейных титана. Поставить их пришлось пока прямо на улице, с краю нашей кухни, под сенью огромных сосен. Там сухо, дождём не должно мочить. Мы с девчонками немного помечтали — как оно будет, когда мы построим капитальную общую столовую, с большой кухней, настоящими печками и чтобы столы стояли рядами... Ничё! Всё у нас будет!

Пока женский коллектив обустроивался, освободившиеся мужики пришли помочь на разгрузке. Под несколькими листами профлиста (масло масляное, да?) обнаружилась куча кучная всего. В основном там были пиломатериалы, ящики с инструментами, ещё ящики с инструментами, и ещё коробки с инструментами, ящики с гвоздями всяких мастей, бухты каких-то толстенных цепей, металлические чушки, пруты, полосы и хрен знает ещё какие

железяки дляковки в огромном количестве, помеченные непонятными мне циферками и буквами, а иногда не помеченные ничем — как Вова всё это допёр вообще? Мужики и выгрузить-то не всё смогли, часть оставили до прихода барона.

Ещё: связки лопат, несколько тяжёлых мотыг, несколько кирок, топоры, кувалды... Я про себя в очередной раз порадовалась, что мы находимся в гораздо более выгодном положении, чем герои Хайнлайна, для которых проход на новую планету открывался один раз, в день переселения, и на ограниченное время, а потом — только если колония могла оплатить вторичное открытие, поскольку стоило это бешеных средств*. Да... божественная сила в очередной раз бьёт технику.

**Хайнлайн Роберт Энон. Туннель в небе.*

Я улучила момент и сбегала до брода. Так я и думала! Огороженный заборчиком орешек не только выпустил крепкий метровый серебряный росток, на нём уже было несколько веточек, разворачивающих нежно-зелёные, серебристые с нижней стороны листочки. Пока я стояла и тарасилась, деревце подросло на пяток сантиметров и выдало ещё несколько новых листиков. А Лика ничего, даже в обморок не брякнулась. Растёт!

К моменту моего возвращения народ уже рассудил, что барахла изрядно прибавилось, надо бы его прикрыть на случай дождя — и подтягивающиеся граждане активно занялись устройством новых шалашей-навесов.

Наконец-то докопались до второй части наших девчачьих заказов! Большой подвесной плоский бак из нержавеющей стали, с краном. Большая раковина под него. Ура! Мыть посуду в мойдодыре, конечно, удобнее, чем в тазу. Но на полсотни человек уже напряжно.

Хлеб! Уложенные в мешок булки. И такой же куль сухарей! Без нормальной печи, в которой можно было бы испечь хлеб — просто беда. Пирожки, лепёшки — всё не то. Вот хлебная печка — вторая моя утилитарная мечта. Или третья?

Хорошо, когда мечта есть, да? Много маленьких мечт. И их последовательное исполнение будет приводить меня в перманентный восторг, я уже предвкушаю!

Длинные металлические подставки для тарелок и кружек (по три штуки каждой) оказались не на ножках, а с креплениями по бокам.

— Куда ж мы их вешать будем? — растерялась Валя.

— А куда бы мы ставили? — резонно спросила Галина.

— Надо мужикам сказать, чтоб вкопали нам стойки, и к ним прикрутить! Получится типа как шкафчик, даже лучше! — предложила инженерную идею баба Галя... ой, нет, мы же обещали!.. надо так: предложила Гуля.

Ещё было несколько пластиковых умывальников-брыкалок.

— Ну это... конечно... — Света крутила умывальник в руках, подыскивая корректное слово, — ...временная мера...

— Фигня, ты хотела сказать? — усмехнулась я, — Давайте думать, девочки. Нам нужны умывальники, много, чтобы можно было умыться ну если не всем, то хотя бы в два приёма. Ладно, хотя бы в три.

— Как в пионерлагере, что ли? — баба Галя Гуля сморщилась, — Типа такого же умывальника, только много сосков в одной толстой трубе?

— И утром она всегда ледяная, — я поёжилась от воспоминаний.

— Можно как-нибудь придумать, чтоб подогревать, — рассудительно высказалась Даша, — Может, бак?

— Типа титана! — подхватила Света, — До кипятка, конечно, не надо нагревать.

— Пару раз попробовать, потом будет понятно, какая закладка дров нужна, чтоб водичка тёпленькая была, приятная, — это Валя.

— На крайний случай можно же ведро кипятка сверху долить, правильно? Или наоборот — холодной, — Даша.

— И краны поставить нормальные, вентили, вместо этих пипок, — Галя у меня всегда отличалась практичностью, — А от раковин сразу слив предусмотреть, чтоб потом можно было это в помещение перенести. Осенью.

— А что, хорошо должно получиться! — Валентина мечтательно покивала, видимо, уже представляя себе нашу прекрасную умывалку будущего.

— Ну вот, девчонки — молодцы! — похвалила я, — Одна голова — хорошо, а две — мутант! Щас я это всё запишу, пусть мужики окончательно проект дорабатывают. И закажем. А эти фигурьки пристроим куда-нибудь. В сараи или ещё куда.

Пришёл Вова и оборжал нас, заявив, что мы изобрели армейский походный умывальник. Блин.

17. ПОСЁЛОК ОБНОВЛЯЕТСЯ

ЯКУТСКИЕ ВЛИВАЮТСЯ

Фронт работы на сегодня был почти такой же, что и вчера. Из срочного дополнительного: построить по крыльцу к обоим фургонам, начать городить внутреннюю деревянную коробку будущего погреба и по возможности — сколотить хотя бы примитивные столы, чтобы можно было уже садиться за еду, как белые люди, а не кружочками на пеньках. Всё это барон и поручил новым молодым мужикам, отправив их сперва за консультацией к Степану. Таким образом у Стёпы внезапно оказалось четверо новых учеников с уровнем начальный уверенный. Впрочем, он принял этот вызов с достоинством.

Марина (девка, как оказалось, ужасно деятельная) притащила поближе к кухне коляску и корзину с игрушками, и пока старший играл, а младшая спала, вызвалась чистить картошку к обеду. Ну что ж, похвально.

С остальными надо было хоть чуть-чуть познакомиться.

Супруги обожжённых парней при ближайшем рассмотрении оказались совсем молодыми. Самой старшей, Уйгуне, было всего лишь двадцать пять лет, Сардаане — двадцать четыре, а Туяре и вовсе двадцать два. Детей родить пока не успели. Девки все городские, профессии в нашем мире пока малопригодные: переводчик, логист транспортной компании, дизайнер веб-сайтов.

— Уйгуна, а язык какой?

— Английский, японский. Немного — французский. Немецкий совсем слабо, только общие фразы.

— Ясно.

По поводу дизайна у меня тоже были кой-какие мысли, но всё это будет очень, очень нескоро.

— Так, девочки! Будем учиться жить в диком мире. Начнём с самого примитивного — с собирательства, прямо как неандертальцы. Берёте вон тех черномазых, — я показала на отряд юных собирателей, деловито затаривающийся морсом с пирожками, — Или они вас берут... Эй, индейцы! Кто у вас сегодня дежурный?

С некоторого времени мы ввели в детском отряде сменные дежурства; дежурный — он же главный, он же ответственный. Это пресекло препирательства о старшинстве, уме, ловкости и прочих поводах командовать. Дежурили все без исключения, по очереди.

— Ангелина! — крикнули мне сразу несколько голосов.

— Ангелина, берёте с собой троих новеньких. Тару выдать, всё показать. Питьё на них возьмите!

— Хорошо, матушка кельда! — эльфы упорно продолжали меня так называть, и поскольку их было много, обращение потихоньку прилипло и становилось всё более привычным и всё менее странным на слух.

— А нам тоже надо вас так называть? — серьёзно спросила Туяра.

— Есть ещё второе обращение: госпожа баронесса. Любое подойдёт. Отнеситесь к этому, как к званию. Типа: товарищ комиссар.

— Хорошо, госпожа баронесса.

Собиратели ушли, ушла с ними и Андле с Акташем. Для них это стало уже привычным — сопровождать детей. Акташ учился охранять, Андле работала над его думалкой и попутно

помогала собирать ягоду (или рыбу ловить — в зависимости от задания), и самое главное — она была железной страховкой против любых диких зверей.

ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ МЫТЬЯ КОТЕЛКОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ ДЛЯ МЫТЬЯ КОТЕЛКОВ...

Обед Валя по-старому приготовила на костре. Мы, конечно, пытались с ней разобраться с инструкцией к полевой кухне. И не только мы. Собрался наш бабский консилиум, глазели, читали бумажки, но чёт очканули. Ну нафиг, сожжём ещё что-нибудь...

В обед пришли мужики, и мы огласили своё ТЗ по организации умывалки. Макс попросил наш листок с гениальной схемой, почесал в затылке и сказал, что в полевой кухне должен быть тепловой блок. Не такой прекрасный, конечно, как мы сочинили. С умывальником похлипче — но всё же. Для мытья котелков солдатами. Ага... Как оказалось, из всех служивших мужиков он единственный имел дело с полевой кухней КПБМ. Именно нашего типа! И главное — с организацией её работы! Мы вцепились в него мёртвой хваткой, и после обеда он остался — объяснять премудрости Вале, а заодно Маэ, Нари, Элин и Танэ — четырём постоянно помогающим в кухне эльфочкам. Девчонки старательно конспектировали. Марина тоже подошла и заглядывала с любопытством.

— И чего ты стесняешься? — подбодрила её я, — Тем более — муж объясняет! Давай, усваивай науку! Чем больше народу разбирается в теме — тем лучше! — люблю раздавать волшебные пендели.

А я воздержусь, в мою голову столько информации всё равно не влезет. Я взяла ведро и пошла в малинник.

По возвращении к ужину меня порадовали новостями.

Макс собрал и установил «Оборудование для мытья котелков, предназначенное для мытья котелков*, ложек и кружек личным составом роты или батальона в полевых условиях после приёма пищи».

**Временами вот прямо восторгает меня конкретный армейский стиль!*

Аж на двенадцать крантиков. Выглядело и вправду как временное сооружение, но когда у вас нет ничего — и вдруг появляется вот такое вот... Уверю вас, впечатлительные женщины становятся склонны к бурным овациям. И даже где-то к экзальтации.

ВСЕ МОЛОДЦЫ

Всё ещё семнадцатое число, вы не поверите...

После умывальника Макса припрягли крепить к сосне бак и устанавливать мойку, потом делать сушилку...

Мичил, Буотур и Эрсан вполне успешно достажировались на расколе небольших брёвен, сварганили два крыльца и подготовили несколько заготовок для столешниц.

Илья, Кадарчан и четверо эльфов сделали приличный кусок погреба.

На копку второго погреба, более глубокого, в котором предполагалось делать ледник, отправили рабсилу. В смысле, не просто «рабочую силу», а рабскую. Ну и даже к лучшему это, чтобы меньше на глазах метлесили. Вон, девки до сих пор вздрагивают, как их видят, даром что ходят бывшие зэки тише воды, ниже травы.

Сруб южной башни закончили и начали выводить крышу.

Восточную стену острога закончили и начали северную. Барон сказал, что наша малая численность не позволяет разбрасываться людьми для охраны башен, и поэтому в остроге их

пока будет всего две: северная и южная. Так что восточная стена получилась сплошная.

Валя экспериментировала с полевой кухней — варила в больших баках варенье. В одном — малиновое, а в другом — земляничное. Пахло на весь остров, аж голова кружилась. А вместо отмывания разболтала потом в этих баках по ведру воды — получилось два ведра морса. Вот хитрая!

Андрей с Лёхой вспахали довольно большой кусок поля — и парни от всей души засадили его картошкой. Сто три дня лета впереди, должна успеть.

Коле и Лэри предъявили по очередной стопке рисунков.

Света и ба Гуля, только что не ночевавшие в огороде (глаза у них, кстати, тоже начали потихоньку зелёным отливать), сообщили, что — всё! Всё посаженное проросло, даже тугорослая петрушка! У редиски, капусты и редьки уже такие большие красивые листики, а у гороха уже по четыре!.. Скажете — что-то быстро? А вы помните, что семена и посадки благословила сама Леля? Вот так!

Ещё порадовала новость, что у троих коз родились козлята. Два, два и ТРИ! Аж семь штук. И все девки. Растёт наше стадо!

Никита сидел молчком, только на вопросительный Вовин кивок ответил, что, мол, всё готово, можно завтра начинать. Интересно — что?

НОВЫЕ КЛЯТВЫ

После ужина барон отправил всех новеньких — и сегодня, и позавчера прибывших найти себе (каждому) и выкопать (лично) по саженцу лиственницы. За малышей — родители. А потом уже будет торжественная часть.

Потом Вова отозвал в сторонку Василису и о чём-то с ней посекретничал. Конспираторы, тоже мне.

Уже после заката, в мягких спускающихся сумерках мы поднялись на холм. Набежавшие облака обложили небо пуховым одеялом. Наш мэллорн поднялся уже на высоту девятиэтажки, листья на широко раскинутых серебряных ветвях мягко светились. Я не успела удивиться, как из-за ствола вышла Вася. Личико её было сосредоточенно, даже напряжено, кулачки сжаты. Она взмахнула руками, растопыривая пальцы — и из кроны мэллорна поднялись сотни светящихся бабочек. В совершенной тишине они садились на лица, на руки людей. Тихонько запели эльфы, Глирдан, восторженно, начал подыгрывать на гитаре, усыпанной светящимися бабочками. Это было так красиво и так трогательно! Я пишу и снова плачу...

Мы принесли наши клятвы, спустились к острогу и каждый новичок посадил своё деревце в лунку на месте будущей стены, даже маленький Мирошка. Даже грудную Аришку вынули из рюкзака и дали подержаться за тоненький лиственничный ствол, занявший своё место в стене.

Мы вернулись в лагерь — и только тут бабочки погасли. Вася так устала, что тут же залезла в свой новый спальник и мгновенно уснула. Пусть. Мы уже поняли: любой дар требует приложения усилий, чтобы расти.

В этот же вечер я нашла в коробке с канцелярией амбарную книгу и переписала в неё всё наше население. Нас (вместе с детьми) стало уже пятьдесят один свободных и двое рабов. В колонках значились: имя со Старой Земли и имя здесь. У некоторых осталась пустой вторая клеточка — если ничего не изменилось. У некоторых — первая, если люди не хотели вспоминать своё старое имя. Право каждого. Дальше шли столбики: дата рождения, возраст на момент перехода, дата перехода, список переданного в общее владение

имущества.

Тут ещё с днями рождения петрушка вышла. Ну действительно, как их пересчитывать, если длина года совсем другая? И количество месяцев другое. Да вообще — мир другой... Мы судили и рядили так и эдак. Скажу сразу, чем кончилось. День рождения человека — это день его прихода в мир. Вот мы и записали днями рождений дни нашего прихода в этот мир, дни входа в порталы. Так и получилось, что многие семьи или друзья получили одинаковый день рождения. И в этом есть своя прелесть: можно такой праздник забабахать! Особенно эльфам — аж четырнадцать человек за раз!

Ну вот. День получился длинным, прямо бесконечным! Спать, спать, спать...

МАСТЕР ИЛЛЮЗИЙ

Новая Земля, остров-острог, 18 числа второго месяца 0001 года

Ночью ударила гроза. Она напозла с юга, пропитав тёмной влагой белое облачное одеяло. Часа в три ночи небу стало невоготу, и оно громыхнуло так, словно пространство треснуло пополам. Я соскочила с постели и поскорей запустила внутрь ночевавшего на крыльце Акташа. Он зашёл с некоторым недоумением, но когда тучи разразились сплошной стеной дождя, кажется, оценил. Потом я немного побегала от окна к окну, убедилась, что из палаток никто не выскакивает — значит, всё нормально, никто не промок — и снова легла в постель. Вовка, весь прошлый день проработавший на лесозаготовке трактором, спал без задних ног. Последняя моя мысль перед провалом в сон была: «Как хорошо, что картоху успели посадить!»

Во сне я видела четырёх богинь, с хохотом и визгом скатывающихся с огромных тучевых гор в золотой грохочущей колеснице. Никому не буду рассказывать.

С восходом солнца пришла жара, словно где-то в небесной бане забыли прикрыть дверь в парилку. Стало тепло и влажно, как в тропиках, вкусно пахло травой, стружками, подсыхающей опавшей хвоей.

Света с Гулей с самого подъёма выцепили Лику и помчались оживлять прибитый ливнем огород. Меня больше беспокоили новорождённые козлята, но слава богам, всё обошлось. Устроенные временные навесы кое-где протекли, но не критично. К тому же, как только начало грохотать, туда явилась Англе, и стадечко наше даже толком не успело испугаться. Никто не замёрз, не сбежал в панике, малышей не затаптали.

Я шла по лагерю и вдыхала вкусный воздух. Он был такой бодрящий, как будто пьёшь чай с травами. С каждым вдохом прибавлялось сил.

Мокрая земля парила и лес пах совершенно одуряюще. Мы, наверное, потом привыкнем, но пока — особенно после городского смога — этот воздух казался просто волшебным!

Мужики громко радовались, что вчера так хорошо укрыли пиломатериалы. Я остановилась специально, чтобы похвалить. За правильные поступки надо хвалить — от этого хочется совершать больше правильных поступков. Народная мудрость от меня.

— Матушка кельда! — голос у Марка встревоженный, с чего бы? Он подбежал ближе, — Коле заболел.

— Что случилось?

— Жар. И, кажется, бред.

— Пойдём, посмотрим.

Что такого случилось со вчерашнего вечера? Всё ж нормально было. И после холма Коле сидел вместе со всеми у костра, что-то рисовал в своём неизменном блокноте и даже

иногда подпевал. Я как-то особо не волновалась, ну лихорадка... Но хотелось бы понять — с чего вдруг? Ладно, посмотрим.

Коле лежал во второй мужской общаге. Парни подвернули тканевые стенки отсека, чтобы ему доставалось больше воздуха. И накрыли тремя одеялами. Но он всё равно продолжал трястись и стучать зубами. При этом он с кем-то разговаривал, но из-за клацанья было ничего не разобрать.

— Он, кажется, вчера в грозу выходил, — виновато сказал Марк, — А никто не слышал. Утром встали — одежда мокрая на улице лежит. Давай сразу проверять — а он уже...

— Так, синдром вины мне тут не включаем. Я сейчас пойду его лечить. Ты рядом сядь. Если я вдруг начну заваливаться — поймаешь, понял?

— Да, конечно.

— Всё, давай.

В голове у Коле было немножко необычно. Видимо, из-за лихорадки. Во-первых, он там обретался вполне в сознательном состоянии. Был он при этом немножко прозрачненький, с просвечивающими сквозь иллюзию тела энергетическими потоками, и тем не менее... Во-вторых, он был страшно занят: стоял склонившись у стола (стола???) и торопливо рисовал на довольно большом листе ватмана. Такого я ещё не видела.

Мне пришлось подойти вплотную, лишь тогда он увидел меня и сразу воскликнул:

— О! Госпожа кельда! И вы здесь? А что, уже утро?

— Утро, утро... рассказывай, что натворил? Под дождём гулял чтоль?

Я хотела взять его за руку, но он её отдёрнул:

— Погодите! Иначе я перестану... вот это всё видеть, — он постучал себя по лбу, — А мне осталось совсем немного!

Рисунок я не могла разглядеть, вся его поверхность была подёрнута облачной дымкой. Но Коле явно что-то видел. Я сложила на груди руки и выжидательно посмотрела на взбудораженного парня. Глаза его лихорадочно блестели.

— Понимаете, такая гроза! Я не мог пропустить! Я пошёл на холм... это было потрясающе! Эти горы облаков, и молнии, ветвящиеся, впивающиеся в землю! И эти женщины — они прекрасны!!! — его руки порхали над листом и мне показалось, что я вижу просвечивающее золотое... я вгляделась в поверхность вторым зрением, нужно постараться увидеть суть...

Они и правда были прекрасны, хотя в то же время и походили сейчас на девчонок, с весёлым ужасом вцепившихся в борта золотой колесницы. Зелёное, голубое, оранжевое и пурпур. Такие, значит, у них цвета. Возница в раздувшейся пузырьке рубашке сжимал поводья четвёрки рвущихся золотых лошадей и хохотал во всё горло. Вокруг грохотала гроза.

— Что ж, налицо несомненный талант, — в этот раз я почти не вздрогнула, честное слово.

Это был точно он — мужик с картины, только в этот раз очень спокойный. На автопортрет Карла Брюллова похож, где он сидит на красном диване. Ну, может чуть помоложе.

Мужик взял ватман, внимательно разглядывая детали, покивал головой:

— Талант!

Картина уменьшилась до размера марки и исчезла в нагрудном кармане широкой блузы.

— Держи, в этом мире Браги ещё никому не дарил подарков! — бог протянул Коле маленький гранёный камушек. Коле подставил ладонь, камушек лёг ровно в середину и

засветился золотым. Браги накрыл камень своей ладонью, пожимая руку художника, сквозь пальцы пробилась золотая вспышка и погасла. Камушек исчез.

Исчез стол. Исчез Браги. Да и вся картинка поплыла, приобретая привычные мне черты.

Так, засучим рукава. В голове у Коле пульсировал багровый ком. Температура поди зашкаливает. Ну, поехали.

Мы пришли в себя одновременно. Много голосов, в палатке и снаружи. Видимо, мы были долго, народ волнуется. Коле подскочил на кровати, едва не треснув меня лбом. Ну вот что за манера у эльфов такая?

— Госпожа кельда! Вы видели его?!

— Видели кого?! — командный голос барона — это очень отрезвляюще, но Коле всё ещё был в эйфории.

— Бога! Браги! Вы видели?! — он порывисто вскочил и уставился на свою ладонь, в серединке которой вроде бы светилось золотое пятнышко, — Я покажу вам! Пойдёмте на улицу, здесь мало места!

Коле побежал на выход, и весь народ хлынул за ним.

Всё-таки хорошо, что мы придумали оставить между рядами палаток такую широкую улицу, иначе неизбежно бы возникла давка.

— Смотрите!!! — Коле поднял руку, и из его ладони вырвалась его картина, только живая и объёмная! А ещё она звучала!

Над островом грохотала гроза. исполинские молнии летели с неба к земле, высвечивая кипящую реку, лес, прибрежные скалы. Сшибающиеся груды сизых туч громоздили в небе горные хребты и тёмные пропасти. И по одному из грозовых склонов летела золотая колесница, запряжённая четырьмя золотыми конями. Вот они всё ближе, слышно как хохочет возница! Ржут кони, развеваются золотые гривы. Чудовищный раскат грома разрывает небо, цепляющиеся друг за друга девушки смеются и визжат, их волосы и одежды треплет ветер. Колесница пронеслась над нашими головами...

Картина погасла так внезапно, что народ ещё насколько секунд стоял, задрал головы и ожидая продолжения, а потом разразился таким рёвом, что петух в дальнем курятнике снова начал кукарекать, скотина. Толпа подхватила Коле на руки и потащила в сторону кухни. Качать, поди, будут.

— Ну вот, милый, — я прислонилась к тёплому мужниному плечу, — Теперь у нас есть мастер иллюзий.

Вова обнял меня за плечи и поцеловал в макушку.

— Надо признать, вышло впечатляюще. Если он научится их к чему-нибудь крепить — камушку какому-нибудь, скажем — и делать воспроизводящимися, то... — Он выпятил подбородок и задумчиво покивал.

— Правильно дедушка Ленин говорил про кинематограф... А ты озадачь его, — муж вопросительно на меня посмотрел, я пояснила, — Не Ленина, конечно — Коле. Пусть пробует. Он упёртый, придумает.

ПРЕЛЕСТИ ЛЕВОГО РУКАВА

Новая Земля, остров-острог, всё тот же день, 18 числа второго месяца 0001 года

В оградке рядом с южной башней проклюнулся третий мэллорн. И судя по тому, как часто к нему подходит Лика, скоро он догонит тот, который растёт у брода. А может, и перегонит. Кто знает. Пока что он догнал по росту Василису, но потихонечку растёт.

Лес и кусты после грозы были просто невыносимо мокрые, ни о какой ягоде и речи быть не могло, так что не занятые в кухне «женщины» и дети сегодня отправились на рыбалку, в Левый рукав.

В этом рукаве, более узком и холодном, ходили мелкие в сравнении с другими рыбами желтобрюхие ельцы (офигенно вкуснющие в солёном виде), краснопёрые хариусы, забредал и омуль.

В Левом же рукаве ближе к выходу в Бурную попадались упитанные, розово-серые, в леопардовый чёрный горошек ленки с нежным розовым мясом и серебристые сиги. Мужики согласились, что рыба необычно крупная, по семь-восемь килограмм (на глаз).

Вот, кстати, надо весы заказать с комплектом гирек, а то на весь посёлок один гонтарь, с приближением до полкило. И большие напольные тоже не помешали бы.

Так вот, про рыбалку-то! Пошли мы всем женско-детским гуртом в Левый рукав. У нас уже был целый арсенал разнообразных корчаг и несколько специалистов, которые с удовольствием учили всех желающих: какие, где и на какую рыбу лучше ставить/цеплять/поверху навешивать и т. д. Ну и удочки тоже никто не отменял.

Кто умел рыбачить — учили тех кто не умел, а рыба после грозы шла на наживку просто как ненормальная! И пусть её будет много — у нас есть (ну ладно, завтра-послезавтра будет) погреб. Во всяком случае, в этой яме уже сейчас прохладно, можно туда спустить бочку. Короче, получилось прям по-стахановски.

ДЕЛА ПЛОТНИЦКИЕ

Мужики все остались в лагере, плотничали, даже Коле. Доделывали погреб, собирали столы, обустроивали нутро южной башни, крышу, массивные откидные ворота. На первом месте сегодня была, конечно, башня. И все, кто, грубо говоря, влез — работали здесь. Очень хотелось до вечера доделать.

И ведь доделали!

Башня получилась — просто загляденье! Впечатляющая массивными венцами стен, с огромной — реально, огромной! — на цепях откидывающейся наружу воротинной из сращенных брёвен, с тёмно-зелёной металлической крышей из профлиста. Со стороны внутреннего двора ворота были не столь монструозные: распашные, из привезённой доски-пятёрки, на мощных, выкованных кузнецом петлях. В дверях же были небольшие оконца — по сути дела, вставки из поликарбоната, чтоб при закрытии проникало хоть чуток света. Полы, как и собирались, сбили из «половиц» — расколотых половинками повдоль брёвен, лестницу на второй этаж — тоже. Рачительный Стёпа быстренько организовал молодёжь устроить по глухим стенам первого этажа полки и крючки для всякого инструмента, чтобы убрать их с улицы. Под лестницей составили в рядок кули с крупой, сахаром, макаронами... В общем, выделили угол для боящихся сырости продуктов.

На втором этаже света было поболее, всё-таки там были окна.

На счёт окон надо рассказать немного подробнее. В сибирских острогах окна узенькие горизонтальные — под пицали и ружья. А нам нужно было ориентироваться на луки и арбалеты. Поэтому окна барон велел делать крестовидные: горизонтальная прорезь — чтобы мог стрелять арбалетчик, а вертикальная — лучник. Не спорю, получилось красиво. Только теперь там будет продуваться всеми ветрами. Предложила мужу конструкцию: по периметру проёма окна прибить реечки — типа неподвижной рамы. Вырезать по размеру окна кусок

поликарбоната и приспособить колышки или ещё лучше — поворотные деревяшки (как в деревенских туалетах), чтобы они этот карбонат к рамке прижимали. Надо — в одну секунду отвернул, карбонат выдернул — и стреляй. Думает пока. Зато согласился, что ничего страшного не случится, если мы вдоль боковых стен натянем шнур и повесим веники сушиться. Всё-таки здесь света поменьше, чем под навесами. Да и сухо всегда.

К вечеру для испытания нам был предложена опытная модель стола. Выглядел он забавно, как в детской книжке про трёх медведей: столешница, как и полы в Южной башне — из половинок брёвен, а ноги по узким сторонам — из целых бревёшек, крест-накрест. Между ногами — поперечина-подножка, да ещё пара угловых подпорок под столешницей, чтоб ноги не скашивались. Ноги стола, я имею в виду, ха.

И хотя брёвна для столов выбирались не самые толстые, а, скорее, наоборот, таскать этот стол мужики предпочитали вчетвером. А ещё лучше — вшестером. Нет, девочки тоже смогли бы, но выглядело это примерно как толпа муравьёв, которые тащат в муравейник сосиску.

Вы не думайте, что это было такое дикое изделие с торчащими суками, корой и занозами — нет! Предполагалось же, что эти столы — надолго. Брёвнышки были ошкурены, выглажены, столешница аккуратно подогнана и выравнена по высоте, ничего нигде не цеплялось. Поверхность была пропитана маслом и воском, структура дерева сразу заиграла — и практично, и глазу приятно. Красота!

Девчонки все по очереди посидели за этим столом. Интересно же! После них стол захватили индейцы, довольные!

Мужики в честь окончания башни натопили нашу новую мобильную баньку, оттащили её подальше к холодным заливчикам, парились и с гыканьем сигали в реку. Ну и ладно, мы завтра пойдём!

18. МНЕ РЕАЛЬНО СТРАШНО ВТОРОЙ РАЗ

ИНДЕЙЦЫ И ПРАВЫЙ РУКАВ

Новая Земля, Остров-острог, 19 числа второго месяца 0001 года

С утра мне показалось всё ещё рановато для сбора ягод — ягодная мякоть набрала в себя дождя и будет водянистой, ещё денька бы подождать. И тут меня посетила гениальная идея: поручить мелким индейцам посадку стены! А что? Парни все лунки для листовничек ещё позавчера докопали. Лика за последнее время от непрерывной практики изрядно поднялась и в обморок почти уже не брякалась. Сейчас поставим им невыполнимую цель — и останется только любоваться.

Видели бы вы, как эти архаровцы напыжились от осознания важности задачи! Брови сурово сдвинуты, губы решительно поджаты — хоть сейчас на плакат о комсомольцах-добровольцах. Каждый похватал лопату (хорошо, инструментов сейчас много), чуть не уволокли обе наших садовых тачки — еле мы у них отбили одну, чтоб рыбу возить.

Вот, кстати! Тачек всего две, сразу запишу в нужное. И бочек тоже бы ещё. Я же под засолку прихватила три, из расчёта максимум на человек пятнадцать (думала: рыба, грибы, капуста), а тут такая орава! Да ещё мы приторговывать взялись — значит, по сортам надо разбирать. Вчера как попёрло — и все три бочки теперь заняты, и обе стальных кастрюли, которые нам Мирон подогнал — ну эти, бачки. Вчера рыбу, которой мало было — ельца, например — пришлось по мелким кастрюлькам распихивать. Хорошо сейчас полевая кухня есть, иначе в чём бы варили — ума не приложу.

И банки нужны. Мелкие — на продажу, большие — нам. Может, пластиковые ведёрки попробовать, кстати? Морочиться с мытьём не надо: расфасовал — и в путь.

Девки молодые воши в раж — смотрю, снова на рыбалку понеслись, сегодня — с восточной стороны острова.

В Правом рукаве, по течению немного ниже брода, было много тёплых, заросших водорослями-ёлочками заливчиков, полных сороги, за которой ходили хищные пятнистые щуки. В самых мелких ближних держались в основном сеголетки-«карандашики», чуть дальше попадались рыбины сантиметров по семьдесят, ещё чуть поглубже — метровые, а в самых дальних, более глубоких, но всё ещё тёплых ходили такие брёвна, что страшно было и подступаться. После того, как эти дурищи оборвали нам несколько лесок и пару раз искупали рыбаков, рванув за удочку, мы решили, что ну его нафиг, и вернулись в более мелкую заводь. Всё-таки метровые щуки — это уже здорово, согласитесь? И то случалось, что ребятишкам приходилось воевать с рыбиной вдвоём, а то и втроём. Видя такую картину взрослые, кто был рядом, торопились на помощь.

Мы с Мариной остались помогать на кухне. Через полчаса прибыла первая тачка с уловом. Ну, красивая рыба, крупная, прямо отборная! Ох, какие щуки! Попросить, что ли, Валю пожарить? Щуки жареной охота, шопипец. Это, конечно, караул — на такую толпу жарить. Но хоть разок... Соберём все сковородки. Вон помощниц сколько, пушай учатся.

Я достала рыбную доску с прищепкой и засела чистить.

Кстати, делюсь лайфхаком: щука отлично чистится металлической сетчатой кухонной губкой. И шкуру не рвёт, и отчищает до нуля без особенных усилий — даже это противное плотное место сразу за башкой и тонкое бюхо. Пользуйтесь!

Я героически взяла на себя щук. Вот люблю эту рыбу — и жареную, и копчёную, и даже

солёная она вкусная, но чешуя, блин, самая противная. Противнее только ерши, с этими я сказала вообще ко мне не подходить, а лучше сразу их назад в реку кидать. Чешуйки плотные, колючие и склизкие до невозможности. Бр-р-р!

Мужики всем гуртом решили сегодня кинуться на вторую башню да на доделку погреба. Вова с утра таскает брёвна с делянки. Ещё четверо помощников — те заготовки, что помельче, гуртом. От топорков стоит такой весёлый тюк на всю округу!

Я бодро ширкала сеткой по рыбьей спине. За монотонной работой легче думается.

Мужиков-работников у нас прибавилось почти что вдвое. Сила! На стену взрослые уже не нужны. Северную башню достроят — острог, считай, готов. Погреб есть — уже проще. Надо ещё мост, чтобы с повозками нормально можно было ездить. Ну в самом деле! Рыбы вон сколько! Мы столько не съедим, без ледника попортится, даже в погребе. Значит, надо продавать. Вову чтоль без конца гонять? Так бы погрузились трое-четверо мужичков...

Чья-то тень загородила мне солнце.

— О, шука! Пожарим? — Вовка! Он наклонился, поцеловал меня в шею, вкусно пахнóв свежесрубленным деревом.

— Да вот хочу Валю озадачить. Ты куда?

— На нижней делянке ещё двадцать брёвен под башню заготовлено. К обеду хочу управиться.

— Ну, давай!

Не успела я разделаться с первой партией, как принеслась Мария-Маэтрил и прикатила ещё тачку рыбы. Одни шуки, здоровые, как поленья!

— Так девки! Давайте двух-трёх помощников на чистку! Не вывезем.

— Ладно! — Маэ трянула голубой чёлкой и умчалась, громыхая тачкой.

Из помощников первой пришла Даша.

— Ну ты чё, мать? Опять на чувство долга тебя девки взяли?

— Да нет, — Даша засмеялась, — Мы считалкой посчитались. Сейчас ещё девчонки придут.

— Считаются?

— Ага.

АКТАШ ВСПОМИНАЕТ, КАК ЛАЯТЬ

Ближе к обеду я поняла, что нет уже больше сил смотреть на эту рыбу, и слиняла под предлогом позвать ребятишек, выкапывающих саженцы лиственничек недалеко от брода, на обед.

Мелкие лазили по подлеску, время от времени тюкая лопатками. Акташ, умотанный интеллектуальными собачьими упражнениями, спал в тени куста. Анdle, как всегда сопровождавшая детей, стояла на протоптанной уже к броду тропинке и смотрела на другой берег из-под руки. Я подошла, встала рядом и тоже уставилась в ту сторону.

— Ты чего тут?

— Да не пойму..., — тополино-зелёные глаза смотрели непривычно тревожно, — Барон прошёл, сказал последнее бревно возьмёт и пойдём на обед — и нет — и нет...

Разросшиеся по противоположному берегу кусты ивняка не давали увидеть происходящее на делянке. В животе от чего-то стало холодно.

— Анdle, детей быстро в лагерь! И мужиков зови сюда! Быстро!

Она не успела открыть рта, как Акташ задёргал во сне лапами, а потом зло зарычал, вскочил и бросился в воду. Он бежал и лаял. Я ещё успела подумать, что в первый раз слышу,

как он лает, де ещё так угрожающе. Акташу стало глубоко, и он поплыл, задирая вверх морду и продолжая глухо рычать.

Второй мыслью было, что платье будет мешать мне плыть, я сорвала его через голову и забежала в воду.

Потом, сильно потом я подумаю — как мне повезло, что я не успела испугаться! Организм у меня дурацкий. В минуту резкого стресса ноги отказывают. И язык. Я сейчас над этим работаю, но получается пока плохо. Так что — мне тогда повезло «шо пипец».

Акташ плыл впереди, низко рыча, и этот рык расходился в воде со странным булькающим призывом.

Я начала задыхаться и на секунду встала, упираясь ногами в дно, вспомнила, что могу закинуться энергией и потянулась к земле...

Кто-то страшно заорал, несколько голосов! Ивы затряслись, и из-за кустов вылетела человеческая рука. О, боги... Я автоматически отметила зелёный камуфляж, даже сумела разглядеть пиксельную текстуру.

С нашей стороны тоже кричали, но всё это, то, что творилось позади, доходило до меня глухо, точно через толстый слой ваты...

Акташ уже выскакивал на берег. Скорей!!!

Оказывается, на читах я могу плыть гораздо, гораздо быстрее!

Когда я выбежала на берег, Акташ, поскуливая, уже вытаскивал из кустов окровавленного хозяина.

В животе у Вовки торчало несколько коротких древков от арбалетных болтов, голова у меня начала страшно кружиться. Ноги стали ватные. Не сейчас!!! Я хлестанула себя по лицу и с размаху провалилась в транс. Мы успели. Внутри творился сумбур. Мешают, железяки эти острые мешают... Что делать?! Вливаю жизни сколько могу. Сейчас мужики добегут, помогут...

Вова снова и снова прокручивал в голове последний момент. Переживал... о какой-то ошибке — так сильно, что картинка пробивалась в подсознание. Мне осталось только ждать. И смотреть.

Он пришёл за последним бревном на сегодня — уже подготовленным, надо было только забрать. Все мужики были заняты в крепости, делянка пустовала. Что-то показалось не так, но мысли были заняты другими соображениями. И... Они окружили его грамотно. Скрали, считай. Пятеро мужиков, в хорошем камуфляже. Не молодёжь, взрослые такие дядьки, лет по сорок пять-пятьдесят. Только что зашли — и пришли специально сюда. К нам. Хищные. Уверенные.

В глаза кинулись дорожные арбалеты. Причём, не просто, а со сложными пружинными конструкциями. Хорошие игрушки, смотрел обзор как-то, было дело.

— Слышь, мужик, это ты тут барон? — процедил один. Жевачки только пузырями не хватало для полноты картины. А так — прям образчик «крутого бойца US army» из какого-нибудь старого боевика — тех времён, когда она, эта US army, ещё была.

— Ну, я, — Вова оценивал ситуацию, удобнее перехватывая топор.

— Ну всё, кончилось твоё баронство, — с ленцой отозвался второй, — Теперь мы тут главные, — все пятеро подняли своё оружие.

— Вы, мужики, *уверены* в этом? Там же, — Вова качнул головой в сторону острова, — куча народу, которая вас, мягко скажем, не жаждет видеть...

Мужики осмотрительно не приближались.

— Не, ну мы знаем, что ты сильный, — сказал говорливый второй, — Но ты ж не пуленепробиваемый!

— Вы хорошо подумали?

— Да чё с ним говорить! — не выдержал третий и разрядил свой арбалет Вова в грудь. Точнее, хотел в грудь, а попал в живот, потому что Вовка уже начал двигаться. Боль резкая! Даже меня прошило!

Он метнул топор (свой топор!), уже спотыкаясь об эту стрелу. Может быть, поэтому тот полетел очень некрасиво и попал в этого стрелка плашмя. Поскольку вес у топора зашкаливал за границы нормального, первого просто размазало! От тела осталось что-то смятое, бесформенное, разбрызгавшееся по ближайшим деревьям кровавыми кляксами.

Ещё три выстрела! Живот, живот, рука.

В этом месте меня накрыло таким сожалением, что аж зубы заломило! Считает, что поступил неправильно? Выпустил топор?

Точно. Остро сожалея, что остался без оружия, Вова начал ускоряться. Он же сам — оружие! Слева осталось трое, справа — один, всё ещё не выстреливший, выцеливающий.

Прыжок влево. Сколько там нужно арбалетчику? Четыре секунды? Три? Но этого времени барон им не намерен был давать. Первый. Раздавил горло. Фактически, вырвал кадык. Второй. Захват за шею, резкий поворот кисти, хруст. Быстро как картинки мелькают, я далеко не с первого раза смогла понять, что происходит!

Удар в ногу, сзади! Это тот, справа, наконец решился.

Последний левый уронил болт и замахнулся ставшим бесполезным арбалетом. Нога немеет. Рывок. Оторванная рука вместе с арбалетом с диким ускорением летит вслед убегающему пятому, вырывая ему плечо — то самое, которое полетело через кусты в реку.

От рефлексии на пять проткнувших тело чужеродных предметов, три из которых торчали в животе, меня аж скрючило.

Дальше Вова завалился, неудачно упав вперёд, вдавливая в себя злосчастные болты. И об этом он тоже досадовал — что упал не так.

Потом скулёж. Акташ. Он изо всех своих щенячьих сил тянул за ворот куртки. Швы затрещали, Акташ постарался прихватить получше, вместе с одеждой захватил кожу, прямо с мясом, больно, блин. И слюнявы-ы-ый...

О, боги...

Надо выйти, воздуха глотнуть.

Я чувствовала себя рыбкой, вынутой из аквариума.

— Ну что?! Что он?!

Не сразу сообразила даже, кто рядом, лица сливались в сплошной ряд.

— Я пойду внутрь, как отключусь — выдирайте болты, ясно?

— Сделаем!

Дальше всё уже было рутинно. Разрывы. Кровотечение. Исцеление. Подпитка. Вовремя вспомнила про себя, чтобы в обморок не брякнуться на выходе. Всё. Все молодцы.

СОБАЧЬЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Мы шли через брод. Очень живописно. Впереди барон, в кровавых одеждах, но с бревном на плече, чисто Шварценеггер, только наше бревно в разы солиднее. На бревне сидела я. Да, прямо верхом! По-женски, конечно, изящно свесив ножки в одну сторону. Ну, я надеюсь, что изящно. За нами шагали очень воинственного вида мужики. Рядом хлопал

Акташ. Муж меня успокаивал, как мог:

— Любимая, это хорошо, что никто из них не выстрелил в сердце.

— Или в голову.

— В сердце! Это фатальнее. Если снайпер стреляет в сердце, контрольного в голову не надо. А вот наоборот — да! При выстреле в сердце у человека есть шанс выжить, только если он лежит на операционном столе — сразу!

— Мда. Я бы не добежала...

— А человек со стрелой в животе умирает семь часов, — утешил меня муж.

Мысли стали медленными и тупыми, как золотистые медовые капли.

— Прямо повезло нам.

В лагере Вова зашёл в наш домик переодеться, я, конечно же, пошла за ним и не смогла удержаться от возмущения. И как это бывает, психика начала лечить сама себя, цепляясь за что-то совсем второстепенное:

— Припёрлись, тоже мне! Мало того, что всё в крови, так ещё и хрен починишь! А, между прочим, футболка новая совсем была!

Вовка начал тихо смеяться. Я тоже. Мы сидели на топчане и ржали, как два дурака, до слёз. Ладно, отпустило.

В дверь постучали. Настойчиво. Ну, кто же у нас ещё отличается специфической деликатностью?

На крыльце стояла друида, а рядом — понурый Акташ.

— Он переживает, что не успел, — Андле, как всегда, без вступлений, сразу по существу, — Это плохо, — она так серьёзно на нас посмотрела, что сразу стало ясно, что это действительно плохо, без дураков, и нечего тут... — У собаки может начаться депрессия. Тем более для маленького плохо. Для психики.

Вот сейчас прямо всё стало понятно, да.

Я попыталась найти слова, аргументы какие-то:

— А разве он мог успеть?

Андле пожала плечами:

— Не думаю. Кто знает...

— Это вообще принципиально?

Никто, никто не умеет больше *так* смотреть. Со всеми этими... смыслами.

— Я начала работу с его сознанием. Нельзя обманывать. Это может его сломать.

Час от часу не легче!

— Ладно, хорошо... Допустим, нам надо проверить качество действий щенка, так? — Андле кивнула, хотя я спрашивала скорее так — мысли вслух, — И как мы сможем... это оценить?

Она на секунду задумалась:

— Я... могу видеть его сознание. Ты, как видящая души, можешь видеть меня. И можешь показать барону!

Фига себе, цепочка!

Вова решительно отшагнул назад внутрь комнаты и скомандовал всем:

— Так, заходите!

Мы закрыли дверь, сели кружком на полу, взяли за руки: друида-я-барон, Андле и Вова взяли Акташа за лапы. Каравай наоборот. Сюр какой-то. Ладно, поехали.

Вот, значит, как видят собаки.

Было тепло, жарко... картинка была поблѣкшей, почти серо-белой, зато яркими струями, пятнами, шлейфами были видны запахи. Вон там, в кустах, запах от кошки, которая иногда приходит поиграть. Кошка уже убежала, а запах есть. Солнечно-жѣлтыми пятнами, словно большие солнечные зайчики, в лесу выделяются маленькие люди, они ковыряют землю своими палками с плоскими концами. От палок пахнет жѣлтым, железным, а от земли — терпким коричневым. Мимо прошѣл хозяин. Акташ спал, но яркая, оранжевая полоса запаха от хозяина дотянулась до него сквозь сон, и он пошевелил хвостом. Серебряно пахла река. Она проглатывала оранжевый запах, но Акташ знал, что скоро хозяин вернѣтся, и продолжал ждать его сквозь дрѣму.

Подошла девушка, которая приходит к нему каждый день и учит думать, остановилась на тропинке. От неѣ почему-то пахло тревожно, и Акташ стал прислушиваться сильнее. Сквозь шѣпот реки донеслись чужие, незнакомые голоса. Хозяин с кем-то разговаривал.

Акташ знал ещѣ мало слов, и смысл ускользал от него, но интонации... Там несколько человек, и они угрожают! Щенок заворчал, окончательно просыпаясь. Они напали!!! Он вскочил, внутренним, инстинктивным знанием вспоминая, как нужно предупреждать людей об опасности — и залаял.

Андле переключила поток образов на человеческий:

— Дальше ты видела сама. Там, когда он барона тащил — лучше не смотреть, всѣ такое алое, аж крышу сносит...

Ну, что же, тогда так — я быстренько показала мужу «хвост» события, уже своими глазами.

— Молодец! Отличный пѣс! Всѣ как надо сделал! — похвалил Вова Акташа, и его голос прокатился по ментальному плану как звук сверхзвукового самолѣта.

Ну, я думаю, достаточно. Разрываем кольцо.

Ноги затекли у меня от ваших экзерсисов*...

**Не путать с экзорцизмом!*

Экзерсис — это всего лишь упражнение.

Сродни штурдиш. Или школьному заданию.

Акташ сразу принялся скакать, повизгивать и облизывать Вовку. Счастья полные штаны!

— Так, господин барон! — строго сказала я воспитательским голосом, — Хочешь с собакем обниматься — бери его и пошли! Там, между прочим, народ голодный сидит, ждѣт. Обнимайтесь принародно хоть до посинения.

ПОДАВЯТСЯ!

Акташ доехал до столовой на ручках, что при его нынешнем весе было доступно далеко не всем — почитай, как куль с мукой таскать.

Наша бабушка, только что узнавшая последние новости, со слезами бросилась обнимать «Вовочку», спровоцировав женскую лавину, плачущую и причитающую. Этой силой невозможно было командовать и сложно было ей сопротивляться. Они усадили барона за новый стол, со всех сторон обставили вкуснятиной, а потом выстроились сзади полукругом и начали на него умиляться. Вова набрал в грудь воздуха... и смирился. Встал. Поднял кружку с ягодным чаем. И сказал:

— Захотят нас сожрать — подавятся!

Все начали хлопать, кричать, женщины снова плакали... Барон поднял руку и наступила тишина.

— Ну что, братья и сёстры. Вот нам первый раз с вами показали зубы. Хрен его знает, пятеро их было или двадцать. Ушли или по окрестным лесам шарятся? Поэтому сейчас так: пока светло, мужики, строим! Желательно острожек бы нам поскорее замкнуть. Женщины, дети — держаться ближе к лагерю, только группой. А вот вечером устроим совет, пора серьёзно заняться безопасностью. Безопасностью личной, нашего острога и острова в целом. Готовьте мысли. Девушки, вас это тоже касается! Я прошу подумать всех.

Стол был всего один, так что все за него всё равно бы не влезли, и барон своим словом велел посадить за стол детей — типа как символ нашего будущего. И меня.

Статусность, однако.

Потом Вова пришлось ещё раз пересказать событие. Надо ли говорить, что Акташ стал героем дня? Все старались подсунуть ему какую-нибудь вкусняшку. И, раз хозяин разрешил, к концу обеда он стал похож на бочонок, а Андле всерьёз начала тревожиться за его здоровье.

После обеда к нам подошёл суровый до невозможности Кадарчан.

— Барон Володя, прибраться надо, однако. Чтобы зверь не пришёл. Мешки давай.

— Какие мешки? — я высунулась из-за мужниной спины.

— Хорошие мешки давай. Прочные. Я видел — там чёрные прочные есть мешки.

— Для мусора, что ли?

— Давай для мусора. Куски пойду собирать. Дурных людей. По кустам посмотрю, всё сложу, чтоб меньше пахло.

Правда, это наш косяк — после этого нападения такой раздрай был, не до торжественных похорон врагов.

— Куда девать думаешь? — поинтересовался Вова.

— В город отправить надо, чтоб сразу дуракам охоту отбить сюда лазить! — Кадарчан был настроен очень воинственно, — До завтра в холод положу. Ямку сделаю. Спрячу.

— Добро. Парней с собой возьми парочку.

— Максима возьму.

— И Эрсана.

— Хорошо.

— Кадарчан, арбалеты по кустам посмотрите. Три мы нашли, ещё два улетело куда-то. И болты к ним если найдутся, приберите тоже.

— Сделаю, однако.

Я пошла выдать Кадарчану мешки. Для трупов! С запасом. Бва-ха-ха-ха-ха! О чём это я...

ЗАМКНУТЬ ПЕРИМЕТР!

Мужики действительно бросились на башню всем гуртом; к вечеру она уже достигла метров четырёх в высоту, и, не дожидаясь полной готовности, уже доделывались внешние ворота.

Мы с девчонками посоветовались, отложили все дела и, прихватив детей, прошерстили ближайший к острогу подлесок, выбрав листовнички подчистую. Ограда росла как на дрожжах, а я не успевала приводить Лику в сознание. Шутка ли — если на саженцы выходят не двое человек, а двадцать пять! А теперь посчитайте: в длинной стене двести метров. Мы

рассчитываем, что каждый ствол закроет просвет примерно в сорок сантиметров. Сколько надо саженцев? Правильно, пятьсот. Да на незакрытую часть северной стены ещё примерно сто восемьдесят. Из детей в серьёзный расчёт можно взять разве что троих старших. Таким образом, нам надо было выкопать по тридцать-тридцать два дерева на нос. Многовато. Учитывая, что тачек у нас было всего две. Зато было ещё штук десять вёдер, в которых можно было хоть по одному-два носить (мы ж с комельком выкапывали). И слава богам, хватало лопат!

До ужина мы сделали половину и решили во что бы то ни стало закончить. Уж очень неприятное чувство незащищённости вдруг начало давать ощущение дыры в заборе.

Светлый вечер позволял. Потихоньку начали подтягиваться и помогать мужики, у которых кончилась работа на башне. Со стороны мы, наверное, были похожи на суетящихся в траве муравьёв. Остались последние метров двадцать, когда стало совсем сумеречно. Каких-то двадцать метров! А чего я задумалась?

— Вася! Иди свети!

Подожёл Вова.

— Ну всё, ворота стоят!

— Временно?

— Почему?! Постоянно!

Мимо нас пробежали мелкие с Акташем.

— Вы куда? — строгим баронским голосом спросил их Вова.

— Для Лики там надо фонари поставить!

— Ладно, бегите!

— Милый, я к ней пойду, а то она в обморок опять упадёт.

Позвякивая колокольцами, прошло наше смешанное стадо, которое подбадривали шагать Стёпа с овчарками. Всё, кончилась вольная жизнь, придётся на ночь в острог загонять. Лошади уже тоже стояли в загоне. С другой стороны, места здесь для нашей численности просто до фига — на вырост же строимся, так что на трагическую скученность жаловаться не придётся.

— Господин баро-о-он!

Кажется, пора.

В ограде осталось чуть больше метра пустого пространства.

— Все здесь? — по-командирски гаркнул Вова, — по палаткам разбились, проверили соседей!

Началось бурное перестроение. Все здесь, отлично! Вижу в сторонке под деревом две серые тени. Рабы тоже здесь. Можно закрываться.

Небо на закате ещё горело ярко-синим, но самая верхушка небесного купола, словно глубокая чаша, уже наполнилась густой чернильной ночью. Горящий в сторонке костёр не мешал видеть яркие россыпи звёзд. Я не видела ни одного знакомого созвездия, ни одного даже похожего... Наверное, кто-нибудь когда-нибудь опишет их, составит звёздный каталог, нарисует атлас здешнего неба... Маленькая голубая луна пробиралась всё выше, путаясь в кронах огромных деревьев. Зелёной что-то не видно.

С тихим шелестом устремились вверх последние лиственницы. Наши стражи.

Ночь настроила меня на романтический лад, но «царское слово твёрже гороха». Как только ограда замкнулась, Вова скомандовал:

— Сели все вокруг костра! Собрание посвящённое безопасности объявляю открытым!

Не буду подробно писать, потому что описывать диалоги на пятьдесят человек — неблагоприятное занятие. Скажу, до чего договорились:

Нужно дальнобойное оружие: луки и арбалеты. У нас было с собой два лука и один арбалет. Да ещё пять штук трофейных (Кадарчан же всё-таки нашёл ещё два!), от этих убивцев. Мало. Заказать то и другое и стрел/болтов к ним побольше.

Организовать дежурства.

Ночные — по двое (без смен!). Почему без смен — поясню. Перед дежурством люди приходят ко мне и накачиваются так, что и глаз до утра не сомкнут. Это я могу. А вот по ночам вставать не готова. Поэтому — без смен. Раз в неделю можно пережить.

Дежурство днём. Первый наш мэллорн вырос уже с шестнадцатизэтажку и раздался в основании на три мужских обхвата. Лика сказала, что с ним можно договориться, чтобы он выпустил опорные ветви — для смотровой площадки и для поддержки винтовой лестницы. И там посадить дежурных. Днём — девчонок.

Плюс в лагере днём и ночью свободно ходят три собаки: Акташ, Чара и Индус. Овчарки, правда, днём заняты на выпасе. Андле предложила выписать Акташу будущую супругу, чтобы они рядом росли, а она как раз будет работать с обоими. А через год-другой уже будет своё потомство.

Организовать тренировки. Вечером, после ужина. Поочерёдно: стрельба, фехтование, рукопашный бой. По часу. Для всех без исключения. На робкие возражения некоторых дам, Вова ответил, что хоть как-то, а мы должны за себя уметь постоять. А вдруг, говорит, вы станете последней линией обороны, перед детьми? Ну, и так далее. Пламенная речь была, мы прониклись. Сильнее всех радовались мелкие.

Детям гулять только вместе, в сопровождении минимум одной собаки и Андле, в слуховой доступности от взрослых.

Было предложено также заказать какие-нибудь тактические свистки, чтоб звучали очень резко и прям пронзительно, и всем раздать, на случай опасности.

Предусмотреть, чтоб в будущем мосту один пролёт поднимался на ночь.

Начать выстраивать живую ограду вокруг острова из широкой стены боярышника (на манер ограды замка из сказки про Спящую красавицу — почему нет?).

На этом наша фантазия пока кончилась, и мы пошли спать.

Все, кроме дежурных, конечно.

РЕФОРМА КАЛЕНДАРЯ ИМЕНИ МЕНЯ

Вот после этих дебильных арбалетчиков я чё-то и психанула. Сидела, выписывала в дневнике: «19 числа 2-го месяца 0001 года» — и вдруг прям вштырило меня, так разозлилась. Вымарала написанное. Потом подумала, что некрасиво будет и выдрала лист нахрен, а удивлённо наблюдающему эту сцену мужу объявила, что не собираюсь придумывать новые названия для месяцев, поскольку все привыкли к старым!

Вова смотрел на меня внимательно и резких возражений не высказывал, поэтому я начала декларировать, для убедительности размахивая руками:

— Смотри! Предпринимаем решительные действия: выкидываем февраль и ноябрь (нахер они нужны, действительно?), май переносим в молодое лето. Получаем календарь:

Молодое лето: май, июнь. Новый год — первого мая, прикольно, да? Все трудящиеся ликуют!

Зрелое лето: июль, август,

осень: сентябрь, октябрь,

зима: декабрь, январь,
весна: март, апрель –
класс! Я — молодец!

— Конечно ты — молодец, любимая! — сказал муж. Я, конечно, заподозрила в этой реплике долю ехидства, но, тем не менее, новый календарь начал быть.

И все вздохнули с облегчением, потому что говорить даже «сорокового августа» гораздо удобнее, чем «сорокового дня четвертого месяца». Вот так мной почти единолично была проведена реформа календаря. И на письме обозначения: дата по календарю Старой земли — значит, СтЗ, Новой — НЗ. Мы это и в блоге своём прописали, с предложением: кому хочется — пользуйтесь. Тысызыть, пролетарии всех стран — присоединяйтесь!

19. МНОГО ВСЕГО, ДА РАЗНОГО...

СИДИ-НЕ СИДИ, А МЕШКИ ВЕЗТИ НАДО...

Новая Земля, остров-острог, 20.02 (июня).0001

Петух исправно проорал в шесть утра. Молодец! Я сверила часы — пока всё верно, не бегут, не отстают.

Сегодня Вова взял четверых помощников и снова устроил лесоповал, потому что все толстые брёвна кончились. На этот раз деляночку выбрали пониже брода, в сторону Бурной.

Пока башня простаивала, разогнавшиеся по плотницкой части мужики доделали-таки нам погреб (с полками, всякими закромами и крюками для будущего мяса; ну, или хотя бы для капусты) и забабашили ещё пару столов. Не как вы себе подумали, по маленьким хрущёвским кухням, а широких, метровых. И длиной метра по три. За один стол спокойно десяток человек садится. Если в два приёма — то можно всем есть как белые люди! Или как Валя сегодня сделала: сперва покормить детей, а потом взрослых. Но для полного счастья нужно ещё парочку, конечно. Хочется же всем вместе.

Лес основательно просох, и весь мой детско-бабий батальон весь день собирал ягоду. Малину по большей части.

И что я вам скажу! После дождя в сосняке проклюнулось столько масляток! Маленькие, хорошенькие, как пуговики! Мы домой с ягодой шиш, увидели их и по дороге накопили полведра, на жарёху. Так после ужина, пока ещё светло, столько любителей грибы собирать выскочило! Даже среди молодёжи, что меня несколько удивило. С другой стороны, это же по-своему азартное занятие.

Валя объявила, что умеет их солить, где-то у меня была двухведёрная кадушка, надо ей выдать. Боюсь, правда, что этим не ограничится. Хотя — почему «боюсь»? Надеюсь! Срочно, срочно заказываем бочки!

В восемь вечера на весь остров раздался звон — как будто молотком в сковородку стучат. Мы понеслись в лагерь. Оказалось — сигнал на тренировку. А я и забыла, ворона! Пришлось пулей лететь, наряжаться в спортивную форму. Дал нам жару, короче, Владимир Олегыч. После трени ко мне выстроилась очередь жаждущих исцеления. Читеры мы, да-да...

Я успела пару раз занырнуть в тёплый заливчик, и надо было уже собираться к порталу. Груза сегодня много (мешки ещё эти вчерашние надо подобрать!) так что поедем на тележке, длинной дорогой. Андрей запряг нам четвёрочку, Вова загрузил две бочки рыбы, несколько ящиков с баночками варенья, одеяло для меня — и мы поехали. Ворота за нами поднялись. Острог закрылся на ночь. Из крестовидных окон махал нам вслед отряд настоящих индейцев.

Забыла сказать — Илья и Максим тоже пошли с нами, вроде, с Мироном договор был ещё раз встретиться. С той стороны брода мужики подобрали три больших чёрных мешка (сказали, что упаковано в два слоя, и вроде не пахло, но всё равно было пипец как неудобно). Вова поставил их в самый хвост телеги, и я порадовалась, что от их неприятного содержимого меня отделяют рыба и варенье.

Чё людям мирно не жилось?

Я лежала на одеяле и смотрела в небо, синее, как синее бутылочное стекло. Синева постепенно густела, из глубины проступали золотые капельки звёзд. Так и не заметила, как заснула.

ТЁТЯ МАША

Новая Земля, Иркутский Портал, 21. 02(июня). 0001 // СтЗ, второе воскресенье августа
Вова разбудил меня на самом подъезде к portalу. Только-только перевалило за полночь.

Мы выехали из тёмно-синей ночи в ранний августовский вечер. Как странно! Никак не привыкну к этим временным перепадам.

За столами нас ждали Мирон, Аня и Лёня. Мирон, извинившись, сразу отсел переговорить с сыном и дядей, а мы устроились напротив наших поверенных/блогеров.

Пошли приветы.

— Ой, тётя Маша! — это Анина мама, надо же, совсем сторбилась, я её даже не сразу и заметила. Одни глаза из-за стола! Я искренне была рада её видеть, отличная женщина! Бабушкой её как-то язык не поворачивался называть, хотя... Анютка у неё была поздняя, и возраст тётя Маши перевалил уже за восемьдесят. Тройной компрессионный перелом позвоночника согнул её пополам. А казалось бы — всего-то полную лейку из бочки подняла! Кто ж знал про остеопороз? Про таких бабушек один из героев, кажется, Шолохова ехидно говорил: «Зато тебе, бабуля, в церкви кланяться не надо», дескать, ручку-то опусти — и уже до пола достала. Всю жизнь худенькая, невысокая, согнувшись она и вовсе стала крошечной. Зато огромные голубые глазищи азартно сверкали, как у ребёнка на аттракционах.

— Привет, Олечка! Здравствуйте! — подчёркнуто вежливо поздоровалась она с Вовой, склоняя голову немножко в бок, голос у неё был слегка хриловатый и по-возрастному дребезжащий, — Мне тут Лёня показал ваши фотографии, как вы строитесь, как живёте, — она провела ладонями по краешку стола, словно разглаживая его поверхность; Вова терпеливо ждал, — Я бы хотела...

— Присоединиться к нам? — сформулировал он.

— Да! — сухонькие кулачки решительно сжались.

Лёня сосредоточенно снимал. Мы ж сказали ему снимать всё подряд? Ну вот.

— Я, ребята, честно говоря, не знаю... — расстроено вступила Аня, — Может, подумать ещё?

— А чего думать? — тётя Маша воинственно встрепенулась, — Ждать морковкина заговенья?

— Ну, не знаю, — Аня подыскивала слова, — Там же ничего нет... Ни домов...

— Острог уже есть, — веско сказал Вова.

— Вот! Ты слышала! Острог уже построили, а я тут сижу! — тётя Маша толкнула Анютку в бок.

Анино нордическое терпение готово было дать здоровенную трещину:

— Мама! А про нападение ты слышала?..

— И что? — барон был сейчас сама невозмутимость, — Сколько их ещё будет! Вон вчера: пятеро пришли. С навороченными арбалетами, деловые! Убить меня хотели.

— И что?! — в ужасе воскликнула Аня, непроизвольно повторяя Вовины слова.

— Да ничего, сложили их в три мешка. Что осталось.

— Мама!!! Я тебя прошу: подумай, пожалуйста!

Тётя Маша вовсе не была божьим одуванчиком. Не меняя тона, она бодро послала дочку на *уй. Присовокупив:

— Эти бандиты где? В мешках лежат. А Володя — вот он, сидит, целёхонький!.. Ну-ка, Лёнька, подвинься, я встану!

Она бодренько выползла из-за стола, просеменила на нашу сторону и торжественно пожала своему будущему барону руку. На фоне двухметрового Вовы она казалась и вовсе

ГНОМИКОМ.

Вова аккуратно ответил на рукопожатие и посоветовал:

— А вы попробуйте распрямиться!

Тётя Маша осторожно начала выпрямляться, потом смелее... Вытянувшись в полный рост она хрипловато рассмеялась и воскликнула:

— Нюрка! Ради одного этого стоило сюда залезть, ты понимаешь?

Аня расстроено кивнула. Вот как её подбодрить? Даже за руку ведь не возьмёшь...

— Ань, не переживай так — мы же вместе!

— Так! — тётя Маша была настроена решительно, — Квартиру мою продашь...

— Владик против будет, — поморщилась Аня.

— Плевать я хотела на Владика! Он только и приходит что-нибудь выпросить. Взрослый мужик, пусть сам зарабатывает, а я жива ещё. Так, Володя, рассказывай: что там в хозяйстве надо? Мы сейчас организуем.

— Я бы свиней заказал. Племенных: дюрков, ландрасов, мангалиц. Можно из племхозов привезти.

— Так-так! Это сколько стоит?

Вова вопросительно посмотрел на меня. Правильно, я же цены мониторила.

— Тыщ двадцать пять — тридцать штука. Да ещё за перевозку тыщ пятнадцать, наверное. Тут уточнять надо. Знаете, я б, на самом деле, и от крупной белой не отказалась. При наших нагрузках сало пойдёт за милый мой.

— Хорошо! — тётя Маша просто фонтанировала энергией, — Значит, сколько заказываем?

— А сколько у нас есть денег? — уточнил Вова.

— Сколько? — спросила тётя Маша Аню.

Аня уже листала на смартфоне сайт объявлений о продаже недвижимости.

— Если не торопиться — три восемьсот, я думаю.

— Миллиона?

— Да. Если быстрее... ну где-то три пятьсот будет.

— Два с половиной! — наша новая поселенка решительно хлопнула ладонью о ладонь, — Что сверх того — между внуками и детьми поделить поровну, без обид.

— Тогда я бы заказал по десятку трёх разных пород, а с остальным пока повременил. Подумать надо. За подробностями — это вот, к Ольге. Она распишет, — Вова поднялся, — Лёня, сдай грузовиком в портал, я тебе рыбу перегружу.

Лёнька отключил камеру и пошёл к грузовику. Гоу-про ему надо купить, которая на башку надевается. И отключаться не надо, и руки свободны.

Вокруг нас уже, кстати, нарезали круги любители исключительно-эко-натуральных продуктов. И любители экзотических продуктов (а новый мир пока точно был экзотикой). И просто любители вкусных продуктов. И все они ждали: когда же эта болтовня закончится и с машины начнётся торговля. Вова забрал наши заказы, загрузил грузовик рыбой и ягодой (предыдущая, кстати, разлетелась мгновенно, хотя Анна поставила ценник даже чуть выше, чем супер-пупер элитная из каких-то там эко-хозяйств), кинул чёрные мешки через границу, чтоб они упали у фургончика МФЦ.

Я тем временем передала Ане новые рисунки (и забрала предыдущие, уже заламинированные), новый список заказов, объяснение по рыбе, парочку статей и выдала особое поручение на алабайку-девочку (кому-куда звонить, обязательно заказать из другого

помёта, чтоб с Акташем были неродственные ну и т. д.) и объяснила, куда обращаться по свинюшкам. Тётя Маша сияла глазами, как октябрёнок, допущенный на заседание тайного общества тимуровцев.

Подошла Колина мама, извинилась, передала письмо, целый чемодан с какими-то художественными причиндалами и дорожную сумку с одеждой. Вот и хорошо.

Мирон тоже доставил несколько баулов с вещами. Потом он ещё о чём-то переговорил с Вовой, и мы двинулись в обратный путь.

Перед самым отъездом Вова махнул рукой дежурным полицейским и крикнул:

— Уважаемые! На минуточку можно вас?!

Лёня снова настроил камеру.

Старший лейтенант такой-то такойтович...

— Очень приятно. Вчера на наши земли вторгся отряд. По времени Старой Земли они прошли портал, скорее всего, сегодня утром, в районе шести-восьми часов. Если вы посмотрите по камерам, наверняка увидите. И свидетели будут. Пятеро мужчин, в камуфляже, с арбалетами. Лет по сорок пять — пятьдесят.

Лейтенант бодро раскрыл папочку:

— Вы сказали: вторглись?

— Да, напали с целью убийства.

— Если надо — мы свидетели! — подошли ближе Богдановы (Илья с Максимом). Вова махнул рукой, мол, не заморачивайтесь.

— Нападение отбито, останки вон там в мешках. Я думаю, ваш судмедэксперт разберётся. Всего доброго.

И мы ушли. Слияли просто внаглую. Бедный лейтенант.

Я сидела в телеге и экспериментировала с подачей энергии на расстоянии. Сильно меня заусило в последний раз: а если я не успею добежать? А если не будет возможности прикоснуться? Да мало ли! Надо наловчиться хоть как-то, хоть маленько подпитать человека удалённо. Я пыталась.

— Мирон предлагает мобильную хлебопечку, — сказал вдруг Вова, — Что думаешь?

Хлебопечки по жизни мне встречались только электрические, на одну булку. Не наш формат по всем статьям.

— А что за хлебопечка?

— Типа полевой кухни, очень похожий фургончик. Тоже может работать на дровах. Они, правда, подглючивают иногда: с одного края сильнее пекут. Чтобы равномерно получалось, надо поддоны переставлять, поворачивать.

Но в моих глазах все эти неудобства уже заслонила сияющая картина горячих буханок, вынимаемых из печи. По-моему я даже запах почувствовала.

— Милый, да это такие мелочи! Зато мы будем с хлебом! Это офигеть как классно!

— Я так и подумал, что тебе понравится.

— Ещё бы! А если о будущем задуматься, вот представь: едет отряд основывать новый посёлок. Например. И у них сразу есть кухня, баня и пекарня! А?

— Да, неплохо.

— Ну? Ты договорился?

— Да договорился, конечно!

— Что, хотел сюрприз сделать и не утерпел?

— Ага.

— Зато я буду жить с предвкушением. Это даже круче!

Муж засмеялся и покачал головой.

Тётя Маша бодро топала рядом с Богдановыми, слушала их рассказы и громко удивлялась. Я предложила ей сесть в телегу, но она заявила, что так давно нормально не ходила — дайте, мол, хоть порадоваться! Илья понимающе усмехался в усы.

ПРОСТО НЕМНОГО ВНИМАТЕЛЬНЕЕ

Новая Земля, Остров-острог, 21–32.02 (июня).0001

Тётя Маша, чтобы не было путаницы в именах, предложила называть её Магда (она, оказывается, Магдалена по паспорту!). Женская палатка была полнёхонька под завязку, и в этот же день мы решили поставить четвёртую большую палатку, а девушкам нашим маленько расселиться. Теперь в каждом женском общежитии был небольшой свободный пятачок, и они уже мечтали, как наставят туда столики и табуреточки, и наведут всяческий уют.

Коле получил посылку и письмо, засиял глазами и умчался читать.

Остальной наш день был похож на предыдущие и последующие. Мы по-прежнему бегали в лес (на самом же острове) и на рыбалку, заготавливали стройматериалы, потихоньку облагораживали быт, заготавливали всякое, что только могли, в жару купались, вечерами сидели у костров — разве что все стали чуть более осмотрительными, не ходили по одному, особенно детей старались постоянно держать в поле видимости.

Через четыре дня Лёня притаранил нам целую коробку свистков, громких и пронзительных, до щекотки в ушах. Вова провёл с детьми несколько тактических учений с отработкой чрезвычайных ситуаций, сказал, что таким образом тренироваться они будут каждую неделю, и строго-настрого запретил использовать свистки для баловства. Галя назидательно пересказала мелким рассказ про пацана, который всё кричал: «Волки-волки!» — а когда пришли волки, ему никто и не поверил. Кроме того, за ложные сигналы пригрозили отнимать свистки с запретом выхода за пределы лагеря. По-моему, эта угроза для детей была самая страшная.

И каждый божий вечер барон гонял нас на тренировки.

Ли́ка сочла, что мэллорн достиг своей максимальной высоты и нужной толщины, и начала потихоньку с ним договариваться. Тут нужна была особая тщательность. Барон рассчитал ей винтовую лестницу, поставил мелом разметочки на коре (пока до трёхметровой высоты), и эльфа работала. Половина этой работы состояла в трансе, когда она сидела, прислонившись к стволу спиной, и разговаривала с деревом. Несколько дней я малодушно подозревала, что толку не будет. Но, на пятый или шестой день в местах отметок на коре наметились бугорочки. Мэллорн выпускал опоры для будущих ступеней. Веточки росли строго горизонтально. Достигнув полутораметровой длины, стебелёк менял направление на вертикальное, разрастаясь в ограду (или правильно сказать: перила?), часть которой служила дополнительной опорой следующим ярусам. На каждый шаг подъёма полагалось две довольно толстых и очень прочных ветки. По ним можно было вполне спокойно подниматься, но мужики решили для бóльшего удобства всё же прикрепить ступеньки (не гвоздями, а верёвками, естественно). До практического крепления дело ещё не дошло: Ли́ка сказала: рано, рост ещё не закончен, так что ждём. Под первым витком у ступенек отросли ещё и дополнительные массивные корешки-упоры. Мэллорн постепенно

выпускал новые витки, теперь уже сам, без разметки, превращаясь в серебристо-зелёную ажурную колонну.

Дни бежали за днями, уже достроили северную башню и глубокий погреб. В столовой (под тентом, усиленным и расширенным со всех сторон армированной плёнкой) уже стояло в ряд шесть длинных столов, и Степан подумывал сварганить к ним вместо чурбаков такие же полубревенчатые лавочки. Уже был составлен генеральный план нашей будущей столовой, и барон с мужиками ударными темпами готовили для неё лесоматериал.

Вова, работавший и за кран, и за трактор, и за всякую прочую технику, старался успеть повсюду: валил огромные, в два-три обхвата, деревья, перетаскивал подготовленные брёвна (и само собой разумеется, без кучи вспомогательных приспособлений укладывать их тоже мог только он), вбивал быки для будущего моста через брод.

Про мост надо написать отдельно. Сперва наш барон втыкал толстый (в два обхвата) лиственничный столб с заострённым снизу концом «вчерне», по месту. Дальше нужны были четыре помощника, чтобы будущая опора стояла на растяжках ровно; по бокам столба делались две приступки для ног, на которые Вова забирался (чтоб все бароны так жили) и вколачивал эту сваю в дно ещё одним бревном. Пока стояло восемь шестиметровых пролётов. Ну, не знаю... Лиственничные быки такой толщины — это если не на вечно, то очень, очень надолго. Вон, Венеция уже сколько столетий на лиственничных сваях стоит, вся!

Женщины и дети усиленно занимались ягодой. Земляники стало поменьше, но всё ещё достаточно для сбора, так скажем, в товарных количествах. А вот малина как будто только набрала самый сок, кусты под тяжёлыми гроздьями ягод сгибались аж до земли.

Собирали грибы. На северной оконечности острова, в смешанном леске, обнаружили подберёзовики/подосиновики. Эти мы сушили (для супа), все боковые стены на втором этаже северной башни были увешаны прикрытыми марлей грибными гирляндами.

Короче, не зря кроманьонцы изобрели собирательство.

Солили и коптили рыбу.

Кстати, нашли тут одно место, где попадались здоровенные полутораметровые разожратые налимы. Эти гады пооборвали нам самые толстые из имеющихся лесок, и пришлось заказывать специальные, мощные. Барон научил молодёжь специальной хитрости: ловить с применением полена. Короче, крепится леска, не просто так, а через дополнительную опору (ну, типа рогули); на неё наваливается полено потяжелее, чтобы у рыбы не получалось резкого рывка — и пока она туда-сюда мотыляется, то устаёт — и можно уже вытягивать. В качестве наживки нужна была лягушка. Или мышка. Мышки на острове были жутко дефицитным товаром, как и вообще грызуны. А всё Англе. Точнее, я. Я её попросила вычистить остров от мышей и прочих острозубцев. *Во-вторых*, потому что они попортят нам продукты. *А во-первых*, потому что я боюсь мышов, хоть убейте меня. А уж крысов... Так что на острове была санитарная зона.

Мышек нам время от времени приносили хищные остроклювые коршуны, с которыми как-то договаривалась друида, и рыбалка шла.

Вова сразу предупредил, что налим — рыба вкусная, но очень жирная. Уху варить вперемешку со щукой, холодной воды после ухи не пить! В подкрепление своих слов рассказал страшную историю:

— Дядька мой рассказывал. Есть на Байкале остров, называется Покойницкий Камень, рядом с посёлком Курбулик...

— Наше слово! — встрепелулся Кадарчан, — по-эвенкийски значит «покойники»!

— Не знал. Так вот, говорят, что несколько геологов умерли там после того, как объелись жирного налима и неосторожно запили холодной водой. Жир встал колом в желудке — заворот кишок. Правда или нет — не знаю. Но рисковать не советую.

Валя в порядке эксперимента достала советскую ручную мясорубку и накрутила из налима котлеты. Получилось вкусно, хотя у неё всё вкусно получается.

Скотинка нагуливала бока и лоснилась.

Несколько несушек устроили себе гнёзда, и мы ждали цыплячьего прибавления.

На огороде что-то колосилось, но до существенных результатов дело пока не дошло.

Никита целыми днями звенел в своём углу. Работы было много: специальные мощные петли для башенных ворот, петли поменьше для дверей будущих домов (поскольку мы опасались, что хлипкие староземельские петли не выдержат наших массивных дверей «фирмы Собакевич»*, переделка на конные тягловых устройств фургонов и полевой кухни, рассчитанных на машины, правка инструмента...

**Собакевич — персонаж книги Гоголя «Мёртвые души», помещик, отличавшийся тягой к повышенной прочности, монументальности всех предметов быта,*

да вообще всего, что его окружало:

домов, заборов, всяческих построек.

Табуретка с ножками из бруса десять на десять

и сидушкой хотя бы из пятёрки —

идеальный образец стиля «Собакевич».

Но самое главное: Никита начал ковать нашему барону доспех. Дело затруднялось тем, что задумался этот доспех по новой Вовиной силе — совершенно неподъёмным, и помогать кузнецу (подавать заготовки, поддерживать, поворачивать и т. д.) должен был сам Вова, для чего были даже выкованы специальные монструозные клещи. А времени на это было катастрофически мало. И тем не менее, потихоньку дело двигалось.

Через восемь наших дней после договорённости о хлебопечке (и всего лишь через два дня, которые прошли для Мирона, за что я ему особенно благодарна), мы получили-таки эту чудесную штуку! На этот раз — с подробной инструкцией.

Валя, уже знакомая с общей схемой агрегата, быстренько начала обживать новое имущество и — аллилуйя! — к вечеру мы уже попробовали первый хлебушек. Сильно начинаю подозревать, что на Валентину-таки спустилось благословение богов, ибо вот так запросто, с первого раза, невозможно испечь в новой пекарне такой красивый и главное — обалденно вкусный хлеб!

Вместе с чудо-печкой приехали и первые куртки и жилеты (и не просто так, а с гербом Белого Ворона!) из кевлара, тварона, херакрона и хрен знает чего ещё особопрочного, пошитого в несколько слоёв. Это, конечно, не стальные латы, но определённый класс защиты даёт. Все желающие меряли, пробовали тыкать ножиками и в один даже стреляли из луков и арбалетов. Развлекались, короче, как могли.

В тот же день прибыли наши новые алабайки. Заводчица подошла к вопросу ответственно, и привезла на выбор аж восьмерых девчух из разных помётов, двух-трёхмесячных. Вова специально взял с собой Англе, и она выбрала аж четырёх самых подходящих нам девочек: здоровых, смелых, интеллектуально одарённых, отличниц,

спортсменок, комсомолок...

Все девки были уже с именами, и в документы были вложены бумажки с пояснениями, чтобы мы ничего не перепутали:

Зáрба — разящий удар (чисто белая),

Пири́м — хитрость (белая, с двумя симметричными коричнево-сероватыми овальными пятнами на голове (типа наушников)),

Уму́р — туман (белая с подпалом; подпалины были очень светлые, серо-бежевые: на морде, от глаз к ушам, по спине и немного на лапах),

Тыллá — золото (светло-рыжая, а я бы сказала: медово-бежевая, с золотистым отливом шерсти, и вправду — золотая).

Барон, если быть до конца честным, был настроен на чисто белых, но Англе очень серьёзно сказала, что эти — самые лучшие, и он уступил.

Теперь они занимались целой группой, осваивали собачьи университеты))

Нападающих пока больше не было, не видели мы и следов. Но бдеть не перестали.

20. И ТАК БЫВАЕТ ТОЖЕ

ИДЁМ ВСТРЕЧАТЬ ЖЕРЕБЯТ

Новая Земля, наш остров — Иркутский портал, 33.02 (июня).0001 // СтЗ, третья среда августа

В эту среду, с утра (это по Иркутскому времени), должны были приехать четверо жеребят-тяжеловозов, и поэтому в прошлый приезд Вова поручил Лёньке переслать Але Савельевой (Андреевой жене) сообщение, что мы будем встречать её у портала в тот же день, в шесть вечера.

Весь день накануне Алёнка подскакивала как мячик. Как же: мама приедет!

Андрюха, Арамис наш, вообще пришёл в мечтательное состояние, и это ничем не лечилось. После того, как его едва не накрыло падающим деревом, Вова отправил его в лагерь, рыбу ловить (видимо, надеясь, что там он никому не причинит вреда и сам не утонет).

К вечеру Андрей побрился, намарафетился и совсем стал похож на жениха: принаряженный и с шальными глазами. Потом ему, правда, пришлось до трусов раздеться: надо же было переправить коневоз, жеребят везти.

Ну и вот, двигались мы небольшим поездом: впереди запряжённая четвёркой открытая повозка (та, которую Мирон нам подогнал, переделанная кузнецом Никитой под конскую упряжь), сзади пара весёлых пегих лошадок тащила коневоз. Народу собралось много: Вова, я, Андрей, Алёнка, которая никак не могла усидеть на месте, трое мужиков сопровождения (Стёпа, Мичил и Лёха) и, наконец, Англе, которая сильно переживала, чтобы у детей (жеребят, то есть) не случился стресс.

Бомжи и попрошайки, зная, что Вова их не жалуется, при приближении нашего кортежа сныкались в свои логовища. Лес был тихий и пустой. Андрей нарвал букет розовых саранок и стал выглядеть ещё более торжественно.

У портала сидел Лёнька, грузовик стоял чуть в сторонке. И — внимание! — стояла очередь из желающих продуктовой экзотики. Лёха со Степаном, не теряя времени, начали торговать. Всё равно Али ещё не было. Пока мы ждали да разговаривали, подошёл солидный дяденька, представился хозяином готовящегося к открытию ресторана «Новая Земля». Предложил договор на регулярные поставки, купил понемногу попробовать всего, что мы привезли. Обещал, кстати, взять на себя оформление всяких санитарных и разрешительных документов, чтобы к нам (и к Лёне, в том числе) вопросов не возникало — в обмен на приоритетные поставки и небольшую скидочку. Мы подумали — и согласились. Всё проще жить. Вот так остановят Лёню с (допустим) рыбой, — доказывай потом, что ты не олень! А рыба — существо нежное, к промедлениям нетерпимое... Короче, все остались друг другом довольны.

Ну что, стоим уже двадцать минут, а Али всё нет.

— Лёнь, а ты ей вчера написал?

— Конечно, как договаривались!

— Давай ещё раз напишем? А лучше позвоним!

Пока Лёня звонил, Алёнка усердно тянула шею, надеясь разглядеть подъезжающую мать.

— Трубку не берёт, — сказал Лёнька, — Не слышит, наверное. Я напишу сейчас, что вы

уже здесь.

— Может едет? — предположила я, — За рулём трубку не берёт?

— Может, пробка? — Алёнка хотела залезть на лавку, чтоб быть повыше, но передумала.

Вова потихоньку начал мрачнеть.

— А вдруг случилось что-то? — забеспокоился Андрей.

Лёнька начал звонить ещё раз, нахмурился, снова нажал вызов:

— Сбрасывает...

— И что делать? — я посмотрела на смурного мужа, — Пойдёмте в фургон, можно же через тётенку дежурную позвонить!

В фургончике скучала уже знакомая нам полноватая женщина. Увидев ввалившуюся толпу (двое Савельевых, Вова, я и Англе с одной стороны и Лёня — с другой) она немног оторопела, но быстро сориентировалась в ситуации и начала набирать номер:

— Я на громкую связь включу сразу... — в динамике раздались протяжные гудки, потом что-то зашуршало...

— Алё?

Дежурная заговорила специальным официальным голосом, каким говорят только женщины «при исполнении»:

— Добрый день! Это Альбина Станиславовна Савельева?

— Да.

— С вами говорит дежурный оператор Многофункционального центра Иркутского портала. С вами хочет поговорить ваш муж... — дежурная захлопала подкрашенными ресницами и растерянно посмотрела на нас, — Она отключилась.

— Связь наверное оборвалась! — Андрей подался вперёд, насколько это позволяла невидимая стенка, — Попробуйте ещё раз!

В фургон попытались зайти какие-то люди, но Лёня их вежливо выпер, под предлогом того, что ещё занято.

Дежурная позвонила ещё раз. А потом ещё раз. И ещё раз.

— Может, у неё телефон разрядился? — в голосе Андрея было отчаяние. Вовка поморщился и покачал головой. Ну да, тогда бы было слышно: «телефон абонента недоступен» или типа того. А не обрыв гудков. Алёнка сжала перед собой кулачки, глазищи у неё стали совершенно огромные.

Под дверью кто-то возмущался, мол, «что так долго, сколько можно». В дверь просунулось широкое лицо дежурного полицейского:

— Добрый вечер! Всё в порядке у вас? — блин, бурятский акцент с характерной рокочущей скороговоркой ни с каким другим не спутаешь!

— Да вот, не можем дозвониться... — операторша в который раз безуспешно пыталась установить связь.

— Так давайте с моего попробуем! — двухметровый широченный полицейский вошёл внутрь и стало совсем тесно, — Так, кто родственники?.. — кивнул, отмечая, — Номер говорите!

На этот раз она взяла.

— Да?

— Добрый вечер, гражданочка! Капитан Самбаев! Трубку не кладите, иначе имею инструкцию на вызов группы по адресу! Ваши действия повлекли кризис в работе отдела

государственного учреждения, а это уже административное правонарушение. Вы с родственниками переговорите, пожалуйста, людей не задерживайте! Громкую связь включаю вам! — он ткнул в экран и повернул телефон, подвинув его в нашу сторону, насколько это позволяла граница.

Андрей открыл рот, но дочь его опередила:

— Мама!!! — в голосе Алёнки слышались сдерживаемые рыдания, — Что случилось, объясни?!

Старший Савельев успокаивающе обнял дочь за плечи.

— Алечка, что с тобой? Мы же договорились...

Аля ответила не сразу, капитан Самбаев терпеливо ждал, время от времени переминаясь с ноги на ногу, на экране телефона бежали секунды. Андрей сделал ещё одну попытку:

— Что-то с Петькой?

В трубке длинно вздохнули:

— Андрюш, не в Петьке дело. Я... Я не готова к этому, понимаешь? Жить в палатках бояться нападения бандитов... Это слишком, тебе не кажется?

Андрей потемнел лицом и сгорбился:

— Ты не придёшь?

— Нет. Извини.

— Минуточку! — Вове даже не пришлось вперёд проходить, он просто голос повысил, — Аля, а где наши лошади?

— Э-э-э... — она, видимо, не ожидала услышать кого-то ещё, — Но он же увёл всех наших лошадей... Вот пусть с вами и поделится. Я как должна остаться?.. У меня же ученики, на ипподроме аренда...

— Стоп! — от командирского рыка завибрировали стенки вагончика; операторша аккуратно закрыла уши пальчиками, — Как вы будете делить нажитое с мужем имущество — ваше дело! Насколько я знаю, у тебя осталась квартира, машина, дача, конюшня. Очень приличный кусок земли! Если Андрюха подаст на раздел — ты ещё и должна останешься. А вот четверо жеребят были конкретно на Ольгу оформлены и ею же оплачены! Получила ты их по доверенности, так что изволь завтра к шести часам вечера предъявить животных — иначе *я подам на тебя в суд!* За присвоение чужого имущества! И будь уверена — выиграю его! И ещё компенсацию с тебя слуплю! Ясно?!!

В трубке повисла тишина. Я уж думала, она там остекленела совсем. Потом всё-таки раздался тихий голос:

— Хорошо.

— Всего доброго! — прорычал Вова и подчёркнуто аккуратно вышел на улицу.

Я тихонько длинно выдохнула. Страшно, блин, когда он в гневе. Все молчали. Капитан Самбаев пытливо осмотрел немую сцену, уточнил: не хочет ли ещё кто-нибудь высказаться и прервал звонок. Мы грустно выползли из фургона. На улице Алёнка отозвала Лёню в сторонку и о чём-то его попросила. Кажется, передала свой телефон. Андрей вышел последним и остановился, глядя на букет саранок в своих руках. Хотя, по-моему, он вообще ничего не видел.

Мужички наши тем временем хорошо расторговались. Лёне осталось меньше половины нашей вкуснятины. Мы обменялись грузами и... Андрей наотрез отказался уезжать. Сказал, что коневоз через брод таскать резона нет (ну, в принципе, логично), что в круге портала нужно просидеть всего лишь сутки, а не четверо (тоже не лишено смысла), ну и вот... Вы,

типа, езжайте, а я здесь посижу.

Андле неожиданно села на лавку:

— Я тоже здесь посижу.

Я присела рядом.

— Ан, ты чего?

— На всякий случай. Если что — за лошадами присмотрю.

Андрюха сидел совершенно чёрный. Как пить дать — напьётся. Пусть и правда друида за лошадьми посмотрит.

— Ладно, давай руку.

— Зачем?

— Я тебя подкачаю, сутки спать не захочешь.

— Точно! Давай.

На этом мы и расстались.

Странное у меня было чувство. Вроде, и хорошие тоже были новости, но вот эта Алькина выходка — она просто... Хотя, с другой стороны, человек имеет право выбора. Решила она остаться. Но не за наш же счёт дела свои поправлять?! Деловая, тоже!

Алёнка лежала в тележке и тихонько плакала, пока не уснула. Вот надо ж ты: то одна хотела, с чужими людьми. А как мать пообещала, да не пришла — такое горе. Эх-х-х...

ВТОРОЙ ЗАХОД

Новая Земля, Портал — Остров-острог, 36–37.02 (июня).0001 // СтЗ, вечер третьего четверга августа

Четыре дня прошли... ну не то что бы как сон пустой, но сильно я переживала и тревожилась: а ну как Алька упрётся? Придётся судиться, нервничать, доказывать — очень я не люблю это дело. И главное — для нас вся эта судебная тягомотина займёт в четыре раза больше времени, чем для неё. Все вариации подобного развития событий вызывали у меня внутреннее содрогание.

И вот на четвёртый день вечером мы снова выдвинулись в путь. Алёнку Вова брат не стал: непонятно ещё, как дело обернётся. Трое мужиков сопровождения достаточно. И я. После того нападения на вырубке я таскалась с ним исправно, на случай если всё-таки какой-нибудь снайпер выцелит моего барона. Очень боялась, что не успеют довезти.

Поехали пораньше, аж на два часа. Вот прямо что-то меня подгоняло. И не зря. Не доезжая до портала километра за три, навстречу нам из леса вышла Андле. Ну вот, так я и знала! Не можем мы без приключений!

Короче, дело вышло дрянь.

Досидели они до ночи (по времени Старой Земли, конечно — они ж сидели там же, за столами у портала). Андрюха впал в мрачную депрессию, купил у кого-то бутылку и начал заливать своё горе. Потом к нему подсели какие-то попрошайки, начали выспрашивать, сочувствовать. Появились ещё бутылки. Но эти оказались ещё ничего, просто выпить хотели на халяву. Потом пришли другие, шестеро. Не такие.

Чем эти новые были не такие, Андле объяснить не смогла. Не такие — и всё тут. Они вытеснили первых, более трусливых и стали дальше наливать, совсем уже дрянью.

— Знаешь, Оля, они ему, по-моему, какие-то таблетки в стакан бросили.

Андле хотела вмешаться, но её не подпустили, а Андрей уже не соображал. Ободрали его, по ходу, как липку... Потом особо предприимчивые решили, что фургон и девушка — это тоже неплохо.

— Ну, не томи?

— Я лошадям сказала перебежать границу и встать около дежурного поста, а сама убежала. Всё-таки они пьяные были, не поймали меня. Но по лесу искали, поэтому я подальше ушла.

Вовка принял решение быстро:

— Мужики, едем спокойно, я вперёд. Девочки, придётся маленько потерпеть, — с этими словами он подхватил нас с друидой под мышки, как два кулька, и рванул с места, поясняя уже на бегу, — Боюсь, как бы Андрюха дуба не врезал.

Долетели мы за пару минут. Шалман был в полном разгаре. Видимо, не найдя друиду в лесу, быдло-банда вернулась продолжать наливать. Причём с той (иркутской) стороны сидели, видимо, друганы — такие же красивые и такие же гордые. Дежурный наряд топтался рядом, пытаясь их призвать к порядку, но оккупировавшие стол синие морды хитро аргументировали, что они, дескать, решают: перейти ли им в новый мир — или нет. Вот сейчас они прямо на распутье. Не имеете права выгонять! Дежурный капитан (сегодня русский) смотрел в свой заламинированный приказ и скрипел зубами.

Наш Андрюша сидел на лавке, уперевшись лбом в стол, руки безвольно болтались. Из всей одежды на нём были только штаны.

Под столом рассыпались лепестки увядших саранок. Один из бомжей примерял уже твароновую куртку с нашим гербом! Вова аккуратно поставил нас с друидой на землю, взял этого урода за шкурку, стянул с него куртку, стараясь не порвать (сунул мне), а мужика, как держал, отправил в полёт в сторону ночного новоземного неба. Тело полетело, тряпичной куклой кувыряясь в воздухе.

Синие морды, не оценив по пьяни степени угрозы, начали вылезать из-за стола с хрипатыми выкриками типа: «Э-э-э! Ты чё творишь!», «Сышь, с*ка, мы щас тя уроем» и «***** (длинный пип)».

Расправляющему гордые крылья ближнему бойцу Вовка дал такого пинка под зад, что он успешно миновал порталный круг, поляну за ним и исчез в кустах.

— Где его вещ-щ-щ-щи?.. — ах, какой свистящий рык, аж за душу берёт!

Оставшиеся четверо наконец почуяли, что что-то идёт не так, и попытались скрыться от баронского правосудия. Вова перекрыл им пути к отступлению и начал методично ломать руки.

— Вещи и деньги, живо!

Они ползали, подвывали, и всё-таки пытались его обмануть. Свет сыграл на лезвии выкидушки, целились в живот. Рука с зажатым в ней ножом перелетела через стол к ногам ментов, остолбенело тарасившихся на эту сцену. Тело отправилось в полёт, в сторону многострадальных кустов и синего звёздного неба, разбрызгивая густые красные капли.

Только теперь оставшиеся трое испугались по-настоящему и начали выворачивать карманы, стаскивать Андрюхины часы, рубашку... Зато оживились их синие дружки, сидевшие на староземской стороне и, видимо, чувствовавшие себя в безопасности:

— Э-э! Ты чё такой борзый, а?! (и ещё один пип, потому что я такое ни за что не напишу)!

Вова не стал следить за дальнейшим полётом мысли, просто выдернул из-под Андрея лавочку, сбитую из пятёрочной доски (Андрюха безжизненно соскользнул под стол), и ткнул говорящему в зубы — так, чтобы не убить, но очень надолго отбить желание материться. Это

ведь человек не мог пройти сквозь портал в ту сторону, а предметы — вполне! Морда уroda превратилась в кровавую лепёшку. Остальные синяки от неожиданности завалились назад, под ноги ментам — только это их и спасло.

— Увижу ещё раз здесь — убью нах*й без разговоров!!! Пошли вон!

Быдло-личности разбегались на карачках (ну, кто мог), а Вовка поставил лавку и положил на неё нашего главного конюха. Не знаю, как правильно по-медицински это называется, на ум приходило только слово «кома».

Андле, с трудом дождавшись, пока уйдут эти страшные (пугающие её любимых питомцев) люди, позвала лошадей. Правильно: самое безопасное место — рядом с бароном!

А я начала лечить. Нет, исцелять. Делать целым и невредимым, да.

Андрей открыл глаза, сел, изумлённо провёл по груди руками. От этой жалкой картины мне стало грустно:

— Андрюш, ты дурак, да — с бомжами пить? С тобой девушку оставили, а её чуть какие-то уроды не изнасиловали, — Савельев судорожно заозирался, увидел Андле, деловито выходящую из МФЦ с тазиком, тряпкой и моющим средством (откуда у них всё это?!); друида строго на него посмотрела и начала мыть стол, — Да убежала она, — успокоила я его, — Но ты от этого молодцом не становишься!

Вова сунул ему комок вещей и кивнул головой в сторону порталной рамки:

— А ну, пошли, поговорим!

Я оглянулась по сторонам. Полицейские очистили площадку, разогнали всех любопытных и по большому периметру вокруг портала натянули бело-красную полосатую ленточку.

Для скорой место готовят, что ли? Тот, лавкой ударенный, так и лежит, булькает кровавыми пузырями.

— Девушка! Госпожа баронесса! Можно вас? — надо же, автоматически удивилась я: стала известной фигурой! Полицейские уже узнают! Хотя... Если здесь дежурят одни и те же, да вдруг ещё наш блог читают... Разговор вёл один, двое оставшихся дежурных натурально пасли поляну. Загадочные они какие-то.

— Я вас слушаю.

— Тут такое дело... Не могли бы вы этого козла... того...

«Того» — очень размытое определение:

— Убить что ли?

Мужик даже немного оскорбился:

— Нет! Зачем убить. Мы с мужиками посоветовались... Так. Я с начала начну, ладно? Бомжи эти совсем страх потеряли — вы видели же? Людям нормальным иногда и сесть некуда. Права качают, нарываются. Сегодня друга вашего на глазах у всех дрянью какой-то напоили, обобрали — а мы даже сделать ничего не можем!

— Та-ак?.. — подбодрила я его.

— Заберите вы его, а?

Теперь настала моя очередь немножко оторопеть:

— В смысле — заберите?

— Я знаю, видел, вы из беглых, с зоны, двоих оставили, ну... — да, слово непривычное, язык карябает; подсказываю:

— Рабами.

— Именно так. Этому если скорую щас вызвать — все говна нахлебаемся, и мы, и вы, — лежащий мужик как нарочно захрипел, — Сами понимаете, если захотеть, проблемы людям всегда можно устроить. Начнутся проверки, допуски, разрешения на торговлю, да мало ли что придумают... А вы его возьмёте. Во временное это... зависимое состояние, во! Типа на перевоспитание. Общественно-полезные работы! И обществу польза, и сам может быть человеком станет, — в последней фразе офицера сквозило явное сомнение.

— А почему вы так хотите, чтобы мы его забрали?

— Видите ли... Мы же уже в курсе, что болезни исцеляются. Болезни, а не травмы. Так его перекинуть — сдохнет ведь?

— А вам жалко?

Парень нахмурился и засопел:

— Не-по-людски как-то... — надо ж ты, правильный какой! — А если вы его вылечите и гулять отпустите — он же людям проходу не даст! То дай на выпить, то покушать. Готовый люмпен.

А офицер-то ещё и образованный! Я длинно вздохнула.

— Знаете, это муж должен решить. Минутку подождите, хорошо?

Парень покивал:

— Ждём.

О! Мужики наши приехали! В то же время с другой стороны появились Вова и Андрей Андрюха был мрачный и пристыженный. Выволочку получил, ясно.

— Вов! Нужно твоё баронское решение!

Муж послушал, подумал, махнул рукой:

— Закидывайте, мужики!

Потом дождался, пока я приведу пациента во вменяемое состояние, взял его за шкурку и уволок из поля видимости, за портал. Полицейские бодро, с чувством хорошо выполненной работы, сматывали заградительные ленточки. Встревоженные любители эко-пищи устремились поскорее занять очередь. Англе деловито домывала лавочки.

Так! Письмо!

Я заглянула в фургончик. Дежурная обрадовалась:

— Ой, добрый лень! Есть, есть вашему мальчику письмо!

— Добрый! А вот как раз родителям! — я положила письмо в специальный лоточек (знаете, типа как в банках у кассира); судя по активизировавшейся переписке, скоро можно будет и встречу организовывать, — А это вам, попробуйте! — в тот же лоточек успешно поместился небольшой свёрточек с копчёной рыбкой — пара чудных хариусов (или, как у нас иногда говорят: хайрюзов), вкусны-ы-ых. А что? И реклама, и хорошее отношение. Нам не стоит фактически ни-че-го. А вот некоторые бонусы — например, разрешение оставлять в фургончике весы для торговли, чтобы не таскаться с ними, да по кочкам не растрясать — уже есть.

Ну что, время подкатывает к шести, вон уже и Лёня подъехал, тихонечко сдаёт кузовом в портал. Подошёл Вова.

На площадку выкатился серый форестер с прицепленным коневозом. Андрей вскочил. Да блин дырявый, я прямо смотреть на это не могу!

Аля вышла — тоненькая, деловитая, в джинсиках, обтягивающей белой маечке, причепурённая — типа, видишь, что ты потерял? Сучка, блин, крашенная. Хоть бы мужику душу не травила! Губки поджаты. Андрюха старался поймать её взгляд. Ну вы поняли, да?

Схема «я тебя в упор не вижу».

Она распахнула дверь конезова и начала выгонять на улицу жеребят. В какой-то момент мне показалось, что ей очень хочется, чтобы они испугались и побежали в разные стороны, но тут подошла друида и тихонько мелодично засвистела. «Дети» насторожили ушки... и побежали к своей новой маме наперегонки! Довольно росленькие такие детки, надо сказать. Особенно вон тот, чёрненький, с белой проточиной на лбу и в пушистых белых же гетрах.

Аля подошла нервной, дёрганой походкой. Если бы у неё были каблуки, они бы издавали пронзительные цокающие звуки. Шлёпнула на стол бумаги:

— Всё! Я вам больше ничего не должна!

Андрюха смотрел на неё, как побитая собака.

Задняя дверь форестера распахнулась:

— Папа! Привет! — В щель показалась одна нога, потом очень медленно — вторая. Петька!

Петя выбрался из машины и остановился, скрючившись, цепляясь за дверцу и переводя дух. Аля поспешила к нему:

— Петя! Зачем ты?.. Я бы подъехала ближе — из машины поговорил!

Сцена начала привлекать зевак, которых всегда было полно у портала. Они стягивались на очередное зрелище, как волки вокруг добычи.

— Нет! — Петька упрямо мотнул головой, — Не хочу!

— Ладно, подожди, я хоть кресло достану.

Открывать багажник форестера с прицепленным конезовом было капец как неудобно, Алька психовала. Полицейский, глядя на эту сцену, подошёл помочь, вытащил и разложил агрегат. Она поблагодарила его сквозь зубы и подкатила инвалидную коляску к сыну:

— Давай! Только недолго!

Петька сел, привычно стиснув зубы. Мать развернула его и немного продвинулась вперёд, чтобы кресло оказалось напротив отца, метрах в трёх.

— Мама, ты подкати меня поближе. Я же понимаю, что тебе трудно будет меня возить... мы, может, и не приедем больше... Я... не хочу, чтобы чужие меня слушали.

Аля нахмурилась, посмотрела на праздношатающихся, которых становилось всё больше, потом поджала губы и кивнула каким-то своим мыслям.

— Ладно. Действительно...

Она подъехала ближе, внимательно следя, чтобы кресло не прикоснулось к черте раздела. Андрей стоял совсем близко, настолько, насколько это позволяла невидимая стена...

— Привет, пап! Как ты?

— Привет, сынок. Как видишь, — Андрей развёл руками, — Как нога?

— Да как всегда. Сказали терпеть ещё четыре года, тогда будут решать — можно уже операцию делать или нет.

Они поговорили ещё немного — об оставшихся сёстрах, о школе, о домашних пустяках. Альбина поджимала губы и время от времени нетерпеливо сопела. Андрей всё-таки не выдержал:

— Алечка, может быть ты передумаешь? Пожалуйста!

— Андрюш, не начинай!

— Но мы...

— Андрюша!

— Я же люблю тебя!

— Всё! Мы уходим! — она схватилась за ручки кресла.

— Мама, погоди! — Петька вскинулся, — Я прощаюсь! Мам!

— Хорошо, только быстро! — Аля отвернулась в сторону, чтобы не видеть Андреево лицо.

Петька сгорбился, опустил голову, даже как будто стал каким-то маленьким в своём кресле:

— Ты извини, что так получилось... Я тебя очень люблю! Я не хотел тебя расстраивать.

Аля шмыгнула вздёрнутым носом:

— Извини, Андрей, я думаю, нам пора... — она дёрнула инвалидное кресло назад, Петька сполз на асфальт, ощутило приложившись спиной, и засмеялся. Носок его кроссовка *уже был на той стороне.*

— Ну всё, мам. Можешь меня побить, пока есть возможность! — Он сел, морщась от боли. Я даже сквозь стену портала видела, что правый тазобедренный сустав полыхает красным.

— Но ты же только что... — мать продолжала сжимать ручки кресла. Так сильно, что костяшки на пальцах побелели.

— Мам... Я говорил это *тебе.*

Петька протянул руку через границу, отец выдернул его в наш мир, как редиску из грядки, и крепко обнял:

— Привет, сынок!

— Привет пап! — Петька прислушался к себе, — Ты знаешь, а нога не болит! — он покачался на носках, сначала тихонько, потом смелее, потом осторожно попрыгал, а потом совершил серию совершенно безумных скачков, издав при этом такой вопль, что из соседних кустов вылетела и шарахнулась в сторону стая пичуг, — А Алёнка где?

— Дома, сынок! — Андрей засмеялся.

— В том остроге? На острове? А как там?

Вова протянул пацану руку:

— Вот приедем, и сам увидишь! — остальные наши тоже подтянулись: ритуал же ж! Прибавление в мужском сообществе! Началось активное рукопожимание, — Всё, поехали, мужики, время идёт!

Меня радовало, что лицо у Андрюхи посветлело. Хотя, наверное, всё равно придётся предложить ему помощь психолога, мдя.

Савельевы обернулись и помахали остающейся Але:

— Пока, мам!

— Передавай привет девочкам! — добавил старший.

— Пока, — еле слышно ответила она. Голос её был совершенно бесцветным.

САВЕЛЬЕВЫ

Новая Земля, остров-острог, 38.02 (июня).0001

По дороге домой я спросила Петьку — как он додумался до такого фокуса? Оказывается, Алёнка подсказала! Оставила Лёне свой телефон и надиктовала текст сообщения. Когда Петька получил инструкцию от ушедшей сестры, с её номера — сразу поверил и что выздоровеет, и что достаточно прикоснуться хоть пальцем ноги, чтобы никто ничего уже не смог поделаться. А дальше — дело техники: правильно сыграть на публику, чуть-чуть сползти вниз по сиденью, чтобы нога дотянулась...

Ох, чувствую, будет у нас артист!

— Жалко маму, конечно, — подытожил бодро шагающий Петька, — Но я думаю, она потом поймёт.

Может быть, Петя, может быть...

За Петьку я была рада. Насиделся парень и намучился с этим своим суставом. Банде индейцев приняла его благосклонно, и теперь он яростно навёрстывал упущенное, осваивая остров, рыбалку, собирательство (во славу кроманьонских предков!), плаванье, лазанье, беготню и тренировки.

Андрюха, немедленно переехавший из малосемейки в мужскую общагу вместе с сыном, к утру снова захандрил. Это прямо было видно по его сгорбившейся фигуре, вялым жестам. А какое у нас лучшее средство от депресняка? Правильно! Трудотерапия! Дело, и желательно не монотонное, а такое, чтобы мозги были подключены.

Посоветовавшись, мы с мужем приняли стратегическое баронское решение: конные тренировки! У нас целая куча лошадей, выученных под седло. Лошадь — вообще орудие пролетариата. Не путать с бульжником! С лошадью должны научиться обращаться все! Короче, ежедневно после обеда Андрей занимался с кем-то, по очереди. Вот прямо, чтобы человек пять-шесть подряд. И Алёнка рядом с ним, чтоб не расслаблялся — пусть ещё и второго тренера воспитывает. В идеале нужно было вырулить так, чтобы у каждого человека было хотя бы по две конных тренировки в неделю. Лад-но... Я села за бумажки и начала набрасывать график. Блин, чувствую себя прямо завучем с расписанием на две смены...

Но я не жалуясь, заметьте!

Много народу — куда лучше, чем мало. А будет ещё больше! В этом я была уверена на триста процентов.

Будет.

Дайте только срок.

Ставьте лайки, пишите комментарии,
и да пребудет с вами муза бобра!